

НА БОЕВОМ ПОСТУ

**Наша память
смотрит с высоты**

**Две войны
Альфреда
Долотказина**

**Брак и семья
русского офицера**

12'99

Мы перед павшими
Мы в долгу

На чеченской войне в 1994 — 1996 гг. погиб 1191 военнослужащий внутренних войск. Скорбный список потерь пополнился новыми именами в августе — ноябре нынешнего года: еще 126 человек сложили свои головы в боях с бандитами на земле Дагестана и Чечни, судьба 7 военнослужащих до сих пор неизвестна. В память о павших в сквере возле здания Главного командования внутренних войск возводится монумент, готовится к изданию Книга памяти. Но все это вряд ли утешит вдов и матерей, потерявших на войне своих самых близких и родных людей. Мы все в долгу перед павшими.

В первых числах ноября в Москве состоялась ставшая уже традиционной встреча с вдовами и родителями погибших военнору-

жащих внутренних войск, приуроченная к Дню российской милиции.

Из разных уголков страны приехали на эту встречу родственники погибших. Среди приглашенных Валентина Александровна Заславская, вдова полковника Александра Заславского, бывшего помощника командующего внутренними войсками, погибшего в октябре 95-го на площади Минутка в Грозном; Наталья Бернардовна Клинова, вдова подполковника Александра Клинова, офицера-разведчика, погибшего во время январского штурма чеченской столицы; Наталья Анатольевна и Валентина Авдеевна Басурмановы, вдова и мать Героя Российской Федерации майора Сергея Басурманова, по-

В ходе встречи вдовы и родители погибших посетили Мемориальный комплекс Победы на Поклонной горе, отслужили панихиду в Храме Христа Спасителя, возложили цветы к памятнику "Благодарная Россия — солдатам правопорядка" на Трубной площади.

В благотворительной акции приняли участие председатель попечительского совета благотворительного Фонда социальной поддержки "Линия жизни" Г.Авалишвили, заместитель председателя отдела внешних церковных сношений московской патриархии отец Феофан, президент парфюмерно-косметического салона "Арбат-Престиж" Владимир Некрасов и другие. Участие в акции людей неравнодушных дало возможность направить адресную помощь вдовам и родителям погибших, за что им отдельное спасибо.

Майор Сергей КОЛЕСНИКОВ

*— Где вы, русские офицеры,
И товарищи, и господа?..*

Отвечают:

— Цели мы, цели...

Нас ищите там, где беда.

Нас ищите там,

где молитвы

Прорастают

во взглядах вдов.

Нас ищите на поле битвы

И в глазах

нерожденных сынов...

Алексей КАРЕВ

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

мощника начальника разведки калачевской бригады внутренних войск, погибшего в боях с боевиками при освобождении Дагестана в августе нынешнего года; Елена Владимировна Абдрахманова, вдова младшего сержанта Фятиха Абдрахманова, военнослужащего-спецназовца, погибшего 3 сентября нынешнего года при проведении разведки в населенном пункте Кадар Республики Дагестан, и многие другие.

Слова сочувствия и поддержки выразили вдовам и родителям погибших председатель Правительства России Владимир Путин, министр внутренних дел Владимир Рушайло, главком внутренних войск Вячеслав Овчинников, патриарх Московский и Всея Руси Алексей II.

**Подполковник
Александр ВЫРВИЧ**

Мы пришли в Чечню не ради славы.
Деньги тоже не прельщали нас.
Просто есть проблемы у державы,
А в уставе слово есть "приказ".

Не юлили, мялись, сомневались,
А достойно отвечали: "Есть!"
И высоким смыслом наполнялись
Вечные понятия долг и честь.

**Подполковник милиции
Валерий ГОРБАНЬ**

Душа застыла в январе —
В Чечне мой лучший друг остался,
С кем вместе рос в одном дворе,
Смеялся, шкодничал и дрался;

С кем из буфета утащил
Однажды мамино варенье;
Кому рогатку подарил
В его десятый день рожденья...

Никто не знает, где лежит
Его израненное тело:
Попав в засаду, взвод побит,
Пробиться помощь не успела.

Но стоит только мне уснуть,
Моя душа к нему стремится,
Ведь для нее свободен путь
Через вражду, через границы.

И наши души по душам
Вести беседу начинают,
И вместе рвутся к небесам,
Смеются вместе и рыдают.

Но в тело сонное к утру
Моя душа опять вернется
И я проснусь, я не умру,
Лишь сердце болью отзовется.

И мне опять приснится сон
Всего за миг до пробужденья:
Сидим мы с Витькою вдвоем
И дружно лопаем варенье.

**МЫ ПРИШЛИ
В ЧЕЧНЮ
НЕ РАДИ
СЛАВЫ...**

**Рядовой
Павел КУЗНЕЦОВ**

Я листаю вперед и вперед
Своей жизни короткой тетрадь.
В ней мой почерк никто не поймет,
И помарок в ней не сосчитать.

Я исправить бы многое мог,
Только нет ни желанья, ни сил.
Эта жизнь — подгоревший пирог —
И кусок я уже откусил...

**Подполковник
Евгений ПОПОВ**

Пропахшее гарью и копотью лето
Ушло, но оставило след навсегда.
И вряд ли, браток, я забуду об этом.
Об этом теперь не забыть никогда!

Мне волны морские
все снятся и снятся,
Мне грезится их говорливый прибой.
Там выстрела в спину
не надо бояться,
Там нет перебоев с едой и водой.

А здесь, где смолим мы с тобой
сигаретку,

Глядим, как висит
над окопом дымок,
Опять вспоминаем
наш выход в разведку
И тех, кто оттуда вернуться
не смог.

И волны морские
все снятся и снятся,
И грезится их говорливый прибой,
Где выстрела в спину
не надо бояться
И нет напряженки
с водой и едой.

А в памяти нашей дымящийся город
Еще будет долго в руинах лежать.
Погибшего сына
в солдатских погонах
Еще долго будет оплакивать мать.

**Полковник
Владимир СИЛКИН**

Не обижены только лишь Богом,
И надежда одна — на себя,
Если завтра нежданно в дорогу
Позовет боевая труба.

Нашим ротам название масса,
Но на марше, в холодной пыли,
Ходит каждый отдельно
под Марсом
И заимствует сил у земли.

И за землю, вот эту, что носит
Офицер ли, случись, рядовой,
Свою душу на жертвенник бросит
Ради тех, кто пребудет живой.

И останутся в списках навечно
Убиенных сиять имена.
И выходит, война человечна,
Если только священна она.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

№ 12 ♦ 1999

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — МВД России

ИЗДАТЕЛЬ — Главное командование
внутренних войск

111250, Москва, Е-250,
Красноказарменная улица, 9а

Редакция вправе сокращать и литературно
обрабатывать принятые к публикации
тексты.

Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

За достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений —
рекламодатели, за качество печати —
типография.

Переписка с читателями ведется только на
страницах журнала.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8
Телефон для справок
361-81-71

Содержание

С. КОЛЕСНИКОВ
Мы перед павшими в долгу 1

В первых числах ноября в Москве состоялась ставшая уже традиционной встреча с вдовами и родителями погибших военнослужащих внутренних войск, приуроченная к Дню российской милиции.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Мы пришли в Чечню не ради славы... (стихи) 3
По сообщениям пресс-бюро внутренних войск МВД России 6

О. ХОЛОДОВА
Наша память смотрит с высоты 8

Конец света действительно наступил 11 августа 1999 года. В самый пик затмения, в 3 часа дня, на вертолетной площадке у дагестанского населенного пункта Ботлих, куда только что посадил свою машину майор Андрей Орлов.

Ю. КИСЛЫЙ
К Тереку — на броне ОБРОНа.. 13

Что я пережил, сидя на броне, пока доехали до КП бригады, знаю только я. Молился Богу: "Спаси и сохрани Олега!" Наводчик-оператор то и дело выглядывал из люка и, успокаивая, докладывал: "Живой, моргает..."

А. ИСТОМИН
Раздолье для стервятника. 18

А. ЛЕБЕДЕВ
В мае девяносто пятого... 20

Ларисе во сне привиделось: идут два человека, впереди ее Саша, вдруг гремит взрыв, и оба падают и лежат недвижимо...

СЛУЖБА

Н. БОРИСЕНКО
Поддай победе руку. 22

И. СОФРОНОВ
Две войны Альфреда Долотказина 26

Боевая география героя нашего рассказа обширна: от северной Пальмиры до выжженных солнцем афганских гор, от завораживающей беспокойной, тревожной тишиной китаяйской границы до мятежной, стреляющей Чечни.

Ю. КИСЛЫЙ

Трудные пути к высотам 30

РЕТРОСПЕКТИВА

Н. МАРКЕЛОВ

“Преданья грозного Кавказа” 33

С. ЧИНЕННЫЙ

Брак и семья русского офицера 41

Бытовало мнение, что офицер — лучший из мужей. Общество уважало офицера не только за мужество в сражениях, но и за строгое соблюдение нравственных норм, регулирующих семейные отношения. Достоинство офицерской семьи строго оберегалось и общественным мнением, и законами.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

С. КИНГ

Тающий Билли 46

Это был он. Глаза, опоясанные сеткой морщин, темные, в них светился ум. Голова повязана косынкой. Во рту сигарета, а вместо носа — ужасный проем.

Билли устался на фото, как загипнотизированный, и задрожал.

А ночью шкала весов показала 137.

А. КАРЕВ

Я достаточно в жизни побыл молодым (стихи) 68

КАЛЕЙДОСКОП

Г. ШАХОВ

Феномен Юрия Басова 70

Старший прапорщик Юрий БАСОВ — старший техник информационно-вычислительного центра при Главкомате внутренних войск. Свои обязанности выполняет добросовестно. Числится на хорошем счету у начальства, пользуется авторитетом и уважением среди товарищей. Кроме этого сослуживцы обращаются за помощью к Юрию как к народному целителю...

Сапоги всмятку 74

Кроссворд 77

Шахматный клуб 78

Указатель основных материалов, опубликованных в 1999 году . 79

Врио главного редактора
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., ГЕРАЩЕНКО В.П.
(врид зам. главного редактора —
ответственного секретаря),
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного
редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАМШЕКИН Н.В.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.,
КУДРЯШОВ В.И., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
ПАНЧЕНКОВ В.В., ПЕТРОВ А.А.,
СЫСОВЕВ Н.Г., ТОНКОНОГОВ В.П.,
ФАТЕЕВ К.К., ШАРАПОВ Н.С.,
ШЕРЕМЕТА В.А., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка

БАРАНОВА В.А.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки фото
О.СМИРНОВА

Благодарим
Государственный комитет РФ
по молодежной политике
за содействие в подготовке
иллюстраций этого номера.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету “Ситуация”
и сборник учебно-
методических материалов
“Войсковой вестник”

При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 1999

Сдано в набор 9.11.99 г.
Подписано к печати 3.12.99 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 2750

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. № 3057
Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175

Ордена “Знак Почета” типография
“Красная звезда”.
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

По сообщениям пресс-бюро внутренних войск МВД России

Указами Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга на территории Республики Дагестан, звание Героя Российской Федерации присвоено военнослужащим внутренних войск:

лейтенанту КОЗИНУ Алексею Владимировичу (посмертно)

(Указ № 1494 от 12 ноября 1999 года)

старшему лейтенанту БОГДАНЧЕНКО Сергею Николаевичу (посмертно)

(Указ № 1496 от 12 ноября 1999 года)

5 октября. Продолжается контртеррористическая операция федеральных сил на Северном Кавказе. Около трети территории Чеченской республики находится под контролем военных и милиции. В ходе операции делается все возможное, чтобы сократить потери среди личного состава. Вокруг республики создается так называемая зона безопасности. Все передвижения на приграничных с Чечней дорогах взяты под контроль внутренних войск и милиции.

7 октября. Обстановка в Ботлихском и Кизлярском районах Дагестана остается стабильной, войсковые подразделения закрепляются на занятых ранее рубежах вдоль реки Терек, оборудуют позиции, проводят разведку местности. Боевики покидают позиции на территории Шелковского и Надтеречного районов Чечни. На отдельных участках дагестано-чеченской административной границы артиллерия открывала огонь по появлявшимся там группам боевиков.

В Наурском и Шелковском районах Чечни, взятых под контроль федеральными силами, начали действовать военные комендатуры.

8 октября. Части Объединенной группировки войск в ходе проведения контртеррористической операции продолжают занимать намеченные планом операции рубежи. Осуществляется частичная перегруппировка войск, проводится боевое слаживание подразделений и частей, организуется взаимодействие.

Сводные подразделения внутренних войск и милиции осуществляют охрану общественного порядка,

проверку паспортного режима, зачистку освобожденных населенных пунктов и прилегающей местности.

11 октября. Незаконные вооруженные формирования продолжают подготовку к ведению активных боевых действий. Вдоль реки Терек и по Терскому хребту ими возводятся оборонительные сооружения. Боевики стягиваются в Грозный, где оборудуют опорные пункты.

В освобожденных от бандитов районах Чечни проводятся мероприятия по нормализации жизни. Повсеместно проходят встречи представителей командования Объединенной группировки и военнослужащих со старейшинами и местными жителями. Начали работать органы местной власти.

В регион продолжают поступать гуманитарная помощь и медикаменты для вынужденных переселенцев, которых, по данным МЧС, насчитывается уже более 155 тысяч человек.

14 октября. Войска Объединенной группировки продолжали оборудование зоны безопасности. В районе населенного пункта Гарагорск в ходе проведения разведывательных мероприятий военнослужащие встретили упорное сопротивление бандитов и приступили к их уничтожению. Подразделения внутренних войск совместно с сотрудниками органов внутренних дел проводили зачистку от боевиков населенных пунктов Бороздиновская, Дубовская, Каргалинская, Сары-Су, Мирный, Воскресеновское, Калиновская, Рубежное, Курдюковская, Ищерская.

МЧС России совместно с федеральными и местными органами исполнительной власти решают задачи по первоочередному жизнеобеспечению граждан Республики Дагестан и вынужденных переселенцев из Чечни, общее число которых уже достигло 170 тысяч человек.

15 октября. Незаконные вооруженные формирования на северном и западном направлениях продолжают укреплять оборонительные позиции, на эти участки перебрасываются боевики из центральных районов Чечни. На дальних подступах к Грозному минируются наиболее важные объекты, по периметру города создаются заградительные сооружения из железобетона.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Часть боевиков отводится в горные районы республики, занимает заранее подготовленные оборонительные позиции.

На территории Чечни, контролируемой террористами население не имеет возможности получать правдивую информацию российского теле- и радиовещания.

Войска Объединенной группировки, действуя в соответствии с планом операции, продолжали совершенствовать позиции в "санитарной" зоне. Огнем артиллерии и ударами авиации уничтожены пункты управления, базы и склады боевиков в н. п. Зебир-Юрт, Первомайское, Радужное, Долинский. Уничтожены РЛС аэропорта Северный и мост у н. п. Чишки. Проведено минирование дорог, ведущих к горным базам боевиков.

Для предотвращения прорыва боевиков со стороны ЧР на цунтинском и цумадинском направлениях развернуты дополнительные КПП.

18 октября. Незаконные вооруженные формирования продолжают перегруппировки сил и средств, совершенствуют оборонительные сооружения в Грозном и по Терскому хребту в районах Серноводска и Ассиновской. Часть оружия, боеприпасов и материальных средств они вывозят в горы Веденского, Урусмартановского и Шалинского районов, минируют при этом наиболее важные объекты и вероятные маршруты движения российских войск. Огонь артиллерии велся по опорным пунктам боевиков в н. п. Бамут, Шали, Чечен-Аул. Разрушена дорога вдоль Аргунского ущелья и ретранслятор в н. п. Пригородное, в районе н. п. Серноводск уничтожено 2 склада боеприпасов.

19 октября. Сводные подразделения органов внутренних дел осуществляли охрану общественного порядка, проверку паспортного режима и совместно с внутренними войсками проводили зачистку освобожденных населенных пунктов от боевиков.

По данным МЧС России, в Северо-Кавказский регион поступило около 2 тысяч тонн грузов с гуманитарной помощью. На ст. Орджоникидзевская в подвижной госпиталь медицины катастроф "Защита" за помощью обратились более 2 тысяч человек, из них более 900 детей.

20 октября. Подразделения Вооруженных сил совместно с частями внутренних войск проводят операцию по уничтожению боевиков в лесных массивах вдоль северного берега реки Терек и в районах, прилегающих к н. п. Калиновская, Савельевская, Наурская, Чернокозово, Алпатово.

21 октября. Незаконные вооруженные формирования возводят оборонительные сооружения в районах Грозного, Гудермеса и Аргуна. Под контроль российских войск взят автодорожный мост через реку Терек в районе н. п. Виноградное. Осуществляется прикрытие административной границы с ЧР на горных направле-

ниях в Цумадинском районе республики Дагестан и Джейрахском районе республики Ингушетия. Командование Объединенной группировки на Северном Кавказе считает одним из важных в контртеррористической операции на территории Чечни бамутское направление. С этого участка возможен выход бандформирований на территории Ингушетии и Северной Осетии.

25 октября. В течение прошедших суток войска проводили подготовку ко второму этапу контртеррористической операции осуществляли перегруппировку войск, продолжали инженерное оборудование занимаемых районов, вели разведку. Огнем артиллерии и ударами авиации нанесено поражение опорным пунктам в районах н. п. Гудермес, Петропавловское, Виноградное, Аргун, Элистанжи, Ведено. Подразделениями внутренних войск проведена зачистка н. п. Мекен-Юрт и Терское.

30 октября. На отдельных направлениях незаконные вооруженные формирования оказывают упорное сопротивление федеральным силам. Грозный готовится к круговой обороне. На заводе "Электроавтоматика" налажено производство гранатометов. Тем не менее войска Объединенной группировки продолжают расширять контролируруемую зону. Уничтожены опорные пункты и техника боевиков на окраинах н. п. Самашки и Побединское.

Станицы Каменовская (Шелковской район) при участии командования группировки войск прошло совещание глав сельских администраций и старейшин сел района. Обсуждались вопросы нормализации жизни в районе, возвращения в освобожденные районы вынужденных переселенцев.

В ходе проведения контртеррористической операции на территории Чеченской республики и Республике Дагестан погибли и умерли от ран военнослужащие внутренних войск:

1 октября - сержант Илья БУСЛЕНКО, рядовой Дмитрий КАПИНОС.

2 октября - майор Григорий СТОЯН.

4 октября - рядовой Хабатхан ТОЧНЕВ.

6 октября - ефрейтор Сергей ПЕТРОЧЕНКО, рядовой Олег КОНЬШЕВ, ефрейтор Эдуард ЯГАФАРОВ.

8 октября - рядовой Андрей ШАПКИН.

10 октября - ефрейтор Александр ЛАПТЕВ.

15 октября - прапорщик Дмитрий ОВСЯННИКОВ.

17 октября - рядовой Александр ДЕРГУНОВ.

23 октября - рядовой Леонид АНИСИМОВ.

Подготовил майор Сергей КОЛЕСНИКОВ

Твои Герои, Россия

Андрей
ОРЛОВ

НАША ПАМЯТЬ

• Андрей
АНОЩЕНКОВ

СМОТРИТ С ВЫСОТЫ...

Конец света действительно наступил 11 августа 1999 года. В самый пик затмения, в 3 часа дня, на вертолетной площадке у дагестанского населенного пункта Ботлих, куда только что посадил свою машину майор Андрей Орлов. Через мгновение противотанковый управляемый снаряд, пущенный "духа-

ми", развалил вертолет пополам, и горящий керосин из топливных баков все вокруг превратил в море огня...

Тот видеосюжет про горящий вертолет видела, наверное, вся Россия. И глядя, как бежит по полю объятый пламенем человек, хватались за сердце все матери и жены военных, еще не зная, в

чью семью пришло страшное горе...

В ожоговом центре Махачкалы, куда привезли командира экипажа майора Андрея Орлова и штурмана майора Андрея Анощенкова, эти двое прожили еще четыре дня. Как констатировали врачи, у пострадавших было обожжено свыше 70 процентов

поверхности тела. И практически ни одного шанса выжить. Но офицеры этого не знали, умирать не собирались и просили только об одном: дома ничего не говорить.

А из дома к мужьям в Махачкалу рвались жены — Светлана Орлова и Анна Анощенкова. Но им сказали: не надо ехать в Махачкалу, ребят все равно увезут в Москву, вот туда и поедете. Обе застыли в тревожном ожидании.

Откуда брались силы у двух Андреев? Все четыре дня они были в сознании, говорили, даже шутили с девчонками-медсестрами, подбадривали друг друга. Железная выдержка, здоровое сердце и безумное желание жить заставляли их бороться с нестерпимой болью.

Майор Андрей Орлов умер 15 августа на рассвете. “Что-то трудно дышать, тетя Рая”, — сказал он ухаживающей за ним родной тете, живущей в Махачкале. “Андрюша, давай я тебя положу поудобней. Вот так, хорошо?” — “О, вот так лучше, спаси...”

Майор Андрей Анощенков, лежавший в той же палате, потерял сознание. Его было решено наконец отправить в Главный военный клинический госпиталь внутренних войск, в Москву. Плакали навзрыд медсестрички, провожая Андрея, и надежда, пусть самая маленькая, на то, что судьба пощадит хотя бы одного из летчиков, еще жила. Но видно, там, на небесах, по-прежнему нужны самые лучшие: два майора, два Андрея, два настоящих, честных русских парня умерли в разных городах, но в один день.

Они были крепким, спаянным экипажем, одной командой, одной душой. А когда умирает половинка души, то что остается другой? Жить в полдуши невозможно...

КОМАНДИР ЭКИПАЖА МАЙОР АНДРЕЙ ОРЛОВ

Свой последний полет майор Орлов совершил ночью 16 августа из родного города Махачкалы. Рядом с ним, что не предусмотрено ни одним уставом, находились его самые любимые женщины — мама Лидия Ивановна и жена Светлана. А дома в Ростове ждала папу дочурка Настя, которой 28 августа должно было исполниться три года и которой никак пока не объяснишь, почему ни в этот, ни в другие дни ее рождения папы рядом не будет. Только повзрослев, Настя Орлова поймет: ее отец, майор Орлов погиб при исполнении воинского долга, а значит — героически...

Он был рожден для неба. Как один бывает певцом от Бога, другой — хирургом милостью Божьей, так и Орлов был летчиком по какому-то велению свыше. Он и по земле ходить не умел спокойно, а проносился как вихрь. Только силу имел не разрушительную, а исключительно созидательную.

К своим тридцати семи годам

майор Орлов не обзавелся достаточно материальными благами в привычном, обывательском смысле (просторная квартира — машина — дача), но на судьбу не роптал. Жилье имел — двухкомнатную игрушечную квартирку в доме послевоенной постройки, где провел вместе с мамой Лидией Дмитриевной детство и юность, откуда вылетел в большой мир, куда во время учебы писал частые письма. “Говорят, что я на отца похож, но ведь это не так. Я на тебя похож, моя самая терпеливая и самая лучшая мамочка в мире”.

Потом он вернулся сюда, но уже не один, а с женой Светланой, и поселился в маленькой квартирке простое семейное счастье. Появилась Настена, которой в три годика характера не занимать, да такого, что плакать скоро всем мальчишкам в округе. “Настя, не ходи туда, там дядька с мешком”. — “Где, где дядька? А мешок у него где? А что у него в мешке? А поведет он меня куда? А что купит?” Самостоятельность и интерес к жизни у Насти Орловой наследственные. А что вы хотите

Счастливая семья Орловых

от ребенка, вторым словом которого было «сям!» Первым было слово «папа».

Машины у Орловых не было. Сесть после штурвала «вертушки» за руль земной железной черепахи и летать «нызенько-нызенько»? В кругу друзей-летчиков ходила шутка: как спишут Орлова на пенсию и он устроится он водить трамвай № 16 в поселок имени Чкалова. Смеялись все от души — Орлов и вагончик по рельсам!

Была у Орлова машина: тот самый Ми-8, в котором провели они с лучшим другом майором Анощенковым времени ничуть не меньше, чем в круту семьи. Их «вертушка» видела и знала больше, чем положено знать женам. Машина железная, она выдержит, а любимых женщин надо беречь. Вот и слышали жены от мужей, что «все служебно-боевые задачи выполняли на курорте, где ели шашлыки, пили вино, коптели осетров и любовались горами». А чтобы жены поверили, офицеры добавляли: «Ты ведь знаешь, дорогая, я летаю с высоким начальством, так что волноваться не о чем».

Только однажды подвела выдержка Андрея Орлова. Когда в декабре 94-го в Чечне сбили санитарный вертолет майора Гасана и все три летчика, три замечательных парня вернулись из командировки в «цинках».

Светлана Орлова:

— Андрей никогда не переступал порог дома с грузом своих служебных проблем, все страшное, обидное, злое, все неприятности по работе он оставлял там, а дома жил только семьей. А тогда полгода он метался как раненый зверь. Он сидел в кресле и сжимал подлокотники так, что белели костяшки пальцев и судорога сводила ладони. Я впервые видела слезы в глазах мужа. Слезы в глазах сильного мужчины — это страшно.

Все любят жизнь. Андрей Орлов так любил и свою работу. Даже находясь в палате ожогового центра в Махачкале, он с тоской говорил своему штурману: «А ведь спишут меня теперь, Андрюха, как пить дать спишут. Ну и что я буду тогда делать?»

Капитан Франц Апанасевич:

— Среди летчиков мало случайных людей, но даже среди них

Андрей Орлов был фанатиком нашего дела. Он, как командир, знал и умел все. Представьте, как он мог относиться к работе, если в любую командировку он собирался как заправский завхоз? У него было все: от иголки и паяльника до обувной щетки. Любил быть независимым и автономным. Во время всех командировок вел для себя ежедневные записи, которые потом читал, анализировал.

Получается, что к своим тридцати семи годам майор Орлов имел все, что хотел: дружную семью, любимую работу, авторитет, возможность профессионального роста, отменное здоровье. В свою очередную командировку в Дагестан он отправился счастливым человеком.

ШТУРМАН МАЙОР АНДРЕЙ АНОЩЕНКОВ

Умница, отличник, эрудит, знающий свое дело до мельчайших подробностей и влюбленный в него, человек без недостатков, золотая душа — 30-летний штурман майор Андрей Анощенко.

У Андрея никогда не было врагов. Если кто-то считает, что без ненависти нет и любви, то Андрей в таком случае исключение: друзья у него были, а вот врагов наносить не успел.

Они были очень разными — командир и штурман. Орлов — буря и натиск, Анощенко — терпение и невозмутимость. Никто и ничто не могло заставить Андрея «потерять лицо» и выплеснуть эмоции на обидчика. Он принципиально не вступал в громогласные конфликты, а все недоразумения встречал обезоруживающей улыбкой. При всем при этом назвать Анощенко нежным оранжерейным созданием не рискнул бы никто. Анощенко был летчиком, а эта профессия предполагает крепкий характер. В свои

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

тридцать лет он знал дело так, что заполучить его в свой экипаж мечтал каждый командир. А любил свою работу так, что даже любимая женщина не могла разрушить этот "служебный роман".

Анна Анощенкова:

— Сколько раз я говорила ему: "Андрюша, ну что за жизнь? Тебя постоянно рядом нет, денег нет, квартиры нет, сын так по тебе скучает..." Говорила я, может, и в шутку, а обижался он всерьез: "Ты не уважаешь мою работу!"

Он просто бредил полетами! Заниматься документацией в выходные — пожалуйста, подменить товарища — никаких проблем. У него был не "служебный роман", а роман на два фронта: потеснить немного работу могла только семья. Как-то перед его командировкой мы с Максимкой тяжело загрипповали. Не знаю, как он смог это сделать, но смена улетела без него. "У меня дома большие жена и ребенок, я не могу оставить их одних".

Максимке в октябре будет четыре года, он хочет быть только летчиком. С сыном Андрей проводил все свободное время, и разговоры они вели мужские, на равных. Рисуем с сыном вертолет, я и говорю: "Сейчас мы нарисуем

вертолету колесики". — "Что ты, мама, это не колесики, а шасси! Это — кабина пилота, а это несущий винт..."

Андрей учил меня... рожать. Купил умную книгу, всю проштудировал, а потом консультировал: Здесь болит? Это нормально, так и должно быть. Что, там колет? А вот это неправиль-

Максим Анощенков и Настя Орлова. Детство было безоблачным — папы еще живы.

но, быстренько в поликлинику пойдем".

Когда родился Максимка, Андрей сказал: "Все ночи, пока я дома, — мои". — "Андрюша, а как же ты?" — "Да что мне? Я на работе отосплюсь!" — смеялся он.

Андрей никогда не повышал голоса, умел держать себя в руках в любой ситуации. Мой домашний психолог мне порой говорил: "Я понимаю, Аня, тебе очень трудно. Ты покричи, поругайся, легче станет..."

Сегодня хоть кричи, хоть ругайся... Горе еще больше сблизило две осиротевшие семьи, что жмутся друг к другу, как две птицы в январскую стужу. Дай им, Бог, силы, веры и памяти.

— Таких мужчин, как наши мужья, наверное, и нет больше. Мы ведь оказывается, не жили. Мы — праздновали...

Вдовам героев — знаки внимания, слова сочувствия от председателя Правительства Владимира Путина, Маршала Советского Союза Виктора Куликова.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

ЭКИПАЖ

На восьмой день командировки экипаж Орлова поднялся в воздух один. А это значило, что садиться придется без прикрытия, причем на площадку, где уже стояло два остова подбитых армейских вертолетов. Нехорошее место — эта площадку у Ботлиха, дурная у нее слава.

Экипаж Орлова вез людей, и значит, за их жизни отвечал. Майоры Орлов и Аноценков были стреляными воробьями, за плечами которых Осетия, Ингушетия и Чечня. Они знали, что садиться одному, без защиты с воздуха, да еще в месте, пристрелянном противником, крайне опасно. Но был приказ. А они были офицерами.

Настоящие боевые летчики, понюхавшие порошу и латавшие свой вертолет не раз, ангельскими характерами не отличаются. Они своенравны и имеют свое мнение на все случаи жизни. И на этот раз мнение имелось, но был приказ: вылетать без прикрытия, людей не хватает на боевые задания.

Вспоминают сослуживцы:

— Вертолет приземлился около 15 часов. Первым выпрыгнул борттехник, наблюдая за посадкой. И тем самым спас свою жизнь. Еще не остановились и не опали лопасти винта, как ПТУРС боевиков сделал из "вертушки" факел.

Кабина пилотов пострадала не очень сильно, вся сила удара пришлась на грузовой отсек, где находились люди. В принципе, можно было бы рвануть из горящей машины в шок и горячке, но тогда это были бы не Орлов и не Аноценков. Они бросились в пекло выталкивать контуженных и раненых пассажиров. Они спасали всех, потому что перед командиром экипажа и штурманом не стоял выбор: спасать или спа-

саться. Те, кто родился заново 11 августа, запомнят их имена.

Об ушедших или хорошо, или ничего. Но экипаж майора Орлова был действительно лучшим, без всяких натяжек, и прятаться за великодушные живых сослуживцев или всепрощающую мудрость древних им ни к чему. Их профессионализм, надежность и дисциплина были их визитной карточкой, именно этому экипажу доверяли самые ответственные задания, именно с ними хотели ле-

тать представители командования. И в тот раз среди пассажиров были три генерала.

На двоих летчиков — 30 лет службы, шесть последних — сплошные войны.

На двоих — одна юбилейная медаль Андрея Орлова. Единственную медаль и понесли на подушке впереди гроба. У Андрея Аноценкова не было и того.

Не знаю, стало бы кому-нибудь легче, если бы медалей было пять или десять. Не думали офицеры о наградах — это точно. Они были фанатами, трудолюбивыми, они не мыслили себя без полетов, они жили небом. И все же... И все же до сердечной боли обидно, что свою единственную награду — Звезду Героя России — майор Анд-

рей Аноценков, парень исключительной скромности и бескорыстия, заслужил только посмертно.

На Северном кладбище Ростова их похоронили рядом. Прямо над могилами погибших летчиков проходит воздушный коридор, по которому заходят на посадку самолеты. Это нас, людей земли, рев самолета пугает и глушит, а для них, детей неба, не было звуков приятней и родней.

...И девять, и сорок дней прошло, но боль не притупилась, она просто перешла в другое состояние — устоялась, осела всей своей немислимой тяжестью в сердцах близких. Светлана Орлова и Анна Аноценкова, еще совсем недавно счастливые женщины, окруженные любовью и заботой двух самых лучших в мире мужчин, сегодня уже понимают, что слова "счастье", "любовь", "покой" остались в той, другой жизни, что им, как очень немногим, выпало счастье быть любимыми и дарить любовь мужчинам, которые приходят в наш мир не часто. В наш мир жестокости, зла, глупости, порой откровенного предательства они приходят, чтобы не утасла в нас вера в добро, человеколюбие и порядочность. Чтобы по-прежнему были святы чувство долга и чувство товарищеского локтя. Чтобы не оставила нас сегодня надежда все же увидеть за серыми свинцовыми облаками краешек того счастливого ярко-синего неба, откуда

*наша память смотрит с высоты
глазами павших,
ждущих с нами встречи.*

**Старший лейтенант
Ольга ХОЛОВОДА**

*Северо-Кавказский округ
внутренних войск МВД России*

К ТЕРЕКУ НА БРОНЕ ОБРОНА

В софринской оперативной с фотокором Олегом Смирновым

**“Не забывайте,
здесь — Чечня!”**

Страхуясь от огня чеченских зенитчиков, которым ничего не стоило под видом мирных пастухов проникнуть в Ногайскую степь, вертолет командующего Северо-Кавказским округом внутренних войск летел по-боевому. Заваливаясь набок, стриг лопастями воздух над самыми гребнями песчаных бурунов. Стремительно подсакивал, чтобы через минуту ухнуть, вниз с глубоким креном и завершить маневр вровень с линией электропередачи. И снова — прыгнем по воздушным горкам, максимально затрудняя ведение прицельного огня с земли..

Фотокор Олег Смирнов оторвался от иллюминатора и, пошевелив улыбкой щеточку усов, скользил большой и указатель-

ный пальцы над объективом своего “Никона”, этим жестом как бы приглашая меня порадоваться с ним на пару: нормалек, летим над чеченской территорией. В глазах моего коллеги плясали чертики репортерского азарта.

У меня от сердца отлегло. Тремя днями раньше, когда мы в Ботлихском районе Дагестана отработывали очередной пункт редакционного плана-задания, Олег достал меня до самых печенок. Понесла, дескать, нелегкая в горы перед самым началом наземной операции в Чечне, теперь наверняка опоздаем к вводу войск, плакали уникальные кадры. Надобно заметить, Смирнов как фотокор-профессионал скроен на самый крутой манер, в тревожной командировке хлебом его не корми — дай только поработать на острие горячих событий. В этом настрое я ощущал не толь-

ко профессиональный интерес фронтового фоторепортера. Был у него и другой, не менее важный, психологический мотив, неодолимо влекущий в Чечню — на линию огня. В сентябре 96-го Олег наблюдал через фотообъектив и фиксировал на пленку терзавшие души реалии замирения с сепаратистами, в конце декабря на бээмпэшке, замыкавшей последнюю колонну 101-й бригады, выезжал из Грозного, болея душой вместе с военными: “Дела не доделаны полностью, но мы уходим, уходим, уходим...”. За державу обидно. Решив подключиться с камерой к этой многотрудной работе (а как же иначе?), Олег четко определился со временем и местом. Успеть к началу операции — дело принципа. “И обязательно к софринцам поедем — больше никуда”, — всю плешь проел мне этим требованием. Со-

фринцы для Смирнова — особая бригада не только по ее боевому предназначению. Софринцы — боевые побратимы, с ними в январе 95-го он прошел не один круг грозненского ада. Впрочем, желания наши относительно выбора места работы в составе группировки внутренних войск полностью совпадали — держим путь в 21-ю ОБРОН...

Снижаясь, борт описывает круг над вереницей бэтээров, грузовиков, машин связи. Садимся рядом с затормозившей колонной. Клубы песка, поднятые десятками колес, медленно оседают вдоль глубокой колеи в бурунах. По эмблемам на броне видим: это полк Северо-Кавказского округа. Приняв доклад старшего колонны, командующий дает указания офицером по организации разведки. С жесткими нотками в голосе напоминает:

— Силы идут большие, но не забываете, здесь — Чечня! Воюем с опытным и хорошо подготовленным противником. Никакого шапкозакидательства. Главное — беречь людей! На марше глядеть в оба, не увлекаться. По данным радиоперехватов, бандиты отслеживают движение колонн, выискивают наши слабые места для нанесения внезапных ударов по флангам. — И, уточнив задачи на карте, генерал-полковник Михаил Лабунец на прощание энергично поднял руку и сжал пальцы в кулак: — Держитесь, мужики! Впереди — Терек.

Бригада держит марку

Наконец попадаем, куда хотели.

Оставив позади унылую степь, «вертушка» с мажорным припевом заходит на посадку, воздушным вихрем от лопастей гонит рябь по радующему глаз травяному покрову в низине меж невысо-

ких зеленых холмов. Вслед за командующим шагаем к палаточному лагерю под прикрытием хорошо замаскированных позиций охранения. Не будь здесь стволов, живописный надтеречный пейзаж легко развеял бы своим неповторимым очарованием напрягавшее нас чувство тревоги. Да, тысячу раз прав многоопытный в боевых делах генерал: нельзя поддаваться обманчиво спокойной обстановке, усыпляющей бдительность военных на подступах к станицам с северного направления. Тем более что в наступающих частях многие молодые офицеры, не говоря уже о солдатах, лишь понаслышке знают, что такое Чечня. Пройдет немного времени, и она заявит о себе. Коварными тактическими уловками и огневой меткостью бандитов. Потерями в рядах федеральных войск. Заставит активнее освежать в памяти уроки недавно отгремевшей войны...

Между тем начинают сгущаться сумерки, для совещания с офицерами управления части у командующего — считанные минуты. Подведя черту, генерал-полковник Лабунец неожиданно взглянул на нас с Олегом и чуть заметно улыбнулся.

— Вот корреспондентов к вам привез, просили подбросить. Принимайте.

Близко знакомимся с радушно принявшими нас софринцами. Врастаем в обстановку. И, честно говоря, искренне разделяем гордость наших собеседников за то, что бригада, приданная 20-й дивизии Российской армии, держит взвешную марку.

— Совершили тяжелейший марш по пескам от Кумли до пустующих кошар совхоза Шелковского. Не дорога — ад крошечный. И на новой технике застрять в бурунах немудрено. А у нас машин-пензионерок хоть отбавляй. Есть даже бэмпэшки-однёрки выпуска... шестидесятых годов,

только благодаря умельцам ремонтникам двигают гусеницами. Но несмотря ни на что, вышли к заданным рубежам без задержек и потерь. Имеются и другие плюсы в подготовке, — рассказывает замполту подполковник Александр Скрытый*. — Приотставшие от бригады армейцы диву давались. Вашей организованности и порядку, говорят, можно позавидовать. А мы-то считаем, с порядком у нас не все гладко, бардачка, как и везде, еще хватает. Но линия в этом плане жесткая. Благодаря комбригу быстро подтягиваются ослабленные звенья.

В тот вечер много добрых слов, согретых теплом мужского уважения, услышали о недавно назначенном на должность командира бригады полковнике Геннадии Фомине. Для полной ясности суммируем эти оценки по традиционным формулам служебных характеристик. Отлично подготовленный военный профессионал, умелый организатор. Поддерживает хорошие традиции, заложенные его предшественниками. Проявляет настойчивость и твердость в реализации принятых решений. Поощряет боевую инициативу подчиненных.

А если по жизни, то вот красноречивая деталь, которая так и просится в журналистскую строку. Своими подразделениями в боевой обстановке комбриг Фомин управляет с брони командирской БМП, день-деньской мониторит между батальонами, контролирует выдвижение и перегруппировку рот, оборудование опорных пунктов и размещение огневых средств. По ходу дела учит командиров, которым недостает фронтового опыта. А мог бы рулить с кашээмки по карте, и никто бы его в этом не упрекнул, — добавил веское слово к прозвучавшим похвалам командиру один из штабных офицеров.

— С таким решительным комбригом не засидимся без работы.

* Некоторые фамилии изменены

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Верно? Нашелкаю интересные кадры. Теперь упасть бы на хвост самому боевому комбату, — толкает меня в бок Смирнов.

— Интересный материал для вашего репортажа может подвернуться в первом батальоне, занявшем ферму километрах в семи севернее Червленной. На этом направлении наверняка будет жарко. И комбат-один подполковник Белов, кстати, очень боевой мужик, — в ответ на слова Олега сориентировал нас замполту. — С оказией проблем не будет. Завтра утром туда идет топливозаправщик под прикрытием брони.

Коротая время в несправных разговорах, ждем комбрига, убившего к “старшему брату”. Полковник Геннадий Фомин с КП дивизии возвращается затемно. Он бодр, полон энергии, словно не было изнурительно-трудного дня. Сосредоточен и решителен, как человек, намеренный стремительно идти вперед, в то время когда ведущий спутник склонен действовать неторопливо и осторожно, с оглядкой. Накоротке отдает распоряжения возле своей КПШМ. Лаконичными, но емкими по содержанию фразами обозначает задачи в соответствии с замыслом операции и коррективами, внесенными старшим начальником. Луч фонарика, направленный на карту, скользит вдоль синей ленты Терекка, освещает нитку стратегически важной автотрассы Ростов — Баку, названия населенных пунктов, хорошо знакомых ветеранам первого чеченского похода: Старощедринская, Новоощедринская, Червленная, Червленная Узловая... А вот и треугольный флажок с надписью “1 бон”. Разобравшись в условных обозначениях, видим: очень важная боевая роль у батальона Белова. Он прикрывает стык между мотострелковым и десантно-штурмовым полком 20-й дивизии, в зоне

ответственности — дорога на Червленную..

— Удачный выдался день. Бригаду, спасибо командующему, догнали. С утренней оказией попадаем на передовую. Давно так не везло, — судя по тону, Смирнов окончательно утвердился в “боевой стойке”.

— Не спугнуть бы фортуны, — в тон ему отвечаю.

К Червленной — в готовности к бою

Ферма, занятая первым батальоном, представляет собой унылое зрелище. Лет пять назад здесь откармливали до полутора тысяч голов скота. Сейчас на месте бывшего изобилия печать нищеты и запустения. Все порушено, разграблено.

Местные жители смотрят на снующих вокруг бэмпэшек военных с робкой надеждой. Понятно: досыта наелись плодами обещанного правителями Ичкерии нефтерая. А с приходом войск появилась хоть какая-то уверенность в лучшей жизни. К командиру селюне прониклись уважением и доверием. Как только колонна БМП зашла в маленький поселок, подполковник Александр Белов приказал на ночь выставить часовых у ворот подворий. Тем самым дал понять: внутренние войска не допустят посягательств на собственность хозяев.

— В Червленной потруднее будет наводить порядок. По данным разведки, там окапываются до трехсот бандитов, — говорит, не скрывая досады, комбат Белов. — На подступах к станице орудуют маневренные группы противника. Цель Басаева — упорным сопротивлением спровоцировать массированный огонь артиллерии. Промедлим с наступлением — дадим боевикам карты в руки. Люди скажут: ждали армию с на-

деждой, а наши дома разбомбили. Обидно, ведь была возможность взять Червленную с ходу, пока бандиты не закрепились. Сил и средств достаточно: мотострелковая дивизия плюс отдельная оперативная бригада ВВ. На хорошем уровне подготовка личного состава. Перед началом операции успели провести боевое слаживание, стрельбы на полигоне, сборы с молодыми офицерами. Настрой у бойцов самый решительный — раздолбать всех шакалов. Я когда подбегжающий наливник увидел, возрадовался. Заправим баки и за разведчиками — вперед...

Вперед, к Червленной, двинулись не так быстро, как хотелось энергичному комбату. 5 октября, наступая в направлении винзавода на окраине станицы, под фланговый огонь боевиков попала мотострелковая рота армейцев. Увлечлись во время преследования отступающей группы и угодили в ловушку. Потери: 17 убитых, 25 раненых. Волей-неволей пришлось взламывать узел сопротивления “духов” ударами гаубиц и “Градов”.

Посверки огненных стрел в небе, артиллерийская канонада — мощный аргумент командования. Армию вынудили призывать богов войны на помощь пехоте. Суровая, но неизбежная логика боя, когда во главу угла ставится требование — беречь солдата. Дома и корпуса предприятий, разрушенные по вине террористов, поднимутся из руин — дайте срок. Главное — уничтожить замордовавших народ “волков”. Любой ценой. А контрапунктом к этим мыслям — чувство досады. Как хотелось бы согласиться с комбатом: стремительная и дерзкая атака с применением групп тактического воздушного десанта на путях выдвижения боевиков к населенным пунктам могла обеспечить успех операции с меньшими потерями. Смелость

города берет — истина на все времена.

Впрочем, на войне каждый отвечает за свой участок боевой работы. Софринскую ОБРОН как силу приданную, действующую во втором эшелоне, нет оснований упрекать в пассивности и нерешительности. Наоборот, командир 20-й дивизии доволен «младшим братом». Ставит в пример своим офицерам инициативу комбрига Фомина. 4 октября 2-й батальон бригады во взаимодействии с танковой ротой занимает Старощедринскую и Новоощедринскую. 6 октября 1-й батальон берет под контроль участок трассы Ростов — Баку в пяти километрах севернее Червленной Узловой... Через два дня подразделения софринцев во главе с полковником Фоминым, следуя уже в первом эшелоне наступающих, прочно закрепляются на окраине Червленной. Если взглянуть на эти события глазами фоторепортера, отснявшего в батальоне подполковника Белова не одну сотню кадров, откроется мозаичная картина, которая не нуждается в словесных комментариях. Запечатленные на снимках Олега Смирнова лица и действия военных говорят сами за себя...

Это чертОВО тринадцатое!

«Мы долго молча наступали. Досадно было, боя ждали», — перифразируя воевавшего на Кавказе поэта, делаю запись на странице блокнота в унисон настроению крепких мужиков, испытанных на первой чеченской войне. Под ударами артиллерии основные силы террористов убрались

из Червленной. Залижут раны и сосредоточатся за Терекон, все равно их придется рано или поздно зачищать. Какой ценой — покажет время. Осталось разобрататься с бандой, которая, воспользовавшись удобным моментом, захватила Червленную Узловую. Ближе всех к этому населенному пункту — позиции роты капитана Байсакала Нуртуганова. Утром 13 октября отправляемся туда вместе с подполковником Беловым.

Олег молчалив и сосредоточен. Такое ощущение, как будто внутри у него туго сжатая пружина. Еще бы! Очень серьезная работа предстоит. Боевая, в полном

смысле этого слова. Солдаты с уважением поглядывают на фотокора, бережно придерживающего «Никон».

— Смелый мужик! Наш! — наклонясь к моему уху, перекрикивает рев бээмпэшки рядовой Сергей Бойков. — Пацаны с него пример берут, правду говорю.

А для Смирнова смелость — неотъемлемое качество репортера. За плечами Афган, Карабах, Абхазия и Южная Осетия, стреляющий Вильнюс, пять командиро-

пэшки красиво повернулись. Радуется: "Мягкое освещение".

А за работой Смирнова с интересом наблюдает наш док — начальник медслужбы батальона старший лейтенант Александр Пресняков. Так уж было решено — во время операции все "некомбатанты" должны хвостиком держаться за командиром.

Справа "нефтезавод" — цистерна с ворованной нефтью и саmogонный аппарат при ней. Тут же окопчик, в нем два десантника с автоматами.

Комбат прыгнул с брони, чтобы уточнить обстановку. Следом — док, мы с Олегом и еще пара бойцов. Залегли. Выяснилось, что "духи" постреливают из "зеленки". Подполковник спрашивает: "Часто?" — "Не то чтобы очень, но достают. Заорут "Аллах акбар" и пульнут, мать их... Мы в ответ — очередями".

Решили перекурить и пораскинуть мозгами. Олег полез за своей "Примой". Вдруг вижу — он как-то сжался и ругнулся: "Ох, е...!" Я подумал: колючку задницей нащел... Но почему звук выстрела? И кровь меж пальцев Олега, прижатых к животу...

Первым врубился Пресняков: "Ранен!" Хватает Смирнова и старскивает в окоп. Бойцы помогают. Тут и до меня дошло — хреново дело! Вижу лицо комбата, глаза... В них такое... Вспомнил его слова: "Я же головой за корреспондентов отвечаю".

Лязг затворов. Тоже загоняю патрон в патронник. Стреляем, чтобы отогнать "духов". А Олегом уже занимается док: повязка, промедол. Я — ему: "Сапа, как?" — "Тяжелый — в живот.." — "Ох, е...!"

Бегут бойцы с носилками. Софринцы — ребята опытные: бэмпэшка под раненых тут как тут. Признаюсь, во мне разыграл журналистский бес — щелкнул пару раз своей "мельницей". Мелькнула мысль: Олег меня поймет.

И он о том же думает: "Юра, ка-

мерал!" Док протягивает мне Олега "Никон".

По правому борту БМП вызывают пули. Комбат — ответными очередями по "зеленке". Оглянувшись, машет рукой водителю: "Вперед, быстрее!"

Механик жад на газ до упора. Примчались на КП. Там — "корова", Ми-26, которую задержал по рации наш док. Забрасываем раненого. Теперь уже и сам вижу — он в порядке. Слышу: "Отснятые пленки в кашэмке у комбата, не забудь... Жаль, не доснял операцию".

Его операция была впереди, в полевом госпитале...

Из 323-го медотряда специального назначения Уральского военного округа, что развернут в Кизляре, Олега доставят сначала в буйнакский госпиталь, потом — в краснодарский...

А я, сообщив о случившейся беде в штаб группировки, на перекладных — в Червленную. За пленками... И, как по заказу, первым из знакомых софринцев встретил подполковника Белова и старшего лейтенанта Преснякова. На немой вопрос отвечаю: "Олег всем шлет привет. Жалеет, что не доснял операцию". — "Тогда вам придется вместо него поработать. Завтра утром опять — к Червленной Узловой. С разведчиками и снайперами-собровцами".

Хорошо, что предусмотрительный Смирнов посоветовал мне прихватить "мельницу", думаю. С Олеговой камерой мне не сладить...

Полковник Юрий КИСЛЫЙ

Фото Олега СМИРНОВА и автора

вок в Чечню. Отмечен премией МВД России, Союза журналистов "За личное мужество при исполнении профессионального долга". Награжден кавказским крестом — нагрудным знаком "За отличие в службе".

И вот это чертово тринадцатое!

Время — к полудню. Комбат уточняет задачу ротному: "Действуя на левом фланге десантников, выдвинуться вдоль канала к опорному пункту противника на северной окраине Червленной Узловой. И с учетом обстановки, во взаимодействии с соседями уничтожить боевиков".

Это если говорить кратко... А вообще-то комбат, ротный, взводные, артиллеристы, разведчики пахали по карте по полной программе — пути подхода прощупывали карандашом чуть ли не до миллиметра. В реальности это были труднопроходимые метры густой "зеленки", камышей.

Сели на броню. Пошли. Черепашьим шагом. Впереди — разведка. Мы с Олегом — на БМП комбата.

Олег ловит свой кадр: то лицо бойца ему понравилось, то бээм-

РАЗДОЛЬЕ

ДЛЯ

СТЕРВАТНИКА

Поисковой группе было известно немного. Вечером 5 августа, когда шли тяжелые бои за высоту 715,3 в Новолакском районе Дагестана, из селения Дучи на полной скорости ушел КамАЗ зеленокумского полка внутренних войск. В нем — бушлаты, горячая еда, несколько ящиков боеприпасов. Вел машину рядовой Александр Беликов. Сопровождать груз добровольцами отправились двое разведчиков: старший сержант Алексей Пасюков и младший сержант Руслан Ильясов. Старшим машины был прапорщик Непо-

крытый из роты материально-технического обеспечения — человек бывалый, долгое время прослуживший в разведке. Однако в назначенную точку машина не пришла. Единственная зацепка, которая хоть как-то проясняла судьбу экипажа, не сулила ничего хорошего. Спустя полчаса после ухода КамАЗа на базе в Дучах услышали отзвуки ожесточенного боя, который разгорелся несколькими километрами правее отметки 715,3. Перестрелка продолжалась недолго...

Риск изначально был очень ве-

лик — броситься в ночную гонку по незнакомой местности и без прикрытия брони. Но вся ситуация в Новолакском районе тех дней выходила за рамки человеческого возможностей. Сводный батальон зеленокумского полка еще не успел развернуться лагерем в Кизляре, его в тот же день перебросили в Новолакский район. Едва дошли — очередной приказ, на этот раз отправляющий подразделения в бой. Холодная морось скоро превратила кукурузное поле под высотой 715,3 в мерзкую хлябь. Люди оказались без еды и теплой

одежды. Бушлаты и горячую еду там ждали как счастье.

Ожидание растянулось почти на две недели. Боевики использовали свою коронную тактику действий мелкими отрядами на разных направлениях. Во многих случаях подразделения федеральных войск оказывались в огне, даже не успев развернуться в боевой порядок. Перелом наступил только 10 августа — штурмовые группы наконец овладели высотой 715,3. Еще шесть дней потребовалось, чтобы разгромить бандитов на всем хасавюртовском направлении.

715,3 — залятое место, где в кровавую кашу переварились судьбы множества людей. В прошлую войну здесь закрепился батальон отдельной дивизии оперативного назначения, и в тот же час над позициями закружил стервятник.словно злой рок, птица появлялась каждый день, а ночью начинался обстрел. Смерть не оставляла высоту, пока 7 мая 1995 года вестник беды не попал в прицел ПКМСа комбата майора Евгения Кубышкина. Прошло четыре года, и окрестности Новолакского снова окрасились в свинцово-красное. Из сорока четырех разведчиков зеленокумского полка в строю осталось девятнадцать...

На поиск КамАЗа, исчезнувшего в кутерьме первого дня, уходили двумя бэтэрами. Поисковая группа — двенадцать человек, под завязку загруженных боеприпасами. Земля еще не остыла от горячки боев, каждый поворот словно приглашение в могилу. На развилке военные спешили с двумя ручейками, прикрывая друг друга, пошли вдоль дороги на Ахар. Через несколько километров уже Чечня, где-то в этих местах разгорелся бой, который слышали 5 августа в Дучах. Судя по всему, машина с разведчиками сбилась с пути и рванула по этой гибельной дороге.

Скоро сомнений не осталось — направление поиска выбрано правильно. Навстречу военным из-за поворота вынырнул джип, владелец его рассказал, что боевики устроили засаду, в которую угодил какой-то КамАЗ. Был бой... По слухам, которые на Кавказе разносят

ся быстрее ветра, спастись сопрождению не удалось. Но дрались бойцы до последнего — одного бандита убили и еще одного ранили.

В самом селении нашлись очевидцы, которые слышали несколько разрывов, треск автоматной пестрелки, и точно показали место событий. Развилка на окраине Ахара. Место — ужаснее не придумаешь: открытое пространство, над которым с двух сторон нависают холмы, поросшие «зеленкой». «Было уже темно, когда машина на скорости влетела в Ахар, — рассказывал староста села. — Солдаты, наверное, поняли, что едут в сторону Чечни, развернулись и очень быстро поехали по дороге на Новолак. Двух минут не прошло — поднялась пальба. Трупы боевики закопали здесь же, под тувовником, а КамАЗ утащили с собой».

Видимо, бандиты готовились под Ахаром к большому бою. Окопы в полный профиль, с высот дорога на расстоянии кинжального огня. Здесь можно похоронить колонну батальона, не только залетный КамАЗ. «Нохчи еще тут долго выжидали, — прокомментировал прапорщик Олег Бердников и показал на бушлаты, разложенные в «духовском» окопе. — Постелили, значит, еще долго сидели. Наверняка ждали, что подкрепление здесь пойдет. Ни хрена у них не получилось, войска совсем по другой дороге пошли».

Упаковки от выстрелов для гранатомета, гильзы от снайперской винтовки, следы машины, возом слетевшей с дороги... На обочине солдатская «сфера», прошитый пулей бронезилет и нательный жетон, который старший сержант Александр Пасюков купил совсем недавно и даже не успел подписать... Тут же горка автоматных гильз... По отдельным фрагментам поисковая группа восстанавливала картину событий. И с каждой находкой в ней добавлялось черных тонов. Но надежда умирает последней: даже из пекла кому-то везет выбраться. Поисковая группа уже была под Новолакским, где за гордым словом «победа» — обгорелые человеческие останки, смрад разлагающегося мяса и покореженные остовы боевых ма-

шин. Солдаты видели оскал дьявола, когда раненый спецназовец улыбнулся своему спасению и... через мгновение умер на руках товарищей. И научились верить в Бога, когда живым оставался тот, кому злой рок, казалось, уже подписал смертный приговор. Водитель БТРа рядовой Алексей Дорошенко отделался обыкновенными ушибами, когда его 356-ю «коробочку», как нож масло, пронизала кумулятивная струя ПТУРа. А рядовой Плакунов, оказавшийся нос к носу с группой боевиков, слава Господу, через несколько суток вышел к своим целым и невредимым.

На этот раз чуда не случилось: ловушка захлопнулась намертво. Из замаскированной дерном могилы на свет извлечли четыре тела. Первыми «духовский» снайпер снял водителя Александра Беликова и прапорщика Алексея Непокрытого, которые в кабине КамАЗа оказались как на ладони. Младший сержант Руслан Ильясов и старший сержант Александр Пасюков успели выпрыгнуть из кузова прежде, чем машина, потеряв управление, сошла с дороги и врезалась в здоровенное дерево. Разведчики отстреливались до конца. Судя по всему, последним погиб Александр Пасюков. Его, раненного в ногу, боевики добили, когда в магазине старшего сержанта не осталось ни одного патрона.

День пошел на убыль, когда солдаты бережно уложили останки боевых товарищей на броню. Группа поиска возвращалась на базу под Баташюрт. «Коробочки» медленно проходили через дагестанские селения. Здесь были лишними любые слова. И старики, и дети склоняли голову перед российскими солдатами, которые жизнью заплатили за освобождение мирных сел, захваченных чеченскими боевиками. Но смерть еще не окончила жатву. словно злое напоминание, в завершение пути над колонной появился стервятник. Могильная птица сделала круг и полетела в сторону Чечни...

Альберт ИСТОМИН

По страницам Книги памяти

В мае
девяносто
пятого...

Ларисе во сне привиделось: идут два человека, впереди ее Саша, вдруг гремит взрыв, и оба падают и лежат недвижимо...

Через неделю рота старшего лейтенанта Александра Панькина должна была выезжать в Чечню. В тот раз командировку перенесли на более поздний срок. И вновь — что за наваждение! — офицерской жене снятся двое идущих на взрыв... Ей стало страшно, она не выдержала — умоляла мужа не ехать на войну.

Александр обнял Ларису, спокойно, как мог, объяснил: "Ты пойми, я же офицер. Мое место там, с моими солдатами. Как я посмотрю им в глаза, если не поеду?" И уехал...

Еще курсантом Пермского ВВКУ ВВ МВД СССР он побывал в горячих точках — в Баку, Степанакерте, Коканде, Фергане. При распределении из училища была возмож-

ность попасть в часть, дислоцированную в Якутске, где он вырос и где жили его родители. Но лейтенант Панькин попросился в Северо-Кавказский округ внутренних войск — воюющий округ. Когда бакинскую дивизию после развала Союза стали спешно разбрасывать, ему достался город Грозный. То был август 91-го — националистические и сепаратистские страсти уже закипали вовсю...

Но война войной, служба службой, а годы молодые брали свое. Командир взвода лейтенант Панькин положил глаз на делопроизводителя старшего сержанта Ларису Богдашкину. По собственному ее признанию, все у них было как в сказке — любовь с первого взгляда, подписи, скрепившие брачные узы через три дня после знакомства. Венчались они в благодарненском

храме святого Александра Невского. Молодая семья один за другим меняла гарнизоны: после Грозного — Ростовская область, потом Сибирь. Панькин был правильным офицером — солдат любил, перед начальством не заискивал, от назначений не отказывался, даже если предстояло ехать в забытый Богом таежный угол. Родился первенец Вовка. Жили в общегити, трудно, но никогда не унывали.

Женушку свою Саша буквально на руках носил. Когда получил третью звездочку, с улыбкой сказал, что не так уж долго и до трех больших, полковничьих, осталось. Однокашники по училищу, служившие в оперативном полку, писали о командировках в Дагестан, Ингушетию, звали к себе. И он добился перевода на Кавказ. К тому времени в их семье прибавился еще один парень — Сережка...

Полк понес боевые потери в числе первых, уже 20 декабря в станции Петропавловской погибли в бою

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

старший лейтенант Юрий Струков и восемь солдат. Лариса молила Бога, чтобы ее Сашу миновала беда. В те дни и стали сниться ей страшные сны...

Он уехал в Чечню 24 февраля 1995 года. В карман Сашиного камуфляжа жена положила завернутую в платочек иконку. Чем еще оберечь? Ларисе было очень тяжело с двумя малышами: старшему чуть больше двух, младшему и года нет. Считала дни Сашиней командировки, казавшейся бес-

роны. Теперь они рядом на кладбище, два однополчанина, два старших лейтенанта — Юрий Струков и Александр Панькин.

Впрочем, он ведь капитан, Александр Панькин. Это выяснилось спустя... полгода после его гибели. Лариса вспомнила, что еще в апреле из части ушло "наверх" досрочное представление. Но ни в дивизии, ни в округе вдове погибшего офицера не могли вразумительно ответить, где документы и что с ними. Однажды

Ну все. Люблю, целую. Ваш папа".

Она ждала его приезда, вязала своему Санечке новый свитер, хотела его порадовать...

5 мая 1995 года. На часах — 17.30. Включен телевизор: Ельцин вручает награды ветеранам Великой Отечественной войны. Лариса, сидя на диване, довязывает последние ряды свитера для мужа. Мальчишки играют рядом. Звонок в дверь. Она открывает и видит много людей в военной форме...

Потом, как в страшном калейдоскопе, — слезы, крики, уколы, телеграмма. Вертолетом его привезли на следующий день, всего пробитого осколками. Еще через сутки прилетели из Якутска родители. А 8 мая, в канун Дня Победы, — похо-

ей показали газету "Труд", где был указан телефон прямой линии с министром внутренних дел А.Куликовым. Дозвонилась. Обещали разобраться. И вот 30 сентября приходит выписка из приказа, которым ее Александру было присвоено воинское звание "капитан". Приказ вышел 29 апреля! За неделю до гибели офицера не смогла дойти эта радостная для него весть до передовой, где он находился...

8 мая 1995 года капитана Александра Панькина похоронили в форме старшего лейтенанта. В срок были написаны скорбные строки:

*Придем мы завтра на парад,
Где будут марши, флаги, речи...
Победе славной — пятьдесят,
А пули снова нас калечат.*

В строю остается старший сержант Лариса Панькина, служит она старшим писарем батальона. Володька и Сережа ходят в детский садик. Слезы наворачиваются на глаза молодой вдовы, когда видит серебряный крест на красной муаровой ленте — орден Мужества ее любимого и незабвенного Сашки. И нестерпимо больно стало ей однажды, когда ее мальчишки попросили: "Мама, давай играть в папу..."

**Старший лейтенант
Александр ЛЕБЕДЕВ**

конечной. Его возвращение несколько раз откладывалось — до 10 апреля, до 21-го... 26-го ему исполнилось 25 лет. 4 мая ей передали с оказией короткую записочку:

"Здравствуйте, мои дорогие!

Времени мало, поэтому пишу коротко. У меня все хорошо. Находимся в Дагестане, возле Хасавюрта. Губное поле. Здесь будем находиться до 10 мая — это опять предварительное число. Ну все. Как вы там? Я по вас сильно соскучился. Не вешай нос.

ПОДАЙ ПОБЕДЕ РУКУ

Психологические зарисовки

Получить выгоду — удача

Получить выгоду — удача, бороться за выгоду — опасность. Получить выгоду без борьбы — вот к чему надо стремиться. Борьба за выгоду — самая крайняя мера.

Если выгодная высота не занята противником — какая удача! — ее следует занять. Но попытки отобрать ее у противника почти наверняка приведут к неоправданным жертвам.

Если нельзя достичь победы одним ударом твердого по пустому, наносите серию мелких ударов в различных направлениях, но каждый — твердым по пустому и ни одного твердым по твердому. Это война с нулевыми потерями.

Важно четко уяснить вопрос: что для нас является выгодой на войне, за что мы должны бороться — за территорию, за уничтожение живой силы или за ум народа?

Принцип "Умный в гору не поидет, умный гору обойдет" как еще одно подтверждение вековой мудрости мог бы сослужить прекрасную службу в чеченском конфликте (в отличие от принципа кавалерийского наскока).

Ситуация: у вас за спиной гора, а у неприятеля — болото или река. Наступать в гору трудно, обороняться под горой куда легче. В данном случае преимущество на вашей стороне. Вода, зыбкая почва за спиной лишают противника возможности для манев-

ра, заставляют нервничать. Словом, располагаться надо только на выгодной местности, а если она уже занята неприятелем, то лучше отложить сражение или, маневрируя, навязать противнику другое поле боя. Стремиться к тому, чтобы в случае столкновения за вами всегда ощущалась гора. Та или иная.

Но гора — не только элемент рельефа. Это могут быть и деньги. Это может быть закон. Если он на вашей стороне. Наступая, вы действуете во исполнение закона. А противник, наступая, закон нарушает. Гора — это ваше профессиональное мастерство, боевой опыт.

Функцию горы выполняет и то, что за спиной у каждого солдата, офицера, генерала: надежный тыл, хорошее жалование, перспектива служебного роста; это уверенность в своих командирах, в их полководческих способностях; это и уверенность в оружии, в профессионализме тех, кто его применяет; это и неотвратимость уголовного наказания и морального осуждения тех, кто проявил трусость, в трудную минуту предал, кто мешал победоносно закончить войну.

Удерживай вредом

Удерживай вредом, а двигай выгодой. Обещание выгоды за то, что человек не переменит свое мнение, не изменит позицию, встречают с подозрением. Лучший способ удержать человека на

его позиции — указать уму на вред, опасность первого же шага: не шевелитесь, а то разобьетесь! куда вы, там такое творится!

А двигать человека лучше выгодой. Вы взяли его за руку: пойдемте со мной, пожалуйста! В большинстве случаев даже незнакомец, ничего не понимая, все же сделает несколько шагов за вами. Если же вы, напротив, будете толкать его: уйдите, здесь нельзя стоять! — первым его побуждением будет сопротивление вам.

Различного рода военные ловушки построены на этих же соображениях. Противник показывает вам выгоду — значит, хочет, чтобы вы двигались в ее направлении. Угрожает — хочет, чтобы вы оставались на месте.

Приемы удержания на месте (показом вреда) и побуждения к движению (показом выгоды) действительно могут эффективно работать, если тот, против кого их применяют, ничего о них не знает. Однако уповать на глупость противника — верный путь к поражению. Скорее всего стороны здесь могут быть втянуты в сложные и тонкие многоуровневые ходы демонстраций друг другу обманных и истинных выгоды и вреда. В любом случае нужны сбор и анализ как можно большего объема информации, наличие надежных каналов для оперативного запуска нужных сообщений. Формы и методы этих приемов разные: от показа ложных "пустых мест", демонстрации силы и

готовности ее незамедлительно применить до обещаний через средства массовой информации и устных заявлений по типу "если... то...". В последнем случае слово руководителя должно быть авторитетным, и вера в него подкрепляться опытом прошлых событий.

Дезинформация о возможных терактах, акциях возмездия, которую в большом количестве запускают сегодня непримиримые, есть не что иное, как попытки удержания вредом федеральные силы на месте, сковать, лишить инициативы.

Будь хозяином, а не гостем

Будь хозяином, а не гостем. Хозяин тот, кто может разрешить войти, а может и не разрешить. Кто не нуждается в проводниках, имеет запасы воды и провизии. Кто успел отдохнуть до встречи с гостем.

Гость — тот, кто должен просить разрешения войти. А если войдет не спросив, встретит самый неожиданный прием. Кто плохо знает дом и нуждается в проводнике. Кто имеет запасов ровно столько, сколько может унести с собой. Кто проделал большой путь и нуждается в отдыхе.

Будь хозяином, а не гостем.

Я не иду, ко мне идут.

Я отдохнул и жду уставших.

Я сыт и жду голодных.

Я знаю местные условия.

У меня выгода, а неприятелю еще предстоит за нее бороться.

Выбирая время и место встречи, стремитесь по возможности оказаться в роли хозяина: я нужен ему, а не он мне — пусть ко мне и придет! Равные встречаются чаще на нейтральной территории.

Но гость не только тот, кто приходит. Гость и тот, по чьей инициативе состоялась встреча. Поэтому иногда встречу долго откладывают, хотя в ней нуждаются обе стороны.

Чувствовали ли мы себя в Чечне хозяевами, даже в тех районах, где шла активная раздача гуманитарной помощи и российскими строителями восстанавливались дома? Вопрос, как говорится, риторический.

Многие чеченцы — хорошие интуитивные психологи, особенно в ситуациях соперничества, борьбы. Они хорошо видят слабые места своего противника, тонко чувствуют позицию хозяин — гость. Статус гостя у них прочно закреплен в нормах поведения, в то же время они обладают хорошими способностями проявлять качества хозяина.

Быть хозяином — для них всегда присутствующий, осознаваемый или неосознаваемый мотив жизнедеятельности. Большой удар по самолюбию и гордости всех чеченцев наносился самим фактом нахождения российских войск на территории республики. И они всячески стремились отговаривать ущемленный статус хозяев. У сторонников Дудаева это неплохо получалось, к примеру, во время проведения мирных переговоров летом 1995 года: боевики стали свободно разъезжать по территории, контролируемой войсками, использовать свою символику, выступать перед местными жителями и организовывать митинги. А наложенные на них ограничения не всегда выдерживались, да и не были известны широким слоям населения.

Самый большой урон нашей позиции в психологическом смысле был нанесен разрешением делегации Масхадова разъезжать с оружием. Этим было продемонстрировано: не мы (как хозяева) их (как гостей) охраняли на нашей территории, а они сами взяли в свои руки заботу о себе. В результате дудаевцы, сохранив моральную поддержку со стороны определенной части чеченского народа, обеспечили приток новых людей в бандформирования.

Важно помнить: во время перемирия многие незначительные, на первый взгляд, детали имеют большое значение: выбор места

переговоров, кто его предложил, кем оно охраняется, регламент, кто начинает и кто заканчивает заседания, порядок и время приезда делегаций и другие организационные вопросы.

Представляется, что совместная охрана, выбор места в здании миссии ОБСЕ, ведение переговоров в присутствии членов ОБСЕ способствовало переводу этого мероприятия в ранг нейтрального события для обеих сторон. Они становились как бы равными. А среди двух равных третий (представители Хаджиева — Автурханова) запросто может оказаться лишним. В последующем, когда делегации приезжали на очередной раунд переговоров, им нередко удавалось навязать российской стороне новую тему для обсуждения, они ставили нас в позицию отвечающего на их вопросы (или вопросы прессы, подброшенные ими) по поводу той или иной провокации. Тем самым психологически переигрывали нас и переводили в положение гостей.

Захват заложников и выдвижение требований — это опять же попытка играть роль хозяина: они ставят условия, мы выполняем. Ультиматумы, дезинформация о подготовке новых терактов, боевых действиях с их стороны — все это попытки навязать нам их тактику, вынудить нас отвечать на их инициативу, пусть даже вымышленную.

Таким образом, быть хозяином — это и внешняя позиция, и внутренняя. От умения все время овладевать доминирующей ролью, перемещаясь в географическом и социальном пространстве, зависит, в конечном счете, успех проведения и боевых действий, и мирных переговоров.

Помести бойцов на местность смерти

Местность смерти — положение, в котором можно или победить, или умереть, откуда нет дороги к жизни или она не видна.

Чтобы сломить сопротивление врага, надо показать ему дорогу к жизни. А чтобы ваши солдаты стали непобедимыми, надо у них дорогу к жизни отнять.

Полководец трижды высаживался на вражеский берег со своим войском и трижды вынужден был уплыть обратно. В четвертый раз, высадившись, он сжег корабли. И враг в панике бежал, поняв, что на этот раз высадка была окончательная.

Менее удачливый полководец перед сражением приказал подготовить к спуску на воду лодки. На тот невероятный случай, если его явно превосходящая противника армия все же потерпит поражение. И она тут же его потерпела: в трудную минуту солдаты поторопились воспользоваться лодками.

Поместить воинов на местность смерти — значит нагрузить их ответственностью. Но тот, кто нагружает ответственностью, не должен выступать как ее причина. Поместить на местность смерти — не значит напугать расстрелом в случае отступления. Мудрый полководец не угрожает казнью, а приказывает завалить трупами лошадей все проходы в скалах. Убивать своих солдат полководец не будет. Их будет с неизбежностью истреблять враг, если они будут плохо сражаться.

Помещая подчиненного в местность смерти, мы поднимаем его над собой. Теперь от нас ничего не зависит. Все зависит только от него.

Здесь, как и в реализации других принципов, широкий простор для творчества командира при управлении личным составом. В критической ситуации он создает такие условия, в которых солдат или блестяще выполнит задачу, или погибнет (потеряет лицо, уважение и т.д.). Третьего не дано. Подчиненный сам делает свой выбор: или напрячься и победить, или покрыть себя позором. Командир может и не наказывать бойца за невыполнение приказа. Его накажут сами условия, кото-

рые создал офицер или которыми воспользовался. Надо только следить за тем, чтобы условия выбора были для подчиненного лично значимыми.

Находясь в бедствии, думай о выгоде

Находясь в бедствии, думай о выгоде. Получая выгоду, думай о бедствии. Обратить бедствие в выгоду — вот главная задача на войне.

Прежде чем нанести удар по противнику, подумай, какой вред он может принести тебе. Ведь и противник не будет бездействовать.

Князь, утомившись набегами варварских племен, повел на них войско и разгромил без большого труда. Напуганные, они признали себя побежденными, обещали дружбу и в знак примирения богато одарили князя и его приближенных, устроили в их честь богатый пир. На пиру победителей повязали. Кого умертвили, кого обратили в рабов.

Логика борьбы, невозможной без обмана, лишает противника доброты, великодушия и порядочности, если он и был ими наделен. От коварства может уберечь только предусмотрительность. Доверчивость к противнику — проявление ленисти мысли и желания иметь передышку.

Не всегда можно победить, но сделать себя непобедимым можно всегда. Победа зависит от тебя и от противника. Непобедимость — только от тебя.

Получая свою выгоду, планируя выгоду, мы не всегда думаем о бедствии. Надо не лениться тщательнее просчитывать реакцию противника. И если она слишком велика, не грех и откатиться от удара, тем более от удара в лоб.

И еще. Проявление излишнего доверия — та же лень мысли и действия. В Чечне примеров тому масса. Если взял автомат, пришел на чужую территорию, то знай, что кругом враги. Это не призыв — убей каждого. Это при-

зыв к предусмотрительности. Веди себя как хозяин, но помни о бдительности. Хорошо говорит чеченец, хорошо подслащивает, хорошо показывает, но и стреляет метко, смотрит зорко, запоминает хватко, да все с малолетства. Будь хозяином, но не забывай: для него ты — непрошенный гость. Не доверяй его словам. Себя не дай обмануть, не дай убить, не дай обмануть своих подчиненных, убереги их. Сделай так, чтобы противник начал проявлять доверчивость. Это тяжело, но возможно.

Армии, с которыми не сражаются

Есть армии, с которыми не сражаются. Их пропускают, обходят или избегают: цена победы так высока, что она не в радость.

Вот армии, с которыми не сражаются. Отборные войска, где каждый стоит десяти. Где каждый в каждую минуту ощущает себя на местности смерти. Где смерть в бою не страшит. Где воины — как пальцы одной руки, сжатой в кулак.

Есть много признаков, по которым распознают армию и ее состояние.

Если солдаты громко окликают друг друга в лесу — боятся.

Если стоят, опираясь на оружие, — голодают.

Если, зачерпнув воды, сначала пьют сами — их мучит жажда.

Если противник говорит храбрые речи — хочет передышки.

Если то наступает, то отступает — заманивает в ловушку.

Если полон решимости драться, но не атакует — готовит наступление.

Знать себя и знать врага — подать победе руку.

Причина войны — в незнании ее результатов.

Причина победы — в знании ее законов.

**Полковник
Николай БОРИСЕНКО,
кандидат
психологических наук**

ДЕНЬ ЧАСТИ

Воинский коллектив, который возглавляет подполковник Павел БОБКОВ, отметил очередную годовщину со дня своего образования.

венных объектов и сопровождению воинских грузов в системе МВД России.

Огромный вклад в становление воинского коллектива, повышение его боевой готовности, укрепление воинской дисциплины и правопорядка внесли ветераны: Б. Татаринев, А. Глазко, И. Трудов, А. Потапов, Н. Чистяков, Ю. Ефимов, В. Ханин, В. Гудима, М. Куценко,

...**25** октября 1956 года согласно постановлению Совета Министров СССР из отдельных подразделений для охраны объектов в системе МВД был создан этот полк. Его первым командиром стал участник Великой Отечественной войны полковник Михаил Мияев.

Поначалу в штат части входили 4 группы и 11 команд конвойной охраны, учебная команда по подготовке сержантского состава, дивизион конвойной охраны и центральный питомник служебных собак. Личный состав одним из первых в войсках перешел на передовой по тем временам новый метод охраны объектов способом оперативного дежурства.

Боевое Знамя части было вручено 25 октября 1964 года.

Четырежды — в 1965, 1966, 1967 и 1978 годах — полк завоевывал почетное звание отличного. За высокие показатели в учебе и служебно-боевой деятельности он неоднократно награждался переходящим Красным знаменем.

Ныне полк организационно входит в состав Московского округа внутренних войск и выполняет ответственные задачи по охране и обороне важных государст-

В. Кривонос, Н. Щелоков, Н. Щербинин, С. Котенев и другие. В свое время в этой части на руководящих должностях служили генерал-лейтенант В. Дмитриев и генерал-майор П. Ермаков.

Славные боевые традиции ныне продолжают лучшие офицеры полка С. Сироткин, Э. Нагиев, Р. Бокучава и многие другие.

Подполковник Геннадий ШАХОВ
Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА

К 20-й годовщине ввода
советских войск в Афганистан

*Афганистан, Осетия, потом еще Чечня...
Который год шатаюсь с автоматом!
Но звезды капитанские я выслужил сполна.
Аты-баты, аты-баты...*

С.Вихряков

Две войны Альфреда Долотказина

“И бросала меня судьба от Азова до Амура...” — говорил всеми любимый и уважаемый товарищ Сухов молодому красноармейцу Петрухе, повествуя о своей полной приключений и опасностей жизни. Боевая география героя нашего рассказа еще более обширна: от северной Пальмиры до выжженных солнцем афганских гор, от завораживающей беспокойной, тревожной тишиной китайской границы до мятежной, стреляющей Чечни.

Знакомьтесь — подполковник

Альфред Долотказин, командир батальона оперативной бригады Приволжского округа внутренних войск. Но это сейчас. А если бы в не таком уж далеком восемьдесят седьмом кто-нибудь сказал юному лейтенанту, едва успевшему покинуть стены Ленинградского общевойскового командного училища имени Кирова, что ближайшие десять лет станут для него сплошными командировками на войну и боями, он бы не поверил. Однако получилось именно так.

— Об Афганистане к тому вре-

мени все уже знали достаточно. Как же, 1987 год! И перестройка, и гласность в полном разгаре. И патриотизма еще не поубавилось. А у военных он аж через край хлестал. Понятия “интернациональный долг” и “защита южных рубежей Союза” для нас, свежиспеченных лейтенантов, были очень серьезными. Почти что святыни...

О первых месяцах своей офицерской жизни подполковник и сейчас вспоминает без снисходительной улыбки. Да, он готовился

стать профессиональным военным. И стал им. Надо ли удивляться тому, что сразу по прибытии к месту распределения — в один из гарнизонов Среднеазиатского военного округа — лейтенант Долотказин пишет рапорт: "Прошу направить меня для прохождения службы в составе Ограниченного контингента советских войск в Республику Афганистан..." И уже через два месяца принимает под свою команду взвод в рейдовом мотострелковом батальоне.

— Рейдовый батальон — не десант, не спецназ. Но помотаться по "зеленке", горному серпантину и караванным тропам пришлось вдоволь. Саланг, Панджшер, Джелалабад, Баграм, Кандагар — все это наша зона ответственности. Бывало, неделями не раздевались, дневали и ночевали в обнимку с автоматом. Одно слово — рейдовый. Для молодого офицера первоклассная школа боевого опыта. Хотя порой попадали в такие передраги, что потом удивлялись, как живыми выскочили...

Как ты ни готовься, а сигнал тревоги всегда звучит неожиданно. Поднятый приказом батальон, глотая вздымаемую гусеницами собственных БМП пыль, втягивался в горы. Пока знали лишь одно — идут на выручку. Уже на марше командование уточнило задачу: душманы сбили наш истребитель, летчик (полковник!) катапультировался. Его надо найти и вытащить любой ценой. "Духи" тоже ведут поиск, так что возможен встречный бой.

— Когда рвануло над головной машиной, было видно, как механика через открытый люк выбросило. Тут же ожил заброшенный кишлак, который уже прошли. В общем, засада по классической схеме. У них же времени больше

было, успели подготовиться. Пока рассредоточивались, пока часть колонны за поворот серпантина заползла, еще одну "коробочку" подожгли. Потом атака в лоб... Пока к дувалам на гранатный бросок подоברались — где полз-

лю вытащить, только наш батальон четырьмя жизнями заплатил?.."

А действительно, знает ли? Помнит ли?

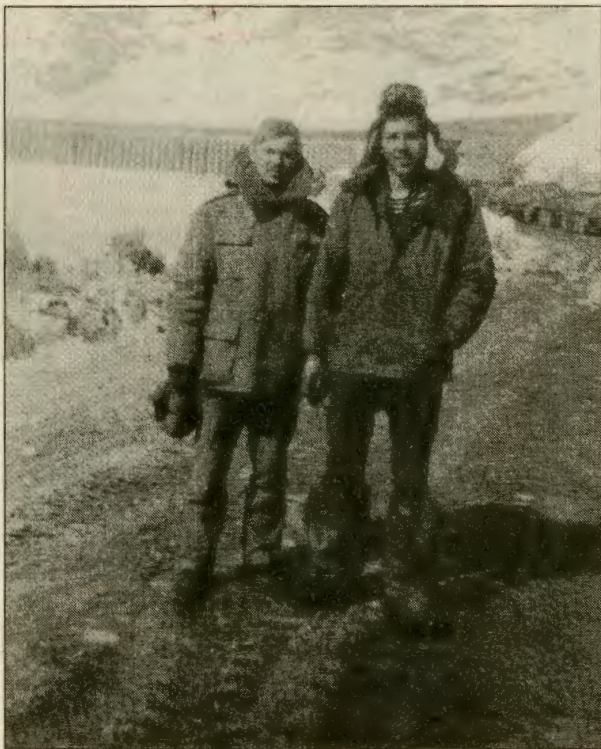
Афганская кампания близилась к завершению. Идея о выводе советских войск, пусть еще не озвученная официально на уровне партийного и государственного руководства, уже витала в воздухе. Напомним, что герою нашего рассказа попал в Афганистан в конце 1987 года.

Но война продолжалась. "Идут из Пакистана караваны, а значит, есть работа для "тюльпана", — пел Александр Розенбаум в те годы. Работал по караванам и рейдовый батальон. Вместе со своими солдатами выходил на караван и лейтенант Долотказин. Одиннадцать раз...

— Караван — это всегда бой. Оружие, боеприпасы, наркотики, амуниция... Все, чем питается война, все, на чем наживаются люди, заинтересованные в ее продолжении, все это — караван. Те, кто его сопровождает, охраняет, отвечает за доставку, всегда дрались отчаянно и жесточенно. В плен не сдавались, знали: пощады не будет ни от нас, ни от своих. Какой самый памятный рейд из одиннадцати, спрашиваешь? Наверное, первый (потому что он — первый). Ну и, пожалуй, седьмой.

Вляпались тогда, что называется, по самые уши. Если честно, разведка лопухнулась. По ее данным, шло 30 верблюдов и 40 человек в сопровождении. Подняли нашу роту. Вышли на тропу, расположились, затаились, выслали разведдозор, ждем. Готовимся взять тепленькими.

Дозорные возвращаются, на них лица нет. Докладывают: идут 70 верблюдов (а это значит, столь-

Лейтенант А. Долотказин (справа) на перевале Саланг. 1987 г.

ком, где перебежками да кувырками, пока пасть тому пулемету заткнули, еще двоих потеряли. А главное — время ушло, стемнело. С утра продолжили выдвигание, неделю лазили по ущельям. Все впустую, никого не нашли.

Возвращались в поганейшем настроении: четверых пацанов положили, задачу не выполнили. Позже узнали фамилию летчика, на выручку которого нас бросили — Руцкой... Я когда его по телевизору вижу (сейчас-то реже, раньше часто мелькал), нет-нет да и подумую: "А знаете ли вы, генерал-губернатор, что для того, чтоб вас из плена на родную зем-

ко же вооруженных погонщиков) и полторы сотни "духов" в сопровождении. А у нас всего сотня солдат. Так что как ни крути, соотношение 2:1 не в нашу пользу. Это как минимум.

С ротным за камушками лезим, травинки покусываем да репу чешем: что делать будем? Лощинка — вот она, внизу, метрах в семидесяти. Здесь они пройдут минутой через сорок. Именно здесь, больше нигде. "Командир, — ротному говорю, — надо сковать их боем, заставить залечь на этом пятачке и вызвать артиллерию. Пусть накроют. Иначе, если успеют оклематься и поймут, что нас меньше, и сами вырвутся, и наших покروشат "в салат".

Ротный, старый капитан, третий год в Афгане безвылазно. Посмотрел на меня с жалостью: "Дурак ты, лейтенант. До артиллерии нашей больше двадцати километров. При таком расстоянии у них отклонение плюс-минус двести метров от координат считается нормальным. А до "духов" и сотни метров не будет. Так что вызывать огонь придется, по сути дела, на себя. Ты домой вернуться хочешь? И я хочу. Но в главном ты прав: надо заставить караван залечь, а потом вызвать вертолеты. Эти и вмажут поточнее, и нас, если что, подобрать смогут. Но до вертолетов надо будет продержаться".

Так оно и получилось. До подхода каравана успели переставить людей на огневых точках. Когда моджахеды втянулись в лощину, открыли интенсивный огонь. "Духи" верблюдов уложили, отстреливаться начали. Потом вверх по склону полезли, с нами расправляться. И тех, что из-за выюков стерегут, тяжело достать, и тех, что ящерицами между камней к нам подползают; тоже не особо подстрелишь... Короче, когда два звена "вертушек" подоспели, нам уже было не жарко, а очень жарко. Но с их приходом все резко изменилось: НУРСами прошлись, из пулеметов причеса-

ли. Взрывы, грохот, особенно когда НУРС в верблюда с боеприпасами попадает. В общем, нам потом осталось только трофеи собрать...

Как все просто: собрать трофеи! Сколько же раз рисковал ты жизнью, комбат, в свой первый лейтенантский год?! Ведь кроме этого каравана были еще десять (пусть не таких памятных, но были!). И после того, пусть неудачного поиска летчика Рудцкого, были еще поиски и рейды, бои и засады. А еще был вывод войск, марш через заснеженный и пронизанный холодными ветрами перевал Саланг, когда скользила по льду и срывалась в пропасть техника, когда взрывы мин и пули душманов продолжали наступать солдат и офицеров в последние (и даже в самый последний!) дни войны.

Рейдовый батальон, прикрывая отход частей, прошел через Саланг без потерь. И много позже остальных. Война — афганская — для лейтенанта Долотказина закончилась. Правда, где-то в высоких инстанциях забуксовали наградные документы, дважды отсылаемые командованием полка на молодого и перспективного офицера (первый раз представляли к медали "За боевые заслуги", второй, посчитав, что медаль уже идет к законному владельцу, ходатайствовали о награждении орденом Красной Звезды). Но разве это может серьезно расстроить? Какие наши годы! Еще придут награды. Служба-то ведь продолжается...

Оговоримся сразу, чтоб больше не возвращаться к этому деликатному вопросу. Поменяв лейтенантские погоны на подполковничьи, герой нашего рассказа так и не дождался ни медали, ни ордена.

— Не старался разобраться в этом вопросе? — спросил я его во время нашего разговора.

— Да когда оформлялся во внутренние войска, заполнял всевозможные анкеты, обмолвился об этом. Кадровики говорят: покопайся в архивах, пошли запро-

сы. Если выяснится, что такие представления были и их концы найдутся, можно попытаться побороться за награды.

— Не пытался? — Оторвавшись от записей в блокноте, я поднял голову.

— Мне больше делать нечего? — Он посмотрел на меня. Наши глаза на секунду встретились.

Действительно, о чем это я...

Итак, служба продолжалась. Полк, выведенный в Термез, а затем в Панфилов, прикрывал государственную границу. Жизнь, конечно, тоже не сахар, но не в пример прежней, боевой — все же куда как спокойнее. Плавное теперь было научить тех, кто прибывал на пополнение, воевать в горах. Научить так, как умели они сами, только что выпешедшие "из-за речки": грамотно и толково, смело и осторожно. Верили, что полученный опыт еще пригодится. Он и пригодился. Только в другом месте и несколько позже.

— Из Панфилова перевелся в Пржевальск. Это уже Киргизия, тоже граница. Правда, уже китайская. Отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Задачи сходные: по первому свистку прийти на помощь пограничникам в случае вторжения неприятеля на нашу территорию. Опять постоянная готовность, бесконечные учения, марши, стрельбы.

Все бы ничего. Но тут развалился "великий и могучий". Войска начали перетаскивать под юрисдикцию независимой Киргизии. А нам ведь не все равно, на каком языке кричать "За Родину!" Офицеры стали рваться в Россию.

Тогда впервые услышал, что есть такие войска внутренние.

Вот так и стал заместитель командира пулеметно-артиллерийского батальона офицером внутренних войск, начальником штаба батальона в оперативной бригаде Приволжского округа ВВ МВД. А тут и Чечня подоспела. Может, такая судьба у этих людей: не отпускает их война, идет

СЛУЖБА

вслед за ними, притягивает. Сам же подполковник судит об этом проще:

— Профессия такая, сам выбирал, винить некого.

Пять горячих командировок за полтора года. В две из них управлялся добровольно, вне очереди, выходя из отпусков, когда

вать было тяжелее. Нет, правда. Если брать в чисто боевом, военном плане. В Афгане четко знали: это — мы, это — враги. А там... Сегодня он полевой командир, завтра — член их правительства, послезавтра — в оппозиции к Грозному, но ищет связи с Москвой и вроде бы опять неприкасае-

избранной профессии я не разочаровался. И жизнь свою напрасно прожитой не считаю. И службу оставлять не собираюсь. Просто немного тоскливо становится, когда видишь, как все в стране не по уму делается. И опыт, который действительно добывался когда-то потом и кровью, остается, по большому счету, невостребованным.

— А что дал этот самый боевой опыт — афганский, чеченский — тебе, вот тебе лично?

— Мне... — Он очень серьезно и надолго задумался. — Пожалуй, главное, чему я научился, — это скрывать свой страх и растерянность перед подчиненными, когда становится действительно страшно: за свою ли, за солдатские ли жизни. Всякое ведь бывало... Но когда бойцы видят, что командир спокоен и уверен в себе, они на многое способны, даже в безвыходной, на первый взгляд, ситуации.

Солдата обучить всему можно. А вот добиться, чтоб он эту науку на практике применил — тут особый командирский дар нужен. И вера.

Долго еще длился наш разговор, вращаясь вокруг одних и тех же простых и неисчерпаемых тем. И уже потом, после расставания с крепким рукопожатием, продолжали звучать отложившиеся в памяти слова, просто и буднично, безо всякой рисовки произнесенные этим незаурядным офицером с яркой и богатой событиями судьбой, сказать которые в наше время смог бы не каждый служивый: "В избранной профессии не разочаровался".

**Майор
Игорь СОФРОНОВ**

Фото из домашнего архива подполковника А.Долотказина

Подполковник А. Долотказин (в центре). Чечня, 1995 г.

узнавал, что его батальон вновь получил команду "На вылет!" В мае девяносто пятого, в первый день выставления заставы под Суворов-юртом, случилась и первая серьезная стычка с боевиками: потеряв одного солдата, застава и подоспевший резерв заставили дудаевских "волков" уйти в горы — зализывать раны. В марте девяносто шестого опять хлебнул военного лиха сполна. Потом еще и еще. А в декабре покидал Ханкалу с последней колонной, тридцать первого числа, аккуратно под Новый год. Пока трясся на холодной броне БТРа до Моздока, обнимая приросший, кажется, уже к рукам автомат, подумалось: как все знакомо — снег, ветер, марш, уставшие, измотанные войной люди. Как последний марш через Саланг. Опять уходим. Надолго ли?..

— Что ни говори, а в Чечне вое-

мый. Не война, а одна сплошная политика.

"За речкой" войска себя уважать приучили: по нам выстрел, мы в ответ минометный залп даем или вертолеты вызываем. Короче, так землю вспашем, что мало не покажется. Не гуманно, не демократично? А цивилизованно-демократичное НАТО в самом центре Европы смотри как развернулось: если военному патрулю только покажется (!), что возникла угроза их жизни, они могут открывать огонь на поражение. Да если бы у нас были такие права... Ладно, надоело уже об этом.

В голосе моего собеседника впервые за все время нашего продолжительного разговора прозвучали нотки усталости и даже, как показалось, какой-то апатии. Неужели приходит разочарование?

— Ты не подумай, — словно прочитал мои мысли комбат. — В

Приволжский округ
внутренних войск МВД России

Дагестан: по местам боев

ТРУДНЫЕ ПУТИ К ВЫСОТАМ

Командир, рискующий собой в бою ради спасения подчиненных, — главный герой многих фронтовых историй этой необъявленной войны.

Прикрывая огнем из автомата отход двенадцати бойцов, последний покинул позицию старший лейтенант Василий Ташкин — командир заставы в селе Тухчар, что расположено северо-западнее Новолака, по соседству с чеченским Ишхой-Юртом. С высоты 715,3 в бинокль хорошо видны крыши тухчарских домов. В одном из них местные жители спрятали офицера и четверых солдат, в соседних домах — еще семерых. Укрыться в селе защитников Тухчара вынудила критическая обстановка, сложившаяся в зоне от-

ветственности заставы утром 5 сентября. Отбиваясь от бандитов, которые ворвались из Чечни, старший лейтенант Ташкин и его подчиненные израсходовали почти все боеприпасы. БМП была подбита из гранатомета. Пришлось пехом отступить к КПП дагестанских милиционеров. Те вызвались помочь военным: «Отведем вас в село и попросим надежных людей спрятать. Ночью вас тайком выведут из Тухчара. Другого пути нет. Сами вы сейчас не выйдете из окружения. С пустыми магазинами много ли навоюешь?». Прикинули — верно, другому не спастись. Пока с боем подойдет подмога с базы, «духи» всех перестреляют. Да и подоспел ли помощь вовремя при таком раскладе, еще вопрос.

Семерых из тринадцати тух-

чарцы укрыли надежно. Когда оккупанты наводнили улицы, не выдали. Под покровом ночи троих раненых местный мужик отвез на машине к войсковой заставе у Герзельского моста. Четверо окольными путями добрались до своих сами. А вот остальным не повезло. Нашлись предатели, выследили. И навели «духов».

Старший лейтенант Василий Ташкин, рядовые Алексей Поранин, Борис Эрдниев, Алексей Липатов, Владимир Кауфман и Алексей Полагаев, лишенные возможности встретить бандитов автоматным огнем, яростно сопротивлялись. Но недолго длилась рукопашная схватка. Боевики взяли числом... Связанных пленников вывели на улицу и учинили лютую казнь. На глазах у застывших от ужаса сельчан.

Окончание. Нач. в № 11

Офицеру перерезали горло в последнюю очередь, чтобы истерзало его сердце при виде мучительной смерти солдат. Изуродованные ножами тела чеченцы бросили под мост. И только на следующий день, уступив мольбам женщин, разрешили предать убиенных земле...

При освобождении села местные жители пообещали установить обелиск в память о российских храбрецах — военнослужащих калачевской оперативной бригады ВВ, сражавшихся до последнего патрона на подступах к Тухчару...

Сверившись с картой, повернем бинокль на восток — к селу с таким же экзотическим для русского уха названием: Новочуртах. От него до приграничного Тухчара километров десять, до окраины Хасавюрта и того меньше.

Хасавюрт в стратегических планах ваххабитов объявлялся столицей независимого исламского государства. Одно слово: разбежались! На подступах к Хасавюрту боевики заняли важную высоту с отметкой 323,1.

В локальных гражданских, межнациональных или контртеррористических войнах невысокие холмы, провинциальные городки и даже села, вопреки всем канонам военного искусства, становятся стратегически значимыми.

На стратегически важную высоту, занятую "духами", 6 сентября на рассвете пошли десантни-

ки. С задачей: скрытно подобраться и опрокинуть врага. Не получилось скрытно. "Духи" не дремали, встретили наступающих ураганным огнем из пулеметов и гранатометов-"шайтанок". Потеряв восьмерых бойцов, "голубые береты" залегли, вжались в землю.

Атака захлебнулась.

На левом фланге десантников было сосредоточено подразделение нефтекумского оперативного полка внутренних войск. С задачей: поддерживая огоньком крылатую пехоту, помочь братишкам взять высоту. Возглавлявший подразделение комбат майор Виталий Иванидзе (по понятным причинам фамилия изменена), оценив обстановку, эту задачу для себя подкорректировал: взять высоту, выручая застрявших на склонах братишек. Решение принял нестандартное. Как там говаривал мастер стрельбы по-македонски старший лейтенант Таманцев из "Момент истины" Владимира Богомолова? Ничем не рисковать — ничего не иметь. "Рискнем — и "духов" поймеем!" — сказал взводным и сол-

датам Иванидзе. — Не будь я грузин, который верой и правдой служит России. Замысел такой. На трех бэтрах обходим “душков” с левого фланга, поднимаемся на холм и — вплотную к спинам врагов. Под прикрытием башенных пулеметов спешиваемся. А дальше — боевой аргумент всеми стволами. Чтоб мало там никому не показалось”.

Пошла броня в горушку с надрывным ревом. Как и рассчитывал комбат, моторов “коробочек” бандиты в грохоте перестрелки не услышали. И прозевали вэвэшный десант, нацеленный им под самую задницу. Бэтры затормозили на расстоянии десяти метров за спинами поглощенных боем “духов”.

— Влупили от души. В упор, —

вспоминая эту фронтовую историю, не скрывал боевой радости Иванидзе. — КПВТ с бэтээров кошой косят, автоматчики подкашивают. Десантура с матом-перематом стремительным броском — в гору. А когда мужики в ярости начинают долбить совместными усилиями с фронта и с тыла — врагу, скажу я вам, не позавидуешь. “Духи” в панике ломанулись вниз по склонам в сторону Гамияха. Кто уцелел. А на высоте с отметкой 323,1 мы насчитали 53 трупа. Наши потери: пять солдат получили ранения, один бэтр был подбит, но не смертельно, вскоре его восстановили полковые технари.

Командир, принимающий нестандартное решение ради победы стратегического значения в районном масштабе, — тоже герой типичный отгремевшей дагестанской войны.

Этих крепких мужиков-командиров дождалась другая война. В Чечне...

Полковник Юрий КИСЛЫЙ
Фото автора

А.С. Пушкин и события Кавказской войны

"ГНЕЗДО РАЗБОЙНИЧЬИХ ПЛЕМЕН"

Лето 1820 года Пушкин провел на кавказских Горячих водах. Принимал ванны, особенно ему помогли, по его словам, горячие серные. Несмотря на летний зной, поэт проявил себя как неутомимый ходок и покорил многие из окрестных вершин, включая Машук и Бештау. Минуты вдохновения, пережитые на крутых каменистых склонах, откуда ему открывалась цепь заснеженных исполинов Большого Кавказа, надолго врезались в память. Здесь же, под сенью пятиглавого великана Бештау, у Пушкина зародился замысел новой поэмы — "Кавказский пленник",

Оценивая значение Кавказа в творчестве Пушкина, Белинский заметил, что его муза "как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем, купленным драгоценною кровью сынов ее и подвигами ее героев". В путешествиях по Кавказу поэт наблюдал не только картины "природы дикой и угрюмой", но и сцены кровавых сражений и находился в кругу событий и лиц, определявших военную обстановку в этом крае.

сюжет которой поэту подсказала разгоравшаяся на Кавказе война. В письме к Н.И. Гнедичу Пушкин с оттенком сожаления упоминает "шумный Те-

рек", на берегах которого ему тогда побывать не довелось и где, как он сам полагал, должна бы находиться сцена его поэмы. "...Я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца, — признается поэт, — где возвышаются в дальнем расстоянии друг от друга четыре горы, отрасль последняя Кавказа..." Русский пленник, которого на аркане приволокли в аул, едва находит в себе силы, чтобы осмотреться вокруг.

*И видит: неприступных гор
Над ним воздвигнулась громада,
Гнездо разбойничьих племен...*

Последняя строка, звучащая, казалось бы, как поэтическая метафора, на самом деле приоткрывает реальные обстоятельства, сложившиеся в районе Пятигорья.

Еще в 1777 году Екатерина II подписала указ о строительстве Азово-Моздокской укрепленной линии, дабы оградить южные российские пределы от набегов и разбоя. В состав линии первоначально входило десять крепостей. Однако время и первый же опыт пограничной жизни в предгорьях Кавказа заставили сделать незамедлительные дополнения. На имя светлейшего князя Г.А. Потемкина последовал рапорт о необходимости сооружения крепости в районе Бештовых гор:

"Хотя при поднесении всеподданнейшего Ея Императорскому Величеству от вашей светлости доклада о заведении линии и не полагалось крепости при Бештовых горах по неизвестности испытанных дерзновенней кабардинского народа и в рассуждении подданства к Самодержавному Ея Величества скипетру, но как по обстоятельствам открылось, что кабардинцы, соединяясь каждый раз под теми горами с кубанцами, беслиненцами и прочими своими соседями, все советы, все приуготовления свои к злодейству устраивают там и в случае погоны находят свое закрытие в ущелинах их, то для пресечения таковых скопищ и для предудержания от злодейства весьма за нужное полагаю я там построить сверх прежде апробованных одно укрепление, отличное прочим крепостям..."

Рапорт подписал астраханский губернатор генерал-поручик И.В. Якоби. Крепость, воздвигнутая под сенью Бештау, получила название Константиногорской (по имени второго внука Екатерины). Вблизи ее, там, где высится Машук — "податель струй целебных", вскоре

и возникло поселение Горячие воды (ныне всемирно известней Пятигорск).

Передавая впечатления летних дней, проведенных с семьей генерала Н.Н. Раевского у "знойной границы Азии", поэт замечает в письме к брату Льву: "Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тащилась заряженная пушка с зажженным фитилем. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца".

В 1829 году Пушкин предпринял поездку через Кавказские горы в Тифлис, и дорожные впечатления невольно возвратили его к некоторым сценам "Пленника". "Горы тянулись над нами, — замечает поэт в первой главе "Путешествия в Арзрум". — На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различили и пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состарившегося в неволе".

Тема трудных отношений русских с горцами по-прежнему находилась в круге его творческого внимания. Известно, что Пушкин вынашивал план кавказского романа, где похищение и плен играли в развитии сюжета не последнюю роль. Уходя от условностей романтической поэмы к грубой прозе жизни, Пушкин искал достоверные детали, рисующие бедственное положение пленника. "Черкесы нас ненавидят... — продолжает он путевые заметки. — Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать

сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими пашками".

Восхищавшийся "Пленником" Белинский считал, что "с легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною страной не только широкой раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний!" Но это высокий пафос программной статьи. В частном же его письме звучат иные ноты. Проведя лето 1837 года в том же Пятигорске, Белинский признавался совсем в другом: "Черкес, плен и мучительное рабство — для меня синонимы. Эти господа имеют дурную привычку мучить своих пленников и нагайками сообщать красноречие и убедительность их письмам для разжалобления родственников и поощрения их к скорейшему и богатейшему выкупу".

Тема, порожденная необыкновенно долгой войной, требовала продолжения. И новые участники бесконечной кавказской драмы — Лермонтов и Лев Толстой создали вослед Пушкину свои произведения под тем же названием.

"СВИДЕТЕЛЬ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ВЕКА"

Имя Николая Николаевича Раевского связывают обычно с первой поездкой Пушкина на Кавказ в 1820 году, когда поэт побывал здесь с семьей прославленного генерала. Знакомство же самого Раевского с Кавказом началось намного раньше. Боевое крещение он принял под Бендерами, где впервые услышал свист турецких пуль. Будучи племянником всемогущего Потемкина, мог бы рассчитывать на быстрый взлет в военной карь-

**Генерал
Н. Н. Раевский-старший**

родился его старший сын Александр. Раевский наряду с А.П. Ермоловым и М.И. Платовым участвовал в персидском походе графа В.А. Зубова, когда русские войска пробились за грани Кавказа. Войну 1812 года он встретил, командуя корпусом в армии П.И. Багратиона. В бою под Салтановкой сам вел пехоту в штыки и, оттеснив маршала Даву, дал возможность Багратиону увести армию за Днепр. Защищал Смоленск и навеки прославил свое имя в Бородинском бою, в котором вместе с ним сражались его сыновья Александр и Николай (о чем в стихах упомянули Жуковский и Пушкин). В "Битве народов" под Лейпцигом

получил рану в плечо, но остался в строю до конца боя. Ратный путь окончил генералом от кавалерии, на его надгробии выбита эпитафия:

*В Смоленске он был щит,
В Париже — меч России.*

Раевский был связан личной дружбой с Ермоловым и Багратионом. Пушкин называл его великим человеком. "Я не видел в нем героя, славу русского войска, — признавался он, — я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душою, снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года; человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества".

Испытать себя в жизни Раевскому довелось не только "частым обхождением с неприятелем", но и ударами прихотливой

фортуны: при императоре Павле он был исключен из службы; по делу о 14 декабря арестовали его сыновей (вскоре они были выпущены с "очистительным аттестатом"). Два его зятя — С.Г. Волконский и М.Ф. Орлов — также подверглись аресту, первого отправили на каторгу в Сибирь, второй был навсегда исключен из службы и отдан под надзор полиции.

У генерала и его супруги Софьи Алексеевны (внучки М.В. Ломоносова) было шестеро детей: два сына и дочери Екатерина, Елена, Мария и Софья. С Николаем Раевским-младшим, офицером лейб-гвардии Гусарского полка, Пушкин познакомился еще в лицейские времена. Знакомство перешло в дружбу, о которой поэт писал вскоре брату Льву: "Ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги, для меня вечно незабвенные". Николаю Раевскому Пушкин посвятил "Кавказского пленника", а намечая, уже годы спустя, новое путешествие на Кавказ, сообщил об этом в Тифлис служившему там брату: "Из Петербурга поеду в чужие края, т.е. в Европу, или восвоюси, т.е. во Псков, но вероятнее в Грузию, не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского". Находясь в действующих войсках, он, по рассказу очевидца, не расставался со старым другом, занимал с ним одну палатку и не оставал от него в боях с турками. Так же, как когда-то его отец, Николай Раевский был командиром Нижегородского драгунского полка, входившего в Отдельный Кавказский корпус. За "излишнюю близость" со ссыльными декабристами император Николай на несколько лет отстранил его от службы.

С полковником Александром Раевским Пушкин познакомился на Горячих водах в 1820 году. Тот в это время служил на Кавказе и сопровождал Ермолова в его экспедициях и походах. Ске-

ере. Однако дальновидный покровитель пособил своему любимцу странным образом: отправил его в казачий полк с предписанием употреблять Раевского рядовым казаком. Школа горячей и опасной службы, говоря по-военному, на передке, т.е. в аванпостях, атаках и партизанских рейдах, оказалась столь действенной, что Раевский окончил кампанию уже подполковником и на двадцатом году жизни получил под начало кавалерийский полк.

Князь Потемкин составил для него особое наставление, из которого Раевский успел вызубрить только первые строки: "Старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем". Наставление светлейшего Раевский потерял, но, судя по всему, особенно в нем и не нуждался: он воевал впоследствии с поляками, шведами, французами, а потом снова с турками на Дунае. Одно время он стоял на Кавказской линии с Нижегородским драгунским полком, и здесь, в Георгиевске, в 1795 году

птицизм и саркастический ум Александра произвели на поэта сильное впечатление. "Сила его обаяния, — замечает современник, — заключалась в резком и язвительном отрицании". Сам Пушкин предрекал ему блестящее будущее, считая, что он "будет более нежели известен".

Побывали с генералом на водах и две его младшие дочери Софья и Мария (в будущем жена С.Г. Волконского, отправившаяся за ним в Сибирь). Раевские и Пушкин провели на Пятигорье два месяца, испытав на себе силу знаменитых целебных ключей. "Рюматизм не чувствую, — признавался обнадеженный действием вод генерал, — но это, может, только в здешнем климате, а избавился ль их, это покажет время..." Спутники съездили и на "благодетельный железный горячий ключ, в Бештовой горе находящийся". Тогда же возникло решение подняться и на вершину пятиглавого великана. "При первом хорошем дне, — пишет генерал, — положено ехать на верх шпнца Бештового, с которого верст на сто открывается во все стороны". А в конце июня генерал упоминает об уже состоявшемся восхождении: "Ездили мы на Бештовую высокую гору..." Об этом же в одном из писем к брату сообщает и Пушкин: "Жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту..."

Побывав на Железных и Кислых водах, путешественники отправились в дорогу — в Тамань, проделав опасный маршрут по правому берегу пограничной тогда Кубани. С левого, черкесского, берега в любой момент можно было ждать нападения. "Видал я, — пишет поэт, — берега Кубани и сторожевые станицы, любовался нашими казаками. Вечно верхом, вечно готовые драться..." Память о днях, проведенных под полуденным небом, Пушкин навсегда сохранил в своем сердце. "Су-

А.П. Ермолов

ди, — признавался он брату, — был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался..."

"ВАША СЛАВА ПРИНАДЛЕЖИТ РОССИИ..."

Работая над поэмой "Кавказский пленник", Пушкин возвращался мыслью к тем дням, что провел в "краю чудес", и перо его не раз выводило на полях рукописи то дорогой сердцу профиль, то очертания крутых склонов Бештау. Первый биограф поэта П.И. Баргенов передавал со слов Марии Раевской, что жизнь на Кавказе — "вольная, заманчивая и совсем непохожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлений, жизнь в кибитках и палатках, разнообразные прогулки, ночи под открытым южным небом и кругом причудливые картины гор, новые, невиданные

племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горских черкесов, а в нескольких часах пути упорная, жестокая война с громким именем Ермолова, — все это должно было чрезвычайно как нравиться молодому Пушкину".

Ермолов надолго попал в круг творческого внимания поэта. Сообщая в письме к брату о своей жизни на юге, он упомянул и прославленного генерала. И хотя в этих строках не обнаруживается еще поэтических намерений, но контекст, окружающий имя "проконсула Кавказа", весьма многозначителен: "Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной

пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградю в будущих войнах — и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии".

Как видим, пылкое воображение влечет поэта гораздо дальше "знойной границы Азии", и если здесь еще не говорится прямо, что успехи "в будущих войнах" для него связаны именно с Ермоловым, то очень скоро в эпилоге "Кавказского пленника" Пушкин предрекает ему роль покорителя Кавказа:

*Но се — Восток подымлет вой!..
Поники снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно...*

Предсказание поэта не оправдалось. Когда в 1829 году он предпринял новую поездку на юг, то Ермолов был уже не у дел, в опале, а Кавказ все еще оставался неусмирленным. Здесь начинало разгораться жаркое пламя газавата. Но писать о Кавказе и обойтись без Ермолова было невозможно. "Кончилась ли у вас война? — спрашивал Пушкин в письме к брату, служившему тогда в Тифлисе. — Видел ли ты Ермолова и каково вам после него?" Поэт проделал двести лишних верст пути и заехал в Орел, чтобы познакомиться с пребывавшим в отставке генералом (о чем рассказал на первых же страницах "Путешествия в Арзрум"). Описывая встречу, Пушкин даже в деталях постарался подчеркнуть по-прежнему важную для него неразрывность двух тем — "Кавказ" и "Ермолов": "Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие".

Вполне вероятно, что Пушкин видел в Ермолове героя своих будущих произведений. Удовлетворив свои исторические интересы в созданных образах Петра и Пугачева, теперь он искал возможности запечатлеть и современную ему личность исторического масштаба. В том, что поэт именно так подходил к оценке Ермолова, сомневаться не приходится: в его письмах дважды встречается весьма характерное в этом отношении (хотя и косвенное) сопоставление Ермолова с Наполеоном. Сохранилось черновое письмо Пушкина за апрель 1833 года, в котором он высказывает намерение быть историком генерала: "Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших кавказских подвигов. До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает все — и только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке... Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если же Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас позволить мне быть Вашим историком..."

Близкий друг Пушкина Петр Вяземский ставил в вину поэту, что, упомянув в эпилоге "Кавказского пленника" имена Котляревского и Ермолова, тот "окроковил последние стихи своей повести... Гимны поэта никогда не должны быть славословием резни". Поздняя критика пыталась сгладить этот упрек: воспевая покорителей Кавказа, Пушкин якобы лукавил, рассчитывал "подействовать на власти и подготовить возможность воз-

А.И. Якубович

вращения из ссылки". Едва ли Пушкин заслуживает подобных упреков, едва ли нуждается и в оправданиях. Истекшее время показало, что его "Кавказский пленник" — это гениально начертанный пролог к трудной и горькой теме, продолжением которой явились "Валерик" Лермонтова и кавказские рассказы Льва Толстого.

"ГЕРОЙ МОЕГО ВООБРАЖЕНИЯ"

Он пленял воображение Пушкина, и тот собирался написать о нем роман. Среди его друзей значился Денис Давыдов, а с Грибоедовым он дрался на дуэли и прострелил ему руку. Человек отчаянной храбрости и рыцарской чести, Александр Иванович Якубович вошел в нашу историю как участник восстания декабристов в Петербурге. Мы раскроем биографию героя на ее кавказских страницах.

Воспитанник московского

университетского пансиона, Якубович начал военную службу в лейб-гвардии Уланском полку. "Способный, — как пишут о нем, — на любые крайние подвиги личной отваги", он вскоре приобрел репутацию бретера, то есть вспыльчивого задиры и дуэлянта. За участие секундантом в поединке Заводовского и Шереметева, имевшем для последнего смертельный исход, был выслан на Кавказ. Буйный нрав его проявился и здесь: ноябрьским утром 1818 года в окрестностях Тифлиса он стрелялся с Грибоедовым и, как полагают, намеренно метил ему в руку, чтобы лишить удовольствия играть на рояле.

О жизни Якубовича на Кавказе можно написать авантюрный роман, она проходила в бесконечных схватках и стычках с горцами. В звании штабс-капитана Нижегородского драгунского полка он командовал казачьими резервами, расположенными на реках Малке, Баксане и Чегеме. Известность его, добытая дерзкой удалью и кровью, долгие годы гремела в горах. "Слава о нем, — пишет военный историк В.А. Потто, — разнеслась по целому Кавказу, как между русскими, так и между горцами. Самые отважные наездники искали его дружбы, считая его безукоризненным джигитом... Влияние Якубовича в горах было огромно; одного имени его, предположения присутствия его, слуха о нем иногда достаточно было, чтобы удержать горцев от нападения на Кабардинскую линию. Впоследствии самая наружность его, с высоким челом, у самого виска пробитым черкесской пулей, и никогда не заживавшей раной, прикрытой черной повязкой, производила поражающее впечатление на умы горцев".

Ему не было равных в открытом бою. Он не только перенял у горцев их одежду и искусство

верховой езды, а прекрасно усвоил и их тактику стремительных набегов. Всегда нападав первым и неизменно побеждал. В горах его считали заколдованным. С небольшим казачьим отрядом Якубович бесстрашно проникал в глухие ущелья, добираясь иногда до самого Эльбруса. Добытые трофеи, коней и овец всегда делил поровну между своей командой, себе не оставляя ничего. Имея в горах знатных кунаков, вызволял русских пленных, своих же пленников великодушно отпускал без всякого выкупа. Известен случай, когда Якубович лично доставил в горы к мужу пленную красавицу княгиню.

Он превосходно рисовал (ряд его кавказских рисунков хранится в Историческом музее в Москве) и владел пером. В 1825 году в "Северной пчеле" под инициалами "А.Я." была опубликована его статья "Отрывки о Кавказе. Из походных записок". Догадку о его авторстве первым высказал еще Пушкин, спрашивавший в одном из писем Александра Бестужева: "Кстати: кто написал о горцах в "Пчеле"? Не Якубович ли, герой моего воображения?" Пылкая, сильная натура кавказского воина невольно привлекала творческое внимание поэта, уже создавшего в "Кавказском пленнике" грандиозные картины Кавказа, но еще не нашедшего достойного их героя. "Когда я вру с женщинами, — продолжает Пушкин, — я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева... Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше".

Романтический образ кавказского героя еще долгие годы тревожил воображение поэта. В конце сентября 1831 года он набросал отрывок, представляющий собой начальные страницы крупного, как можно судить, произведения в прозе, рисуя-

щие сборы московской барыни и ее 18-летней дочери на Кавказ. О дальнейшем содержании романа можно получить представление из его многочисленных планов. Основная интрига строится на противоборстве главного героя Якубовича и его соперника Гранева, что завершается дуэлью (а в одном из вариантов — и смертью Якубовича). Многие ситуации здесь заставляют вспомнить лермонтовскую "Княжну Мери": приезд на воды московской барыни Корсаковой и ее дочери Алины, прогулки верхом у Бештау, нападение черкесов, похищение, дуэль. Есть и мотивы, близкие "Кавказскому пленнику": русский офицер в плену у горцев, и черкешенка освобождает его. Сюжет основан на реальных событиях: московская знакомая Пушкина Марья Ивановна Римская-Корсакова действительно побывала на Горячих водах, где подверглась нападению горцев, а ее дочь Александра была уведена в плен. Так или иначе, отголоски кавказских походов Якубовича весьма заметны в романе, именно ему отводилась и главная роль в развитии сюжета.

Пробыв на Кавказе с 1818 по 1823 год, он вернулся в Петербург. Его портрет этой поры рисует в своих записках П.А. Каратыгин: "Высокий рост, смуглое лицо с свирепым выражением, большие черные на выкате глаза, словно налитые кровью, сросшиеся густые брови, огромные усы, короткие остриженные волосы, черная повязка на лбу, которую он постоянно носил в то время, белые, как слоновая кость, зубы, сардоническая улыбка". В событиях 14 декабря его роль до сих пор остается не проясненной до конца. "Образ Якубовича представляется неясным и противоречивым, — замечает современный историк. — Нет единодушия по отношению к

нему и среди самих декабристов: одни считали его искренним и пылким революционером, другие — хвастуном и бретером". Осужден он был по первому разряду, то есть на вечные каторжные работы. Свои дни окончил в Сибири (по одной из версий, утонул, купаясь в Енисее). На его смерть стихотворением откликнулся старый ермоловец Вильгельм Кюхельбекер:

*Ты отстрадался,
труженник, герой,
Ты вышел наконец на тихий берег,
Где нет упреков, где тебе покой!
И про тебя не смолкнет
бурный Терек
И станет говорить
Бешту седой...*

На каторге Якубович с увлечением перечитывал кавказские повести Александра Бестужева и просил его передать привет прежним своим знакомцам. Страна дикой вольности и опасных приключений по-прежнему манила его. "Якубович благодарит тебя за поклон и приписку, — сообщал из Сибири Бестужеву брат Николай, — велит сказать, что ему снится и видится Кавказ..."

"МОГУЧИЙ МСТИТЕЛЬ ЗЛЫХ ОБИД"

Иван Федорович Паскевич был женат на двоюродной сестре Грибоедова и помог ему выйти с очистительным аттестатом из-под следствия по делу о 14 декабря. При Паскевиче Грибоедов достиг своей дипломатической вершины: он оформил Туркманчайский мирный договор с Персией, то есть документально закрепил то, чего Паскевич добился силой оружия.

И все же в историю русской литературы Паскевича вписал

И. Ф. Паскевич

другой Александр Сергеевич. Это сделал Пушкин в своем "Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года". Одни приняли эту книгу как сатиру, другие находили, что Пушкин проделал столь долгий путь, "чтобы воспеть подвиги своих соотечественников". Отвергая и то и другое, поэт замечает в предисловии к "Путешествию": "... Я устыдился бы писать сатиры на прославленного полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание".

В войсках Паскевича Пушкин провел более месяца и присутствовал при сдаче турками Арзрума. "Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших

предприятий, — пишет поэт. — Но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятником моего странствования вслед блестящего героя по завоеванным пустыням Армении". На сабельном клинке была сделана надпись: "Арзрум, 18 июля 1829".

Имя Паскевича встречается в путевом дневнике поэта и в письме с Кавказа Федору Толстому ("Теперь прею в Тифлисе, ожидая разрешения графа Паскевича"). Менее известно другое. В 1831 году, во время польского восстания, Паскевич взял Варшаву. Это событие пришлось на день Бородинского сражения — 26 августа. И Пушкин написал стихотворение "Бородинская годовщина"; в ко-

тором две лестные строфы посвятил Паскевичу:

*Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.
Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благославляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.*

То, что было понятно современникам Пушкина, сегодня требует пояснений. Призыв к тишине "вокруг одра, где он лежит", и слова о страдании связаны с тем, что во время сражения Паскевич был контужен. Упоминание же великого Суворова, несомненно, должно было польстить Паскевичу и здесь не случайно, так как Пушкин напоминает о взятии Варшавы Суворовым в 1794 году, когда основной бой шел за Прагу — предместье польской столицы. Донесение о своей победе Паскевич отправил в Петербург с внуком Суворова.

Что касается выражения "тройная брань", то объяснение ему дает сам Пушкин в письме к Н.И. Ушакову, где называет Паскевича "покорителем Эривани, Арзрума и Варшавы", подчеркивая тем самым три его главные победы.

"Бородинская годовщина" вместе со стихотворением "Клеветникам России" вышла отдельной брошюрой под названием "На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина". Там же помещена

была и "Русская песнь на взятие Варшавы" Жуковского, который и послал вышедшую из печати новинку Паскевичу. В ответном письме фельдмаршал поблагодарил поэтов.

Несколько лет спустя официальный военный историк Н.И. Ушаков выпустил книгу "История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах". Пушкин прочел ее с жадностью. Обнаружив в примечаниях собственное имя (говорилось об участии поэта в перестрелке), он тут же набросал письмо ее автору, полное иронии и к нему самому, и к его герою — графу Паскевичу:

"Отныне имя покорителя Эривани, Арзрума и Варшавы соединено будет с именем его блестящего историка. С изумлением увидел я, что вы и мне даровали бессмертие — одною чертою вашего пера. Вы впустили меня в храм славы, как некогда граф Эриванский позволил мне въехать вслед за ним в завоеванный Арзрум..."

В разговоре с Пушкиным о победах Паскевича Ермолов заметил, что они одержаны слишком дорогой ценой. "Можно было бы сберечь людей и издержки", — сказал он. Сберечь людей... Может быть, поэтому Ермолова так любили в кавказских войсках. Вспомним, как приосанился лермонтовский Максим Максимыч, упомянув о своей службе "при Алексее Петровиче". Паскевич, имевший все высшие награды империи, в том числе и четырех Георгиев, такой любви удостоен не был.

В примечаниях к седьмой главе "Истории Пугачева" поэт, поместив краткий отзыв о генерале И.И. Михельсоне, не преминул отметить, что именно "под его начальством находился в начале славной службы своей князь Варшавский".

Получив известие о смерти Пушкина, Паскевич следую-

щим образом отозвался о нем в письме к Николаю I: "Жаль Пушкина как литератора, в то время, когда его талант созрел, но человек он был дурной".

Как бы там ни было, на Мойке, у себя в доме, Пушкин хранил дорогие сердцу предметы, напоминавшие ему Кавказ: любимую картину — единственную, которую он украсил свой кабинет, — "Дарьяльское ущелье" Никанора Чернецова и кривую турецкую саблю — подарок Паскевича.

* * *

Путешествуя по Военно-Грузинской дороге в 1829 году, на станции Ларс поэт обнаружил список своей поэмы и был обрадован встрече с собственной юностью: "Здесь нашел я измарианный список "Кавказского пленника" и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно".

В эпилоге поэмы есть строки, где автор предрекает то время, когда,

*Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые...*

События наших дней говорят, что, видимо, не все здесь "угадано и выражено верно" и "бурные дни Кавказа" еще не окончены.

Николай МАРКЕЛОВ,
главный хранитель
Государственного
музея-заповедника
М.Ю. Лермонтова

Пятигорск

Брак и семья русского офицера

Начало всему сущему — семья. Она сложный институт общества, источник физических и нравственных сил человека. Образ семьи во многом создает ее глава, авторитет которого соотнобразуется с его общественным положением и значимостью. Семья русского офицера постоянно находилась под контролем общества. Бытовало мнение, что офицер — лучший из мужей. Общество уважало офицера не только за мужество в сражениях, но и за строгое соблюдение нравственных норм, регулирующих семейные отношения. Достоинство офицерской семьи строго оберегалось и общественным мнением, и законами. С момента создания регулярной русской армии появились ограничения — возможность брака определялась его пристойностью и уровнем материального положения офицера. Однако условия эти не всегда соблюдались.

Первым мысль об ограничении браков офицеров подал фельдмаршал И.Ф.Паскевич. Участвуя в войнах с наполеоновской Францией, Персией, он хорошо знал офицерскую жизнь, видел мытарства семейных офицеров. Оставленные без главы, эти семьи, забытые всеми, нищенствовали. В 1835 году И.Ф.Паскевич предложил военному министру ограничить возможность вступления в брак молодым и малообеспеченным офицерам.

Тогда этот проект развития не получил. Оппоненты указывали: проект противоречит законам гражданским и церковным, ибо «всем подданным в российской империи предоставлено право вступать в брак по достижении 18 лет от роду».

В 1845 году специально созданный комитет разработал новый проект, в котором содержалось требование материальной обеспеченности брака: для офицера гвардии — 25 тысяч рублей годового дохода, для армейского офицера — 10 тысяч. Брачный возраст — не менее 30 лет.

Проект комитета вызвал опасение, что ограничение брачного возраста неминуемо повлечет незаконные связи, а размер обеспечения нереален: годовой доход в 10 тысяч рублей мог быть только у одного из 400 армейских офицеров.

Пример иностранных армий для России неубедителен, ибо там офицеры дорожат службой как ремеслом, потому что лучше обеспечены и согласны на всевозможные ограничения.

И этот проект был оставлен без последствий. Только через 10 лет Николай I признал обоснованность предложений И.Ф.Паскевича и специальной комиссии: «Число женатых обер-офицеров, состоящих на службе в войсках, слишком значительно, и многие из них, не имея других способов к безбедному существованию, кроме получаемого от казны жалования, поставлены с семействами своими в затруднительное положение».

Между тем быстро росло число неимущих офицерских семей, особенно в связи с войной 1853-1856 гг. Проводив на войну главу семейства, без средств к существованию оказались тысячи офицерских семей. Назрела необходимость принятия закона об офицерском браке.

Закон о браке русского офицера

Закон вступил в силу в 1868 году. Вот его основные положения.

Генералы, штаб- и обер-офицеры, чиновники военного ведомства и нижние воинские чины, желающие вступить в брак, подчиняются общеустановленным правилам о порядке испрошения разрешения на вступление в брак. Командир отдельной части при испрошении офицером разрешения на вступление в брак обязан рассматривать пристойность брака.

Офицерам, состоящим на действительной военной службе, не дозволяется вовсе вступать в брак раньше 23-летнего возраста. Не достигшим же 28 лет вступление в брак может быть разрешено на-

чальником не иначе как по представлении имущественного обеспечения. Имущественным обеспечением может быть собственность жениха или обоих вместе. Обеспечение это должно приносить чистого дохода не менее 250 руб. в год и может состоять как из недвижимости собственности, так и из процентных бумаг всех родов, принимаемых казной в залоги вообще.

Венчание военнослужащих должно совершаться преимущественно священником собственного ведомства, т.е. в полках полковыми священниками.

Пруссия. С 1852 года разрешение на женитьбу офицеры испрашивали у короля. Вступивший в брак офицер представлял документ об имущественном состоянии.

От офицера требовалось прежде чем обзавестись семьей, надо серьезно поработать над своим образованием, развить свои способности. От невесты офицера требовалась безукоризненная нравственность и достойное происхождение. Строго запрещалась женитьба на своей любовнице.

В 1901 г. приказом по военному ведомству в закон о браках офицеров были внесены некоторые изменения: право окончательного разрешения на вступление в брак предоставлено начальнику дивизии; имущественное обеспечение определено в 1200 рублей годового дохода; для вступления в брак офицер должен прослужить в той части, где он женится, не менее двух лет; вдовым офицерам, имеющим малолетних детей, разрешено вступать в брак без представления имущественного обеспечения.

Ограничение браков. В интересах государства?

Основным мотивом брачных ограничений как в российской армии, так и за рубежом было стремление уменьшить бремя государственных расходов на содержание офицерских семей.

В 1894 году журнал «Военный сборник» писал: «Нынешняя мил-

лионная армия ложится тяжелым бременем на бюджет государства, которое не может обеспечивать массу офицеров таким содержанием, которое давало бы возможность при все возрастающей дороговизне жизни содержать на эти средства и семьи».

В военном ведомстве и правительственных кругах утверждали: холостой офицер по своим качествам для военной службы более пригоден, чем офицер семейный. «Военная служба требует постоянной подвижности, высокого мужества и храбрости, граничащей с самопожертвованием. Холостой офицер более храбр, нежели женатый. Сознание беспомощности семьи в случае смерти женатого офицера до известной степени влияет на его мужество».

Офицер может быть полезен для службы лишь при достаточной материальной обеспеченности. Если нет такой обеспеченности, семья впадает в нужду, и немало случаев, когда офицер вынужден прибегать к казнокрадству и различным злоупотреблениям. Супруга офицера — член полковой семьи. Потому ее благопристойность должна соответствовать облику мужа, его социальному положению.

Надо ли говорить, что такие мотивы введения ограничений для брака офицеров в обществе и офицерской среде считались сомнительными, а то и негосударственными.

Об уровне материальной обеспеченности

«Вступление в брак без реверса (годовой доход офицера. — Авт.), — говорилось в Положении о браке, — допускать только для офицеров, получающих не менее 1200 рублей содержания (без квартирных), а от остальных требовать такое обеспечение, чтобы доход с него вместе с получаемым содержанием 1200 руб. для младшего офицера составлял от 9 до 13,5 тыс. рублей».

Реверс в 1200 рублей (годовой оклад ротного командира) для молодого офицера являлся недости-

жимым рубежом. Такое денежное содержание офицер мог получать только к 40 годам, а то и позже. Без такого дохода офицер не мог жениться. По поводу недостижимого реверса один из офицеров язвительно заметил: «Нельзя же, в самом деле, любви скомандовать: стой до 1200 рублей».

Другой офицер в том же ироническом тоне сказал: «Запрещать брак надо лишь потому, что родители жениха и невесты не сумели приобрести или сберечь нужный реверс, а богатая тетушка, если такая есть, не хочет своевременно умереть».

Требование высокого реверса толкало офицеров на представленные фиктивных документов, взятых или у родственников и друзей, или, что еще хуже — у ростовщиков.

О предпочтительности для военной службы офицера холостого, нежели женатого

В проекте нового Положения о браке значилось: «Высокое мужество и храбрость, граничащие с самопожертвованием... достаются легче холостому, нежели семейному офицеру».

На это утверждение редакция журнала «Разведчик» отвечала так:

«Относительно предпочтения, отдаваемого холостому перед женатым в храбрости, мужестве и самозабвении — смело можно сказать, что это только фраза, потому что чувство самосохранения есть чувство природное и законное, и оно будет говорить и у холостого, и у женатого. Но без сомнения, у каждого из них громче всего будет говорить голос совести и свой долг — долг честного солдата».

Более того, не меньшим мужеством в бою обладает именно офицер семейный. Его обязывает быть мужественным не только присяга, но и любовь к семье — дорогому причалу и источнику вдохновения. Участник войны на Балканах (1877—1878 гг.) генерал Ц. вспоминал:

«Тогда я командовал полком. В

страшную стужу переходил Балканы. Мы шли голодные, измученные, поминутно вытаскивая орудия и по пояс увязая в глубоком снегу. Ветер задувал со страшной силой, метель слепила глаза; и многие из нас, не выдержавшие трудов перехода, валились с ног, садились отдыхать и тут же находили свою преждевременную могилу... Я долго крепился, но и в мою душу закралось отчаяние... закрался страх, зануло сердце, опустились руки. Медленно, но верно оставляли силы.

Не знаю, сладил бы я с собою, если бы не вывел меня из оцепенения голос адъютанта, который протягивал мне письмо. Закоченевшими, дрожащими пальцами рву конверт — так и есть, от своих, из России. Одна за другой мелькают строчки, а вот старательные закрючки — приписки детей... Слезы, отрадные святые слезы брызнули на это дорогое для меня письмо. Я ожил... В измученное сердце снова закралась надежда, и на этот раз росла, ширилась, крепла, горячим

Франция. В 1808 году офицер мог жениться, испросив разрешение военного министра. Нарушившие закон при выходе из армии лишались пенсии. Невеста должна была располагать приданым, приносящим 1200 франков в год. Ее облик должен быть безупречным, соответствовать чину офицера.

ключом снова забила жизнь и желание жить, явилась энергия, и с нею вернулись и силы.

Много лет прошло с тех пор, но пережитых минут мне не забыть. Буду умирать — велю положить с собою и это письмо, спасшее меня тогда от верной смерти на Балканах. Если бы не оно, лежал бы я теперь под снегом, не видел бы ни своей Родины, ни семьи, всего, что мы привыкли любить и уважать с детства».

Как видно, семья вдохновляет офицера в бою и помогает переносить трудности как в боевых сражениях, так и в повседневной военной службе. Офицеры с уверенностью

утверждали: «Можно быть и идеальным мужем, и служакой».

Тем не менее часть высокопоставленных армейских чинов утверждала: офицер, особенно молодой, вообще не должен жениться. Он обязан в течение 24 часов в сутки отдаваться военной службе. Журнал «Офицерская жизнь», не соглашаясь с такой идеей, опубликовал рассказ «Женофоб».

«Генерал пробирает одного из офицеров, из-за болезни жены опоздавшего на построение:

— Я всегда говорил, что офицер, женясь, делает страшную, неправимую ошибку! Офицер не смеет, не должен жениться! Какой служака может быть семейный офицер? В то время когда все свои помыслы он должен направить на службу, когда должен работать 24 часа в сутки — его отрывают...

Но тут красноречие генерала было прервано. Появился вестовой его и, выткнувшись, громко и отрапортовал:

— Ваше превосходительство! Так что позвольте доложить: сударыня ключ от большого сундука не могут найти, так приказали вам сейчас же прийти домой!»

О возрасте вступления в брак

Офицеру разрешалось создавать семью по достижении 23-летнего возраста. Вносились предложения установить срок даже до 25-30 лет. Сроки мотивировались негативными последствиями раннего брака. Официальная позиция звучала так: «Выросшие и воспитанные в четырех стенах корпуса и военного училища неопытные, всегда готовые увлечься и слишком доверчивые, они являются завидной и, к сожалению, легкой добычей для опытных маменек, ловящих женихов в тине провинциальной жизни. Скука, господствующая в местах стоянок полков, весь склад провинциальной жизни, иногда давление со стороны окружающих

способствуют тому, что молодой офицер с удивительной легкостью вступает в брак и видит себя женатым прежде, чем успеет опомниться. А после короткого периода бурного и немного бестолкового счастья начинаются медленное, но немолимое отрезвление, мелкие дразги, ссоры по пустякам и глубокое, гнетущее душу недовольство. В этом и коренится основание к запрещению ранних браков».

Подобной аргументированной «заботе» государства о семье противостояло общественное мнение. Офицеры утверждали: «Предполагая затруднить браки молодых офицеров в пору наибольшего расцвета физических и духовных сил, в пору непреодолимой стадии полового влече-

ния, комиссия, следовательно, заботится ... о сокращении рождаемости в известной группе населения. Что ж им можно иметь вместо семьи? Проституцию и болезни?»

И действительно, в 1901 году только из одного военного округа в Пятигорск на лечение от венерических болезней было направлено 800 офицеров.

Большинство офицеров ограничение брака по возрасту считали посягательством на их человеческое достоинство и свободу. Время соединения узами Гименея, говорили они, — дело личное. «Нельзя запретить человеку жить полной жизнью, присущей каждому физически созревшему существу. Закрыем русло реки, она затопит окрестности и примет уродливые формы». Действительно, молодому созревшему физически человеку трудно «удержать и подавить в себе брожение, производимое природой». Жизнь показала: лучше были браки как раз те, где офицеры женились молодыми.

Особенно драматично складывалась холостяцкая жизнь молодого

офицера, попавшего служить в «плохие полки», расположенные в медвежьих углах России. Его засасывала рутина службы и безысходное пьянство. По этой проблеме командующий войсками Восточно-Сибирского военного округа докладывал: «Попадая в эту обстановку и не видя ничего впереди себя за все лишения, которые им приходится испытывать, офицеры эти, даже лучшие из них, в большинстве слу-

Австрия. Закон о браках офицеров существовал с 1750 года. Он был порожден обеднением офицерского сословия, несоответствием уровня образованности и воспитанности офицерских жен общественному положению их мужей, неспособностью казны содержать вдов и сирот военнослужащих. В законе было и такое требование: офицер, достигший 60-летнего возраста, в случае вступления в брак должен представить подписку невесты, что она отказывается от пенсии и пособия от казны в случае смерти мужа, если муж умрет от старости, а не погибнет при исполнении служебных обязанностей.

чаев с равнодушием относятся к лежащим на них служебным обязанностям... При отсутствии разумной деятельности и неимении никаких развлечений они не знают, как убить время, и нередко делаются жертвами неблагоприятно сложившихся условий жизни».

В подобных местах возможно жить только женатому офицеру. «Офицеры в таких местах обыкновенно и обзаводятся семьей, хотя и нелегальной».

Все тверже и настойчивее в обществе и офицерской среде звучал голос за устранение возрастных ограничений в браке офицера. Утверждалась мысль: женатый офицер, ведя более правильную жизнь, сохраняет больше необходимого для службы здоровья, более аккуратен, дорожит службой как источником средств для содержания семьи, не может рисковать небрежным отношением к своим служебным обязанностям. «Единственная мера к благополучию брака, — подчеркивали офицеры, — увеличение денежного содержания, чтобы всякий, состоящий на военной службе,

честно исполнял ее, считал за собою право иметь возможность прокормить семью».

О благопристойности невесты

Положение гласило: «Благопристойным брак может быть признан лишь в том случае, если невеста хорошо воспитана, безукоризненной нравственности и происхождения, не могущих уронить достоинство и положение жениха».

Надо признать: положение о достойной супружеской паре у офицерской общественности находило оправдание и поддержку. Все понимали — полковая семья должна быть сплочена во всех отношениях, в том числе скреплена и достоинством супруги офицера. В полковой семье все одинаково мыслят, чувствуют и действуют.

Но дело состояло скорее не в происхождении, а в воспитанности невесты, ее нравственных качествах. Однако преграда в виде материального реверса толкала офицера на брак с богатой, но маловоспитанной невестой.

Выступая против такого явления, авторы публикаций подчеркивали: «Разные Химочки, Фатиньки, получившие свое воспитание в грубой, невежественной, даже безнравственной семье, — это ли подходящие жены офицерам, и прилично ли подобное родство для офицера, хотя она, его жена, и зачислена в купчихи?»

Русского офицера как жениха и приветствовали, и побаивались. Побоялись некоторые слои общества, о чем писалось в прессе. «В настоящее время купец боится завести знакомство с офицером из опасения, что он может забить его сына в военную службу и этим расстроит заведенное торговое дело».

Суждение общества о пристойности брака офицера было строгим, но зачастую логичным. Не давалось разрешения жениться на опереточной актрисе или цыганке из хора, на дочери человека неблаговидной профессии, например дочери ростовщика.

Если семья невесты своим образом жизни, поведением, воспита-

нием показывала, что находится в положении более низком, нежели подобает быть людям, допускаемым в офицерскую среду, разрешение на свадьбу ставилось под сомнение.

И вместе с тем бедность невесты, ее национальная принадлежность, скромность общественного положения не являлись препятствием к положительному решению вопроса о браке.

Принятие решения о браке офицера предоставлялось командиру полка с последующим заключением начальника дивизии. В законе указывалось: «Командир отдельной части окончательно решает вопрос о пристойности брака, и если он не встретит препятствий в его разрешении, то представляет свое заключение начальнику дивизии».

Предоставленное командиру право разрешать или запрещать брак офицера подвергалось сомнению и критике. Вопрос о пристойности брака — тонкий и щекотливый. Судьба двух жизней ставится в зависимость от воззрений и расположения одного человека — командира полка. Вставал вопрос: а всякий ли командир обладает достаточной проницательностью в столь важном и тонком деле? Наложив табу на женитьбу, он невольно наносит оскорбление родителям невесты.

В затруднительном положении оказывался командир и в ситуации, когда ему надо было сказать «да» или «нет» браку офицера с особой, которая разведена с мужем. Она не девушка, а женщина, выдавшая жизнь и имеющая известное общественное положение. Потому давать со стороны оценку степени благовоспитанности такой невесты не совсем этично. А вдаваться в мотивы развода — тем более. Ведь жефу и мужа может судить один Бог.

В обществе и в офицерской среде хорошо понимали, что как бы ни было велико общественное значе-

ние брака, все-таки это вопрос личного достоинства человека, в котором проявляется вся совокупность его индивидуальных качеств. Положения закона о браке офицера расходились с реалиями жизни. Наблюдалось массовое его игнорирование. Не считаться с таким яв-

Испания. Разрешение на брак дается только королевской властью. Ходагайство о разрешении брака исходит от командира отдельной части. В брак могут вступать офицеры не моложе 25 лет.

нием не могло ни правительство, ни военное ведомство. В 1909 году приказом военного министра №134 был определен несколько иной подход к браку офицера. Предоставление офицерами, не достигшими 28-летнего возраста, имущественного обеспечения при вступлении в брак отменили.

Вопрос о пристойности брака обер-офицеров передавали на обсуждение суда офицеров.

Окончательное разрешение вопроса о браке офицеров предоставляли командиру части.

Браки нижних чинов

Первое издание закона о праве нижних чинов вступать в брак, состоя на службе, относится к эпохе Петра Великого, когда создавалась регулярная российская армия. Правительство принимало на себя как содержание, так и попечение о се-

Италия. По закону 1897 года разрешение на брак давал король. Вступающий в брак офицер должен получать не менее 4 тысяч лир (1 тыс. руб) в год. В сумму дохода включается и приданое невесты, если это будет оговорено в брачном контракте. Во время брака доходами распоряжается офицер.

мье солдата, отводя ей казенное помещение, отпуская продовольствие (пайки), перевоза в случае надобности и пользуя казенным лечением.

Такое отношение к солдату и его семье вызывалось продолжитель-

ностью службы (25 лет). Однако «многосемейность» армии являлась обузой для войск и отражалась на их боеспособности.

Была в этом еще одна сторона — нравственная. Тому причина — проживание семей солдат в казарме. Потому имя «солдатка — жена»

являлось синонимом женщины с очень шаткими нравственными началами.

Возникла необходимость сдерживания роста

числа семейных солдат. Браки стали разрешаться в зависимости от наличия в казарме свободных помещений. На каждую роту разрешалось иметь не более 15 женатых солдат.

В 1866 г. вовсе отменяются браки для рядовых нижних чинов, кроме проходящих службу в Кавказском, Оренбургском, Сибирском военных округах.

Что касается унтер-офицерских чинов, то право на женитьбу предоставлялось тем, кто прослужил в этом звании не менее 5 лет. Унтер-офицер давал подписку: пособий от казны на содержание семьи и помещений для ее проживания просить не будет. Принятый в 1874 году закон о всеобщей воинской повинности и сокращение сроков службы до 3-4 лет позволили в 1881 году брак для унтер-офицеров отменить. Создавать семью могли только отслужившие обязательный срок и оставленные на сверхсрочную службу унтер-офицеры.

Таким образом, высокая нравственность, честь и мужество офицерского состава требовались не только в боевых условиях, но и в повседневной семейной жизни офицера, в создании единой полковой семьи. Супруга офицера являлась полноправным членом такой семьи, и ее нравственный облик должен был соответствовать высокому статусу мужа-офицера.

**Майор
Сергей ЧИНЕННЫЙ,
кандидат
исторических наук**

Стивен КИНГ

ТАЮЩИЙ БИЛЛИ

Повесть

Глава 17. 137

Халек остановился той ночью в Провиденс, позвонил в офис Пеншли и попросил выслать все имеющиеся фотографии цыган и номера их машин.

От Фаэрвью до Провиденс не больше ста пятидесяти миль, но он почувствовал, что измучен дорогой. В ванной мотеля не было весов, и он подумал, что это удача.

Халек быстро оделся, а завязывая ботинки, даже развеселился, поймав себя на том, что насвистывает. Потом отправился в магазин за покупками и вернулся к 6.30.

У администратора его ждала записка от Пеншли: "Расследованием занимаемся, но дело трудное, потребуется день или даже два".

"Слишком долго, — подумал Билли, — при том, что я теряю по два фунта в день! Кирк, черт подери, Кирк, через три дня я буду изящным мальчиком, а через пять могу просто загнуться".

После всех дел он устал, побаливала голова. На

Окончание. Нач. в №11

ресторан не осталось сил, и он решил поесть в номере.

Мотель, где остановился Билли, имел форму круга, а номер походил на дольку пирога.

Он принимал душ, когда постучал официант. Это был мальчик не старше пятнадцати, длинноволосый, нечесаный, со впалыми щеками, напоминающий английских панков-рокеров. Он глянул на Билли, и его глаза расширились от ужаса.

— Ну входите, — хрипло проговорил Халек, собравшись с силами. — Или вы решили стоять здесь до утра?

— О нет, сэр, простите!

Краска залила лицо официанта, и Билли пожалел его. Паренек не был панком, обычный школьник, подрабатывающий летом. Он просто-напросто удивился, увидев столь изможденного человека.

Билли сунул ему чаевые и ринулся обратно в ванную. Медленно распахивая халат, осмотрел себя. В зеркале было видно каждое ребро, торчали ключицы, обтянутые тонкой кожей, скулы прямо-таки выпирали. Грудина съжилась, живот стал впалым, кости таза безобразно бутрились. А ноги... Куда они делись — длинные, крепкие, мускулистые?.. В общем, он стал скелетом.

Сто фунтов, подумал он, и это еще в одежде. А что дальше? Через неделю или две?

Спал он плохо, поднялся рано. И когда одевался, уже не насвистывал.

Он решил, что Кирк Пеншли и сыпчики от Бартона правы: цыгане должны застрять где-то на побережье. Летом в Майне была работа — сезон. Пока ехали туристы, доллары текли рекой.

Билли переписал названия больше пятидесяти прибрежных городков. Разговорился с официанткой родом из Майна.

— Я разыскиваю цыганский табор. Он должен быть в одном из здешних прибрежных городков. Вот только в каком?..

Женщина наклонилась над его списком.

— В Олд Орчард-бич, — сказала она. — Там больше всего притонов, увеселительных заведений. Или Бар Харбор — настоящий город богачей, разъезжающих на "роллс-ройсах". Советую вам начать поиски с северо-восточной части Харбора, где улица карнавала. Вы слышали о ней?

— Слышал, — сказал Билли, улыбнувшись.

— Раньше я и сама ездила туда развлечься, но теперь слишком стара.

Билли заметно погрузтел: девушка выглядела

лет на двадцать пять. А что ж тогда говорить ему?!

— Вы не откажетесь выслушать маленький совет, мистер? Вам надо немного подкормиться, — улыбнулась она. — Ешьте побольше сдобного теста!

На третий день в Саут Портланде Халек получил кипу фотографий от Пеншли. Он медленно разглядывал каждый снимок. Здесь был юноша, который жонглировал булавами. Его тоже звали Лемке, Сэмюэль Лемке. На снимке он был само дружелюбие. Здесь была и та красотка, такая прелестная, что Халек не мог оставаться равнодушным. Ее звали Джина Лемке. Он положил ее фото рядом со снимком Сэмюэля. Брат и сестра. Внуки Сюзанны Лемке? — предположил он. И правнуки Тадеуза Лемке? Здесь была фотография мужчины постарше, по имени Ричард Кроскил, и еще несколько человек с этой же фамилией. Но больше всего было Лемке. И тогда...

Это был он. Глаза, опоясанные сеткой морщин, темные, в них светился ум. Голова повязана косынкой. Во рту сигарета, а вместо носа — ужасный проем.

Билли уставился на фото, как загибнотизированный, и задрожал.

А ночью шкала весов показала 137.

Глава 18. Поиски

По словам официантки, Олд Орчард-бич, куда направился Билли, был самым значным местом. Машины ползли сюда бампер к бамперу уже за милю от берега. Многие, бросив транспорт, шли пешком по обочинам, обрядившись только в бикини. Со всех градом лил пот.

На Билли были синие джинсы, белая с открытым воротом рубашка и спортивная куртка. Он задышался от жары, несмотря на запущенный на всю мощь кондиционер. Но он помнил взгляд юнца в гостинице, поэтому не собирался раздеваться.

Ползущий по-черепашьи транспорт пересек проселок и добрался до района, занятого летними дачками, налезаящими друг на друга. Полуголые хозяева сидели на лужайках перед домиками, ели, читали книги или просто глазели на бесконечную цепочку машин.

За дачками шел поворот к мотелю и туче магазинчиков. Крутом сновала детвора, некоторые высовывались из окон, приветливо махая руками. Билли Халеку все они казались до безобразия закормленными. Он увидел толстого человека в

распахнутой белой сорочке, в зеленых бермудах и сандалиях, ведущего на прогулку собак. На его подбородке повис завиток то ли лука, то ли кислой капусты. Толстяк глянул на Билли, как на привидение.

Наконец Халек припарковался на стоянке, переложил бумажник во внутренний карман и отправился на поиски.

Сперва он подумал, что его худоба вызовет излишнее внимание. Впрочем, в одежде он еще ничего. Вот увидели бы его голого, тогда да!

И это было правдой. Билли заметил толстуху в черном бикини. Сильно загорелая кожа женщины блестела, будто намазанная маслом. Она напоминаладвигающийся вперед океанский лайнер. Потом обратил внимание на двух гротескно жирных пуделей, коротко подстриженных из-за летней жары. Увидел две яхты под парусами, огромных морских чаек, хватающих прямо из рук детей добычу.

Вдали белым полумесяцем располагался Олд Орчард-бич. Он купался в солнечных бликах летнего полдня.

Билли неожиданно почувствовал себя вне реальности. Хейди, Пеншли, Линда, Хаустон — все они словно из ночного кошмара. Прошлое отбрасывалось, а впереди — свет и по-настоящему прекрасный мир. Запах моря заполнял все. Звук доносились будто из другого мира.

Впереди виднелся бар "Семь морей". На двери две надписи — "Упоительная прохлада" и "Терминал счастливого времяпрепровождения".

В баре было прохладно и тихо. По телевизору показывали сентиментальный французский фильм. Но смотреть его было некому. Несколько стариков, одетых так же, как и Билли, играли в шахматы или в трик-трак.

— Бокал пива, пожалуйста, — сказал Билли бармену.

Он пил медленно, наблюдая за гуляющими за окнами бара, прислушиваясь к бормотанию стариков.

Бармен вернулся:

— Принести еще?

— Пожалуйста, и мне бы хотелось поговорить с вами.

— О чем это?

— О цыганах в Олд Орчарде.

Бармен усмехнулся и поставил перед Билли еще бокал.

— Это, наверное, те, что стояли здесь табором?

Сердце Билли буквально заколотилось в груди:

— Я покажу вам некоторые фотографии.

— Рад бы помочь, но я-то их не видел.

С минуту он смотрел на десять долларов, а потом крикнул:

— Лон! Лонни! Подойди сюда!

Один из стариков поплелся к стойке бара. На нем были серые хлопковые штаны, белая, слишком большая для него сорочка и широкополая соломенная шляпа. Лицо изможденное, только глаза живые.

— Это Лон Эндерс, — сказал бармен. — Лон видит всех, кто приезжает в Олд Орчард.

— Вы любите пиво? — спросил Халек.

— На сегодня я — пас, — проскрипел Лон, а Билли невольно отшатнулся: от старика разило винным перегаром, словно из бочки. — Я уже выбрал сегодняшнюю норму.

Бармен начал ставить на поднос бокалы с пивом, а Эндерс глянул на десятидолларовую банкноту, потом на Билли.

— Они здесь были, — заявил Эндерс, когда Халек кончил объяснять, каких цыган он ищет. — Точно они!

Рука Билли чуть не раздавила бокал.

— Когда?.. А главное, знаете ли вы, куда они могли поехать дальше?

Эндерс поднял мертвенно-белую руку:

— Я возьму эти деньги потому, что, по-моему, они у вас не последние, старина. — Он затолкнул доллары в карман сорочки и продолжил: — Я бы мог поговорить с вами и бесплатно, черт подери. Однако представляете, как трудно отказаться от выпивки на халеву? Тем более что другой-то раз не дадут.

Билли достал из кармана куртки фотографии, разложил их, как карты, поясняя:

— Джина Лемке, Сэмюэль Лемке, Ричард Крогскил, Маура Старбед, Тадеуз Лемке...

— Ага! — Старик заерзал на стуле, когда Билли показал последний снимок. Он взял его и, глядя в упор на фото, сказал: — Этот Тедди — старый любитель проституток! Думаю, видел я его недавно, правда, в темноте разглядеть как следует не удалось, но, по-моему, это был он...

Эндерс перевернул снимок Тадеуза Лемке. На обратной стороне значилось: "Атлеборо, Масс, лтд. Май 1983".

— И он не состарился ни на день с тех пор, как я первый раз увидел его самого и его дружок здесь двадцать лет назад, — вздохнул Эндерс. — А недели три тому я ходил к табору. Обычный балаган. Правда, если раньше они ставили палатки, то теперь сидят в фургонах, автомобилях. А так... Женщины как гадали, так и гадают на счастье, предсказывают судьбу, продают пудру.

Он замолчал, отхлебнул холодной воды, вытер ладонью губы и продолжил:

— Итак, я стоял там в темноте недалеко от их лагеря и наблюдал за ними. Вдруг кто-то подошел. Светился только огонек сигареты, но я узнал его... — Эндерс снова взял снимок.

— Не ошибаетесь?

— Он затянулся, сигарета разгоралась, и я увидел... — Лон указал на то, что осталось от носа Тадеуза Лемке, но не дотронулся до фотографии, словно боясь заразиться.

— Вы говорили с ним?

— Нет, — сказал Эндерс, — это он говорил со мной. Я стоял в темноте и умолял Бога, чтобы этот дьявол не заметил меня. Однако он сказал: "Ты скучаешь по своей жене. Жаль, правда? Тигрица была что надо! Но скоро ты встретишься с ней". Потом он бросил сигарету и пошел к костру. Я увидел, как, озаренная пламенем, сверкнула в его ухе серьга, и все исчезло.

— Где они сейчас?

— Не знаю, цыгане не оставляют своих адресов. Но я не спал рано утром, когда они поднялись. Большинство их фургонов и машин двинулись в сторону от хайвей 27 и повернули на север в Роуте, куда-то в Рокланд или в Бутбей Харбор.

Когда Билли вышел из бара, солнце ударило в лицо. Стоял полдень. Оглянувшись, Халек увидел свою тень, похожую на фигурку ребенка. Добравшись до мотеля, он сразу снял телефонную трубку и набрал номер.

— Алло? — Голосок в трубке выжидающий и взволнованный, явно не Хейди, а Линды. Билли закрыл глаза, борясь с подступившими слезами. Он вспомнил, как приходил поцеловать дочь на ночь. Вспомнил старые шорты и длинные худенькие ноги девочки. — Алло, кто у телефона? Это ты, Бобби?

Все еще не открывая глаз, он сказал:

— Это папа, Линда.

— Папочка?! Папочка, пожалуйста, приезжай! Я очень скучаю по тебе...

Пальцы Билли, сжимающие телефонную трубку, побелели. Дочка плакала, и сквозь ее всхлипы он смог расслышать голос Хейди: "Лин, это отец? Да?"

— Я люблю тебя, куколка, и твою маму тоже, — с трудом проговорил Билли.

— Папочка!..

Внезапно всхлипывание прервалось: это Хейди оказалась у телефона.

— Билли, пожалуйста, прекрати это и возвращайся домой!

Халек не ответил, положил трубку на рычаг и закрыл лицо руками...

На следующее утро он обследовал юг Портланда и собрался на север посмотреть длинную прибрежную полосу. Билли останавливался около каждой заправки. Показывал фотографии, платил деньги и пытался раздобыть хоть какие-то сведения. Три фотографии он предьявлял особенно часто: снимок девушки с чистой оливковой кожей и темными многообещающими глазами, микроавтобуса с нарисованной на борту девичьей и Тадеуза Лемке.

Так же, как и Лон Эндерс, люди не хотели брать в руки и даже дотрагиваться до фото старика. Большинство из них помнили старика цыгана с проваленным носом. Хозяин одной бензоколонки сказал, что цыгане были грязные как свиньи, хотя от самого несло, как из помойки. Работающие неподалеку указали место цыганского лагеря — немного севернее, в районе Брунсвика, и что 4 июля они стояли в Бутбей Харбор.

* * *

Билли пришлось помотаться, пока он нашел свободное место в одном из мотелей. Цыгане укатили из Бутбей Харбор еще восьмого утром. Значит, прошло почти две недели.

Два дня пропали. Иногда Халеку казалось, что цыгане вообще исчезли с лица земли. Они не встречались ему даже в таких туристских городах, как Рокланд, Аулз Хед. А на заправках и в барах, глядя на фотографии, все только отрицательно качали головой.

Вечером 23 июля он позвонил Кирку Пеншли, надеясь узнать что-нибудь новенькое, но вместо этого Кирк спросил:

— Как ты сам-то, Билли? Где ты? Хейди настрочила на тебя телегу. Пишет, что ты не в себе. И Хаустон подписал эту чушь. Я прошу, отпусти меня и сам смывайся...

Когда Билли остановился в гостинице в Бангор Рамада и по привычке показал фотографии клерку, тот в ответ кивнул:

— Да, я водил к ним свою невесту, чтобы ей погадали. — Он взял фотографию Джинны Лемке. — Вот эта и гадает.

— Где? Где они? — оживился Билли.

— Нет их здесь больше. Парсоне — последнее место, где они останавливались тут.

На следующее утро Халек был в Парсоне, в полуразрушенном здании на пустыре. Он медленно прошел по рассыпавшемуся щебню бывшей дороги. Крутом валялись банки из-под пива и крем-

сода, картонные коробки, фантики, обрывки цветных шариков...

Билли разыскал агента по недвижимости Франка Квигли. Тот подтвердил, что сдавал в аренду цыганам это место.

Отклонившись назад в качалке, он вытаращил глаза, созерцая с великим удивлением посетителя, одежда на котором висела, как флаг в безветренный день.

— А когда цыгане уехали?

— Эта информация обойдется вам в двести баксов.

— Что?! — Возмущение Халека было так велико, что он чуть не потерял дар речи.

— Это моя обычная такса, — пояснил Квигли.

— Меньше чем за две сотни я никому ничего не сообщаю.

— Что значит... никому?

— Например, вашей жене, вашему доктору и даже представителю детективного агентства "Бартон".

Оказывается, до сих пор Билли все представлялось в розовом свете. Тогда как Хейди, Майк Хаустон были у Кирка Пеншли и, видимо, убедили того, что Халек сумасшедший. И теперь Кирк продолжал разыскивать цыган, но... только для того, чтобы отыскать самого Билли и отправить его в клинику!

Халек ясно представил себе одного из сыщиков, сидевшего несколько дней назад напротив Квигли и говорившего ему, что очень тощий человек, суший скелет, по имени Вильям Халек, собирается скоро устроить шоу и, когда он объявится, вот номер телефона, чтобы позвонить куда следует.

И другая картинка, ярче прежней, встала перед глазами Билли: он наклоняется через стол к Франку Квигли, хватая со стола бронзовую статуэтку и со всей силы колотит ею по голове хозяйина.

Квигли, должно быть, по зверскому выражению лица Билли догадался о его намерениях. Он поспешно вскочил со стула, убрал руки с затылка:

— Ладно. Я, видимо, заломил слишком дорого.

— Нет, все правильно, — возразил Билли, отсчитывая две сотни и бросил деньги на стол к статуэтке. А рядом положил еще сотенную:

— Держите рот на замке, когда позвонит Пеншли.

— Понятно, сэр! Будьте спокойны!

— А теперь расскажите мне о том таборе.

— Цыгане приехали в Бангор десятого июня. Сэмюэль Лемке, юноша жонглер, и Ричард Кро-

скил пришли в мой офис. Они подписали стандартную бумагу на краткосрочную аренду. На тринадцатый день мне позвонил шеф полиции и сообщил, что некоторые из местных начали жаловаться. Договор мы тут же разорвали, и днем цыганский караван тронулся в путь. Они направились к мосту Чемберлена. И это все, что я знаю.

За тринадцать дней цыгане откочевали на срок четыре мили к Элсворту. Там им было разрешено сделать привал на трое суток. Потом они двинулись дальше по побережью.

Двадцать пятого он узнал, что табор выехал из Бакспорта в полдень, девятнадцатого. И стало быть, от цыган его отделяла только неделя. И конечно, они должны были появиться в Бар Харборе, где каждый магазинчик сувениров напоминает экзотический восточный базар. Цыганский табор тут как раз к месту. И они были здесь, он это чувствовал.

Билли подошел к продавцу мороженого. Тот, надо сказать, не обрадовался его появлению.

— Хорошо, если бы вы помогли мне, — сказал Халек и вытаскил пакет с фотографиями.

Продавец посмотрел на них, и Билли увидел, что ни удивления, ни удовольствия в его глазах не отразилось, только легкий испуг.

— Этот старик — Тадеуз Лемке...

— Табор где-то недалеко?

— Да, я думаю. Полицейские выгнали цыган из города два дня назад, но они арендовали поляну у фермера в Текнор. А это совсем рядом.

— Спасибо вам! — Халек начал собирать фотографии.

— Хотите мороженого?

— Нет, благодарю.

— А я на вашем месте не отказывался бы. Вид у вас не больно-то располагает к путешествиям.

— Ничего, — сказал Билли и направился к машине.

Вечером в четверть десятого он припарковался северо-западнее Бар Харбора. Забрался на холм, осмотрелся. Из города доносились звуки рок-н-ролла. Позади, справа, полыхал большой костер, окруженный машинами, повозками, фургонами. Перед огнем прогуливались люди. Он мог слышать смех, обрывки случайных фраз... Билли оглянулся на машину, качнул головой и стал спускаться с холма к костру.

Глава 19. В цыганском таборе

Билли стоял, слушал потрескивание костра, негромкие речи цыган, внезапные взрывы смеха. Стоял и не мог шагнуть вперед. Чувство страха переплеталось со стыдом. Ведь в их глазах он не кто иной, как преступник. Но и уйти Халек не мог. Ему являлось личико Линды. Он слышал, как дочка, плача, умоляла его вернуться домой.

Да, он преступник! Но только ли он один?! Злость снова закипела в нем. Билли с трудом заставил себя успокоиться и пошел между припаркованными машинами, повозками, вагончиками по сухой траве среди тихого бормотания цыган.

Табор расположился тремя кругами: сначала машины, дальше — мужчины, а у самого костра — дети и женщины. Огонь был глубоко обкопан и обложен камнями.

Женщины и ребятя сидели на примятой траве или на матрасах. Старики устроились на складных походных стульчиках.

Билли увидел старуху на подушках, укутанную одеялами. Она курила сигарету и рассматривала альбом с марками.

Три собаки, сторожившие табор, залились оглушительным лаем. Один из юнцов глянул в сторону беснующихся псов и выхватил из кобуры револьвер.

— Энкельш! — выкрикнул старик и положил руку на плечо юноши. — В чем дело?

— Тадеуз приказал мне быть начеку!

И молодой человек шагнул навстречу Халеку, который стоял, окруженный собаками. Ни страха, ни удивления не отпечаталось на его лице — только сострадание. Мальчик отшвырнул самую назойливую псину, и две другие тут же оставили Билли в покое.

Халек огляделся. Цыгане сверлили его черными глазами, не говоря ни слова. Когда он подошел совсем близко, молодая женщина быстро и зло выпалила:

— Отец, посмотри! Это человек, который убил нашу мать!

Тадеуз Лемке в длинной ночной сорочке шагнул вперед в пятно света, рожденного костром. Рядом с ним встала Джина.

— Это убийца моей матери! — снова крикнула она и протянула руку, как бы призывая к мщению.

— Успокойся, Джина, — сказал старик. Его голос звучал невозмутимо. Чтобы заставить ее замолчать, он рванул девушку за волосы к себе. На Билли он не смотрел, будто того и не было.

От рывка деда Джина чуть не упала, но удержалась на ногах и снова бросилась к Билли. Лицо девушки исказила ненависть.

— Вы не понимаете нашего языка, мистер? — завопила она. — Я сказала своему деду, что вы убили мою мать, что вы демон и мы должны вас убить!

Старик попытался зажать ей рот, но она легко увернулась и кинулась к Билли. Юбка хлестала по босым ногам, а волосы развевались на ветру.

— Джина, задай-ка ему перцу! — крикнул кто-то, подзадоривая, но никто его не поддержал.

Лицо старика оставалось бесстрастным. Он невозмутимо смотрел, как Джина подлетела к Билли и плюнула ему в лицо.

— Если это ее образумит, то она может плевать до тех пор, пока я не утону в харкотине, — сказал Халек и сам удивился своему голосу — спокойному и звучному. — Но я не черт, не демон, а то, что вы видите... — С этими словами он поднял руки. В этот момент костер как раз поглынул, делая Халека похожим на огромный белый скелет.

Какое-то мгновение девушка смотрела удивленно и испуганно.

— Ты убийца, — наконец повторила она уже без истерики и отошла к остальным.

Старик проследил за ней и только после этого повернулся к Халеку.

— Ты знаешь, что означает "ром"? — спросил он, когда Билли встал перед ним. Голос старика звучал почти дружелюбно. Весь табор молчал, раздавалось только потрескивание сучьев.

Билли отрицательно качнул головой.

— По-нашему, это презренный белый человек, горожанин. Так вот... — Он улыбнулся, показав корни гнилых прокуренных зубов. — Уходи, ром, с нашей дороги. У тебя нет и не может быть до нас никакого дела, и нам на тебя глубоко наплевать. Так что проваливай восвояси!

И старик собрался уходить.

Какое-то мгновение Билли стоял с открытым ртом, смутно осознавая, что этот Лемке его загипнотизировал. И вдруг почувствовал, что все его существо возмущено, вопит, ходит ходуном, задает вопросы. Вспомнились страшные сны, последние безотрадные дни и ночи... И что же?! После всего этого ты собираешься стоять как истукан, не сказав презренному цыгану ни слова?! Разрешаешь так вот просто отделаться от тебя и уйти спать?!

— Нет, этому не бывать! — как можно громче выкрикнул Билли.

Кто-то рядом удивленно ахнул. Старик тут же обернулся, и при свете костра Билли увидел, что

и он удивлен. А стоящий недалеко от него юнец снова схватился за пистолет.

— Джина необыкновенно хороша, — неожиданно сказал, без всякой связи с предыдущим, Билли.

— Заткнись, ты, чужак! — рывкнул Сэмюэль Лемке. — Имя моей сестры не должно слетать с твоих губ.

Билли и ухом не повел, а только глянул на старика:

— Она твоя внучка? А ведь и вправду прелестна, да?

Старик уставился на него, будто решая, как поступить, и наконец повернулся, чтобы уйти.

— Может, ты подождешь минутку, пока я напишу адрес моей дочери? — выкрикнул Билли. — Пусть она не так прекрасна, как твоя Джина, но тоже очень хорошенькая. А вдруг они подружатся, станут переписываться, рассуждать о несправедливости нашего мира. Что ты думаешь, Лемке? Благодаря тебе я скоро умру, как из-за меня умерла твоя дочь. Но кто, скажи, в состоянии решить вопрос, где справедливость, а где несправедливость? Дети? Внуки?.. Постой-ка, я все же напишу адрес! Это займет секунду, не больше. Черкну его на обратной стороне твоего фото. Ну, а уж если твоя Джина и моя Линда не разберутся в этом, то, возможно, их дети придут к какому-то общему знаменателю. Что ты думаешь об этом, старина?

Жонглер обнял деда за плечи, но Лемке оттолкнул его и медленно направился к Билли. Глаза старика теперь наполнились слезами и злобью. Он сжимал и разжимал кулаки. Все остальные молча и с ужасом смотрели на него.

— Ты раздавил мою дочь, и у тебя хватило наглости прийти сюда и еще о чем-то рассуждать?! Да, я узнал виновных. Почти всегда мы остаемся в дураках, но бывает и на нашей улице праздник. Иногда мы все же добиваемся справедливости. — Старик поднял скрюченную руку перед глазами Билли. Мгновенно она сжалась в кулак, а из него начала капать кровь. — О двух твоих дружках я уже позабылся: знай, один из них уже выбросился из окна.

— Разве это воскресит твою дочь, мистер Лемке?! Или она все-таки ожила, после того как Кари Розингтон оказался в земле там, в Миннесоте?

— А я и не зову ее назад, ром. Справедливость не оживляет умерших, это так. Ты и твоя жена считаете меня колдуном. Что ж, я умею предсказывать. Уже сотню лет я обладаю даром предвидения.

Вокруг костра послышалось бормотание. За-

глушая его, Билли подошел к старику и ухватил его за плечо:

— Меня не интересует, с каких пор ты пророчишь несчастья. И гори она синим пламенем, твоя справедливость! Ты знаешь о ней столько же, сколько слон о музыке.

Глаза Лемке уставились на Билли, какие-то странные, поражающие умом и прозорливостью.

— Не хватай меня больше, или я сделаю тебе еще хуже, — сказал он спокойно. — Ты и так получил полной мерой.

Внезапная усмешка исказила лицо Халека:

— Ты и сам знаешь, что большего зла мне причинить не сможешь! Ты проклял меня, но я ли был главным виновником случившегося, старик?! Моя жена отвлекла меня, когда я вел машину, и твоя дочь черт знает зачем сломя голову полезла между двух автомобилей. Если бы она не нарушала дорожных правил, то сейчас была бы жива. Вина с обеих сторон! Но она умерла, и теперь ей уже ничем не поможешь. Так прекрати преследовать живых!

— Я никогда этого не сделаю, ром, — усмехнулся Тадеуз Лемке. — Я скорее умру и унесу с собой проклятие.

Билли прижался лицом к старику, ощутив запахи конского навоза, табака и застарелой мочи.

— Тогда сделай мне еще хуже! Начинай, раз говоришь, что наложил только одно проклятие. Множь их, не стесняйся!

Какое-то мгновение Лемке задержал на нем взгляд, и Билли показалось, что именно так старик смотрел на него тогда, в тот роковой день. Потом внезапно Тадеуз повернулся и что-то сказал Сэмюэлю.

Юнец с пистолетом схватил и отшвырнул Билли от старика.

— Ты умрешь, худоба! — завопил старый цыган. — Вышвырните его подальше отсюда!

Двое цыганят потащили Билли к дороге, а Тадеуз Лемке наблюдал за ними, уперев руки в бока, и лицо его все больше напоминало каменную маску.

— До того, как они выбросят меня отсюда, ты должен знать, что и мое проклятие упадет на твою семью! — прокричал Билли, преодолевая боль, стараясь, чтобы голос звучал твердо, почти бодро. — Думаешь, такие люди, как я, не имеют сил для проклятия? Ошибаешься! — Он поднял тощие руки, скрестив пальцы. В этот момент он напоминал демона из какого-то дешевого шоу. — У нас тоже есть сила, мы тоже можем проклясть! Не заставляй же меня это делать, старик!

Позади Лемке сверкнуло белое платье.

— Джина! — крикнул жонглер. — Куда ты?

Билли увидел, как девушка шагнула к костру, подняла рогатку, вставила раскаленный дротик и выпустила его. Прочертив в воздухе белесую полосу, раскаленное жало угодило Халеку в левую руку. Несколько мгновений он не ощущал боли, а только видел, как кровь, при свете костра черная, словно деготь, побежала из ладони.

— Я отомстила! — радостно закричала она. — Вон отсюда, чужак! Проваливай, убийца!

Она бросила рогатку в костер. Никто не шелухнулся. Старик и сам Билли застыли как вкопанные.

Неожиданно, не зная еще своих намерений, Халек повернул кровоточащую ладонь в сторону Лемке. Безносый цыган отступил назад и вперился в Билли свой дьявольский взгляд. Халек сжал руку в кулак, как это делал Лемке, кровь заструилась обильней, и он брызнул ею в старика:

— Мое проклятие пало на тебя, Лемке!

Цыган пронзительно вскрикнул, почувствовав кровь на своей руке. А Билли кто-то толкнул, да так, что он не устоял на ногах.

“Они собираются бросить меня в огонь. Боже милосердный, хотят изжарить живьем...” — промелькнуло в его сознании.

Но цыгане схватили его за руки и за ноги и отнесли туда, откуда он пришел. Они раскачали и бросили его, как мешок, неподалеку от припаркованных машин.

Билли попытался подняться, в глазах потемнело, он застонал. Сэмюэль Лемке подошел к нему. Красивое лицо юноши было спокойным и бледным. Он засунул руку в карман джинсов, и тут же щелкнуло лезвие ножа.

Билли поднял все еще кровоточащую руку ладонью кверху, и юноша заколебался, его лицо перестало быть равнодушным. На нем отпечатались страх. С минуту поколебавшись, он спрятал нож и исчез в темноте.

Билли лежал еще некоторое время, пытаясь разобраться в случившемся. Раненая ладонь начинала давать о себе знать. Он поднялся и побрел к машине. По дороге дважды падал, всякий раз думая, что больше не поднимется. Наконец добрался до своего “форда” и включил зажигание. На прощание взглянул на цыганский костер и кольцо машин табора. Слова какой-то старинной песенки сами собой вспомнились ему:

*Я влюбился в танцующую цыганку,
Летающую вокруг костра,
как ветер спозаранку...*

“Она действительно очаровала меня”, — подумал Билли, включая скорость.

Глава 20. 118

— Вильям, ты? Что случилось? — Голос Джинелли, сонный и раздраженный, мгновенно изменился и стал заинтересованным.

— Извини, что звоню так поздно, — начал было Халек, но Ричард его прервал:

— О чем ты, старина?! Что случилось?

— Видишь ли, мне прострелили руку... металлическим дротиком. Я понимаю, это звучит странно... Женщина пользовалась рогаткой.

— Это не шутка, Вильям? Какая же сука прострелила тебе руку, да еще из рогатки?

— Обычно я не звоню людям в... — Халек посмотрел на часы, большую руку снова начало дергать, — в три часа ночи и тем более ради шутки. Но боль... ни с чем не хочет считаться, становится нестерпимой.

— Дело связано с тем, о чем ты мне раньше говорил? Это цыгане?

— Да, Ричард.

— Ну хорошо. Обещаю, что они больше не выкинут ни одной штуки в твой адрес.

— Ричард, я не могу идти к врачу с этим, а дело принимает серьезный оборот. Может, ты приплешь мне что-нибудь болеутоляющее?

— Ты где сейчас?

Билли подумал с полсекунды. Все, кому он доверял, ныне считали его сумасшедшим. И теперь он обращался за помощью к человеку, которого не видел почти шесть лет. И все-таки, прикрыв глаза, Халек проговорил:

— Я в Бар Харборе, французский Бей-мотель.

— Подожди минутку. — Голос Джинелли зазвучал в отдалении. Он говорил с кем-то по-итальянски. Наконец Ричард вновь заговорил в трубку:

— Моя жена сейчас сделает пару звонков. Мы поднимем парней из Норволка сию же минуту. Надеюсь, ты останешься доволен.

— Ты джентльмен, Ричард, — проговорил Билли едва слышно. Боль стала ужасающей, его зазнобило. Губы высохли, он хотел их облизать, но язык тоже стал сухим и горячим.

— Будь спокоен, — сказал Джинелли. — Слышишь? Не волнуйся, завернись в одеяло, если знобит. Мой человек приедет к тебе с болеутоляющим. Его зовут Фандер. Он не врач, но в медицине понимает.

Фандер появился еще до шести утра. Это был

маленький рано поседевший человек с медицинским саквояжем. Он внимательно осмотрел рану. Билли пришлось закусить губу, чтобы не закричать от боли.

— Поднимите руку, пожалуйста, — попросил Фандер, а когда Билли выполнил указание, заметил:

— Слава Богу, все чисто и аккуратно, хотя могло быть гораздо хуже. Девушка, вероятно, чем-то смочила дротик, прежде чем стрелять... Вы говорите, он был стальной?

— Да.

— Тогда вам сильно повезло. Я собираюсь промыть рану и наложить повязку. — Фандер глянул внимательно на Билли: — Рука может прибавить вам неприятностей, если не начнете питаться в достаточной мере.

Билли промолчал. А Фандер принялся обрабатывать рану.

Наконец все было кончено. Халек сидел с подрагивающей забинтованной рукой и следил, как Фандер складывает саквояж.

— Все другие обстоятельства в сторону. Как только залечите руку, старайтесь довести свой вес до нормы. Не могу посоветовать вам сильных лекарств: они способны вызвать кому или сердечную аритмию. Сколько вы весите, мистер Халек? Фунтов сто двадцать пять?

— Около этого, — пробормотал Билли.

В ванной были весы. И перед тем как идти в цыганский лагерь, он взвесился, оказалось сто восемнадцать.

Фандер постоял несколько мгновений, прислушиваясь к шуму океана, чистому и спокойному.

— Вы должны прекратить голодание, мистер Халек, — сказал он на прощание. — Жизнь, конечно, в основном куча дерьма, но иногда может быть и великолепной.

Глава 21. Джинелли

Билли заказал большой ланч. Хотя аппетита не было, съел все без остатка. После пилюль, которые оставил Фандер, боль в руке кочевала с одного места на другое. Началась лихорадка — то ли бред, то ли сон. Перед ним танцевала Джина, обнаженная, в ее ушах качались золотые кольца. Потом он полз по длинной черной трубе на кружок дневного света, который все никак не приближался. Что-то шуршало сзади. И он с ужасом подумал, что это крыса. Огромная крыса! Наконец он выбрался из трубы, вернувшись назад в охваченный мором Фаэрвью. Трупы валялись ве-

зде. Ярд Стивенс лежал растянувшись посреди площади, и его же парикмахерские ножницы торчали из горла. Малышка Линда в беспомощности прислонилась к фонарному столбу. Стервятник сидел на ее плече. Его когти впивались в тело дочки, а своим страшным клювом он долбил ее в голову. Девочка была еще жива. Билли слышал ее стоны, видел бессильно повисшие руки.

— Нет! — завопил Халек, удивленно осматриваясь и пытаясь определить, что это — продолжение сна или эпизод из его бреда?

— Вильям! — Кто-то звал его из-за двери. — Ты здесь? Открой, или я ее к черту выломаю! Ты слышишь, Вильям?

Ответить он не мог. Его губы ссохлись, будто склеились. Тем не менее он почувствовал некоторое облегчение. Это был Джинелли.

Билли с трудом поднялся, пошатываясь пошел через комнату и отворил дверь.

— Христа ради, Вильям... Я думал, ты...

Джинелли оторопел, уставившись на него. Карие глаза итальянца расширились и стали круглыми. А Билли подумал: "Он готов убежать".

Однако Джинелли поцеловал большой палец на правой руке, перекрестился и сказал:

— Можно войти, Вильям?

Он привез лекарство, несравненно лучшее, чем было у Фандера. Ричард вытащил из кейса бутылку виски и налил по полному бокалу, потом чокнулся с Билли:

— За дни счастливее, чем эти!

Они выпили.

— Теперь рассказывай, как твои дела? — улыбнулся Джинелли.

— Почти нормально, — ответил Билли. — Я хватанул слишком большой глоток. Желудок обожгло, словно огнем.

— Что я сделал с тобой! Прости и меня, и виски.

Билли улыбнулся. В первый раз за долгое время ему стало хорошо и весело.

— Люблю тебя, Ричард, — проговорил Халек. — Все, включая жену, считаю меня сумасшедшим. Последний раз, когда мы виделись, я весил фунтов на сорок выше нормы, а теперь — кожа да кости.

— Сколько веса ты уже потерял?

— Отними от двухсот пятидесяти сто шестнадцать.

Джинелли прошептал молитву и перекрестился.

— Так ты говоришь, старый безносый цыган дотронулся до тебя?

На какую-то долю секунды Билли подумал, что

ТАЮЩИЙ БИЛЛИ

Джинелли единственный человек, готовый с пониманием выслушать его даже среди ночи. Он поверил всему сказанному, послал на помощь человека, а потом и сам приехал. И действовал не из вежливости, он тоже содрогнулся, увидев, что осталось от прежнего Билли Халека, но не убежал, не бросил.

— Цыган не просто коснулся меня, Ричард. Он проклял меня.

Билли ожидал, что теперь огонек во взгляде Джинелли погаснет. Тот глянет на часы или носки ботинок, подхватит кейс — и поминай, как звали. Однако Джинелли только покачал головой, достал сигарету и закурил.

— А теперь давай, Вильям, все начистоту.

И Билли Халек рассказал все без утайки. Когда закончил, в пепельнице лежала гора окурков. Джинелли уставился на Билли, как загнипнотизированный. Последовало длительное молчание.

— Могу избавить тебя от присутствия Тадеуза Лемке на этом свете, — наконец сказал Ричард.

— Нет, это не подходит. Я не хочу, чтобы ты или кто-либо убивал его.

— Почему нет? Здесь только самозащита. Потому что он убивает тебя, Билли. Еще недели две, и люди смогут читать сквозь тебя газету. А дальше — ты будешь бояться при ветре выходить на улицу, чтобы тебя не унесло, как семечко одуванчика. — Джинелли размял в пальцах сигарету и встал: — Задумываясь обо всем этом, очень беспокоюсь за тебя, дружок. Просто хочется проткнуть дыру этому старому блядуну там, где у него должен быть нос.

Билли поднялся и чуть было не упал. Джинелли подхватил его.

— Спасибо, Ричард, что не забыл и не бросил, — еле слышно прошептал Билли. — И за то, что поверил мне.

— Ты хороший парень, верный друг, — в тон ему заметил Джинелли. — Сейчас ты в беде, но, может, удастся тебя вытащить. Пойду покумею обо всем на досуге. И позвонить надо кое-кому.

— Для чего?

— Потом объясню. А ты ложись-ка. Побледнел совсем, в лице ни кровинки.

— Ладно. — Халек вдруг почувствовал, что страшно устал.

— А та девица, которая стреляла в тебя, хорошенькая?

— Очень даже.

Глаза Джинелли загорелись:

— Это плохо, Билли. Ладно, спи, я возьму твой ключ.

Итальянец ушел, а Халек улегся, осторожно положив раненую руку. Когда он проснулся, в кресле сидел Джинелли, положив ноги на большую сумку. Он читал книгу и потягивал пиво из банки. На улице было темно. На телевизоре стояло еще четыре жестянки. Билли облизал пересошенные губы.

Джинелли поднял глаза:

— А, наконец-то воскрес!

Он протянул банку Билли. Пиво было вкусное и холодное.

— Как рука? — спросил Джинелли.

— Лучше.

Рука болела. Но то, что Ричард был рядом, помогло больше таблеток.

— Что у тебя в сумке? — спросил Билли.

— Разные угощения, — ответил Джинелли.

— Для кого?

— Посмотрим. Во всяком случае пригодится, когда пойду навестить твоих друзей-цыган.

— Не глупи, если не хочешь выглядеть, как я, или превратиться в подставку для зонтов.

— Не пугай, не пугай! — отмахнулся Ричард. Голос у него был веселый и спокойный, но чертики в глазах прыгали.

— Ну, так что же в сумке?

— Куски мяса, — сказал Джинелли и вынул один. Это был порционный кусок говядины.

— Для чего?

— Разреши мне пока промолчать. Я уйду отсюда в даунтаун. Что за дьявольское шоу там!

— Да, я знаю.

— Ладно, — вздохнул Джинелли, — есть и еще о чем подумать на досуге. Твоя жена и ее друг-доктор строчат на тебя бумаги. Я уже кое-что успел прочитать. — И он достал из бокового кармана газету. — "Мания преследования". Каково звучит?

На мгновение Халек остолбенел, а потом его охватила злость:

— Какая сука, — процедил он сквозь зубы. Потом все зашаталось перед ним, затянулось красным туманом. Билли сжал кулаки, застонал и посмотрел на повязку, сквозь которую проступили пятна крови. — Нет, ты только подумай! И это моя собственная жена...

— Успокойся, Вильям. Если мы выстоим против старого цыгана, пойдешь на поправку и забудешь обо всем, как о дурном сне. У тебя тогда будет много времени, чтобы решить, как поступить дальше. Может, твоей женушке нужна хорошая трепка, а?

— Там видно будет. А что ты собираешься делать теперь?

— Предлагаю припугнуть цыган, Вильям. И главным образом старика. Так, чтобы навалил в штаны. И пугать его до тех пор, пока не завопит: "Караул!" Вот тогда он как пить дать снимет проклятие, которое наложил на тебя. А если старого дьявола не удастся пронять, то позволь мне поступать на свой страх и риск, как считаю нужным.

— Как же ты думаешь напугать его?

Джинелли пнул носком ботинка свою сумку:

— Цыгане проворачивают небольшое, но прибыльное дельце. Ты бывал на собачьих боях?

— Никогда.

— Питбули — это помесь терьера с бульдогом. Стоят большие бабки. Если хочешь посмотреть на бой между ними, то сначала заплати за мертвую собаку. Безобразный, жестокий бизнес. Впрочем, как и все в этом городе, Вильям.

— Будь осторожен.

— Уж постараюсь, а ты отдыхай!

Халек тут же уснул. Проснулся в четыре с предчувствием, что с Джинелли случилось несчастье. Однако без четверти шесть тот появился полный жизни и бурлящей энергии. Все на нем было перепачкано грязью и благоухало морской солью. Он усмехался, и сумасшедшие искорки танцевали в глазах.

— Вильям, — сказал он, — мы хотим упаковать твои вещи и перевезти тебя в Бар Харбор.

— Зачем? Что ты сделал?

— Не переживай, прими это полегче! Я сделал только то, что и собирался сделать.

— Да, но...

— Теперь нет времени. Правда, я могу разговаривать и упаковывать одновременно.

— Куда поедет?

— Отсюда недалеко. По пути объясню.

Билли отправился сдать ключ, когда Джинелли осторожно коснулся его плеча:

— Я положу это на тумбочку в твоей комнате, разберешься сам с кредитной карточкой, ладно?

— Да, но...

— Потом постараемся прекратить всякие связи с внешним миром. Лучше не привлекать к себе внимания. Правильно?

Автомобиль подъехал, шофер глянул на Билли и опустил глаза. Джинелли заметил, что лицо у него вытянулось.

— Давай скорей, Билли. Люди смотрят на тебя. Твоя внешность может быть неправильно истолкована...

Через час Халек сидел перед телевизором в

уютном номере мотеля в пятнадцати милях от Бар Харбора.

— Ну ладно, Вильям, — проговорил Джинелли, — поскучаешь тут один, а я уеду на весь день.

— К цыганам?

— Да ты что?! К развороченному-то улью?! Нет уж, мой друг, у меня много других дел.

Джинелли возвратился лишь в девять утра — подкатил в темно-синем "шеви-нова".

— Я уж думал, цыгане тебя укукошили, — вздохнул Халек.

— Никогда не беспокойся обо мне, Вильям. Слава Богу, я могу постоять за себя. Уже вполне взрослый мальчик. Думаешь, я недооцениваю этого старого бродягу Лемке? Нет, я знаю, он умен и опасен.

— О чем ты?

— Ни о чем. Потом расскажу.

— Почему?

— По двум причинам: во-первых, ты можешь затормозить дело, а во-вторых, я так не устаю уже лет двадцать. Поэтому я посплю часов восемь, поднимусь, поем и продолжу начатое.

Джинелли действительно выглядел измученным, лишь в глазах танцевали карнавальные маски и резвились все те же чертики.

— Если бы я попросил тебя забыть обо всем, — спокойно проговорил Билли, — ты сделал бы это, Ричард?

Джинелли долго в задумчивости смотрел на Халека, а потом ответил то, что тот и предполагал услышать:

— Теперь не могу. Ты болен, Вильям. И душой, и телом, поэтому не знаешь, что тебе необходимо.

"Другими словами, ты решаешь за меня мою судьбу". — Билли хотел высказать свои мысли вслух, но понял, что приятель все равно лишь отмахнется.

Ричард между тем направился в спальню, снял рубашку и джинсы, улегся и минут через пять уже похрапывал.

Вскоре задремал и Халек. Ему приснился сон — короткий, совсем житейский, но наполненный его смесью ужаса, ненависти и в то же время удовольствия. В нем они с Хейди завтракали в укромном уголке дома в Фаэрвью. На столе стоял пирог. Жена резала его на большие доли и угощала мужа. Пирог был яблочный. "Ты от него поправишься", — говорила она. "Я не хочу быть толстым, — отвечал он. — Мне нравится быть худым. Ты сама его ешь". И он протянул ей ломоть тощей, как кость, рукой. Он следил, как она отку-

сывала огромные куски, чавкая и давясь, чувствовал ужас и влечение одновременно.

Халек внезапно проснулся. Он сел, какое-то мгновение пережидая, когда сердце успокоится. Ему подумалось, что это не сон, а пророчество.

Джинелли поднялся следом, умылся, натянул джинсы и свитер.

— Увидимся завтра утром, Билли, — сказал он. — А тем временем я сообщу ей о твоей любви.

— Кому это?

Джинелли улыбнулся:

— Прекрасной Джине. Этой сучке, которая прострелила тебе руку.

— Оставь ее в покое, — попросил Билли.

— Не волнуйся, — отмахнулся Джинелли и ушел.

Он возвратился в полдень.

— Ты снова похудел, — сказал он Билли. — Ел что-нибудь?

— Пытался, но волнение — плохой помощник аппетиту... А на тебе кровь, в чем дело? Расскажи, какого черта ты ездил к цыганам?

— Конечно, расскажу. Только приму душ и перевяжусь, — ответил Ричард и добавил: — Тебе придется встретиться с ним ночью, Билли. Этот псих сам нарывается.

Ужас потряс Халека, даже в животе похолодело.

— С Тадеузом Лемке?

— Да, — согласно кивнул Джинелли.

Глава 22. Рассказ Джинелли

В три часа утра во вторник Джинелли припарковался на проселке недалеко от лагеря цыган. Он покрутился вокруг, а потом вернулся к шоссе, волоча тяжелую сумку. Высокие облака закрыли полнеба, как ставни. Джинелли подождал, когда прояснится. Наконец еще раз глянул на небо, потом на часы: "Пора!"

Он пересек поляну, перемахнул лесополосу, прощлепал по небольшому болотцу, пока не вышел к лагерю.

Стояла мертвая тишина. Джинелли крадучись передвигался от повозки к микроавтобусу, от одной потрепанной легковушки к другой. Люди повсюду спали. Он подобрался к видавшему виды "понтаку". Дверца оказалась незапертой, багажно-куучей валялось на заднем сиденье, и Ричарду удалось выбрать заношенный пиджак и шляпу, такую, словно на ней кто-то изрядно посидел. Он хотел перехитрить собак: чтобы от него пахло,

как от одного из цыган, и псы сразу не разбрехались.

На опушке леса был устроен загончик из толстых веток, стянутых колючей проволокой. Внутри него располагалось семь питбулей. Пять крепко спали, и только два одурело усталились на прищельца.

Джинелли вытащил из сумки мясо, в которое еще в машине вколот коктейль: мексиканский коричневый героин со стрихнином. Бросил один кусок. Спавшие до этого псы подняли головы. Следом полетели другие куски.

Ричард спокойно курил, наблюдая, как собаки рыча вырывали друг у друга добычу. Едва он достал вторую сигарету, как один из кобелей упал и задергался в конвульсиях... Вскоре было кончено со всей сворой.

Джинелли достал долларовую бумажку и написал на ней: "В другой раз то же самое может случиться с твоими внуками, старик. Вильям Халек советует тебе их беречь".

Джинелли подсунил купюру под ошейник одной из собак, сбросил цыганскую одежду и заторопился к шоссе.

Он вернулся в Бар Харбор. По дороге позвонил своему бывшему партнеру в Нью-Йорк и договорился, что встретит его в аэропорту в пять вечера. Потом поехал в центр, присел на скамейку в людном месте и стал наблюдать за толпой.

Наконец он заметил парня лет двадцати пяти, судя по всему, бесцельно слонявшегося по городу. Джинелли пошел за ним. Когда тот заглянул в бар, Роберт подсел рядом за стойку. Через пять минут он уже знал, что парня зовут Фрэнк Спартон, что он учится на последнем курсе университета в Колорадо, а теперь на каникулах. Джинелли показалось, что для студента Фрэнк староват, но это к делу не относилось. Главное, Спартон согласился заработать по-легкому. Джинелли хотел, чтобы его новый знакомый поехал на проселок, где он оставил арендованный "форд", и потом сел на хвост цыганам, когда те снимутся. Спартон должен был позвонить в Бар Харбор и сообщить о новой стоянке табора. Джинелли отсчитал пятьдесят долларов аванса, и они расстались.

В десять минут шестого маленький частный самолет из Коннектикута приземлился в аэропорту Бар Харбора. Из самолета Джинелли передали один большой сверток и три маленьких. Большой Ричард положил на заднее сиденье арендованной машины, а маленькие побросал в багажник.

Затем он направился в мотель, где проспал до

восьми, пока его не разбудил телефонный звонок.

Это был Спартон. Он звонил со станции Тексако из городка Банкертон, что в сорока милях севернее Бар Харбора, и сообщил, что семеро цыган расположились на поле недалеко от городка.

Спартон вдрут занервничал:

— Там был безносый старик, который сначала уставился на меня, а потом стал тыкать пальцем, крича проклятия. А смазливая девица, оказавшаяся с ним рядом, чуть не бросилась на меня...

— О' кей! — перебил его Джинелли. — Запиши еще полста долларов на мой счет. Через часок я подъеду, оставайся там.

Среди припаркованных у станции машин Ричард сразу увидел свой "форд". Он пару раз медленно проехал мимо. В салоне "форда" никого не было видно. Тогда он припарковался чуть в стороне и медленно, вразвалку подошел к машине.

Спартон лежал на заднем сиденье. Мертвый. Над правым глазом зияла дыра. Крови почти не вытекло. Мертвый цыпленок белым пушистым комком покоился на его коленях. Лоб Спартона пересекала надпись запекшейся кровью — "Никогда".

Джинелли уселся на куче старых шин позади заправки. Ему хотелось все серьезно обдумать. Минут двадцать он разглядывал враз потемневшее небо и последние угасающие на востоке лучи. Когда решение созрело, подошел к "форду", вытащил тело Спартона и положил в свой багажник. Затем он притушил фары, проехал мило по Финзон-Роуд, пока не увидел закоулочек, ведущий к заброшенной шахте.

"Трудно отыскать более подходящее местечко", — проговорил он про себя, открыл багажник и вытащил тело. Спрятав покойника в шурфе, вернулся к машине.

В большом свертке на заднем сиденье лежали автомат Калашникова, четыреста патронов и большой охотничий нож с выкидным лезвием.

Джинелли вымазал лицо и руки черной краской, заткнул нож за голенище, проверил подрывное устройство и уже чувствовал себя суперменом из идиотской книжки или телебоевика.

Спартон говорил, что цыгане разбили лагерь в поле в двух милях от шоссе. Джинелли пошел лесополосой вдоль дороги.

Через два часа он наконец добрался до восточной части Финзон-Роуд, где неожиданно увидел темный силуэт.

Ричард замер, всматриваясь в темноту. Это был человек, мужчина, и, судя по повадкам, про-

гуливался здесь не просто так. Скорее всего он охранял участок дороги.

Джинелли снял ремень и, когда незнакомец приблизился, внезапно набросил ему на шею удавку и крепко затянул.

В петле оказался молодой цыган. Он уронил пистолет и пытался сдернуть ремень. Из соскочивших наушников доносилась музыка. Наконец цыган захрипел, стал сопротивляться все слабее и скоро совсем ослаб. Джинелли еще секунд двадцать держал его на пределе, потом ослабил удавку.

Юноша был красив, мускулист, лет двадцати двух. По описанию Билли Джинелли догадался, что перед ним циркач Сэмюэль Лемке.

Ричард привязал парня к дереву.

— Веревка прочная, и ты пробудешь здесь до тех пор, пока кто-нибудь не придет и не освободит тебя, — сказал Джинелли, вставляя ему в рот кляп и поправляя наушники. — Так тебе будет не скучно.

Джинелли повезло: второй охранник лагеря спал на посту и от удара прикладом автомата уснул еще крепче.

Через несколько минут Джинелли взобрался на пригорок. Внизу, слева, открывалось поле. Он мог видеть темные силуэты припаркованных в сотне ярдов от дороги машин. Костер догорал. Держа оружие наготове, Ричард спустился.

Луна уже взошла, осветив все бледным светом. С автоматом наперевес Джинелли подобрался к лагерю цыган. Грохот выстрелов прозвучал как гром среди ясного неба.

Когда переполошенные цыгане выскочили из повозок, Джинелли стал стрелять им под ноги. Началась паника. Люди крича кинулись во все стороны.

Наконец Джинелли увидел Тадеуза Лемке. В развевающейся ночной сорочке старик производил комическое впечатление. Остатки волос торчали из-под колпака. Он вышел из своего укрытия и смотрел в сторону пригорка. В его горящем взгляде не было страха. Он не мог видеть стрелявшего, но холод пронзил сердце Джинелли.

Старик повернулся к своим, которые металась рядом, крича и причитая, что-то коротко приказал, указывая рукой на фургоны. Джинелли не понимал цыганского языка, но жест был достаточно ясен: "Спасайтесь там, глупцы".

Джинелли дал длинную очередь поверх голов и наблюдал, как не только женщины, но и многие мужчины упали и катались по земле.

Лемке стоял в стороне, как изваяние, глядя сверху вниз на всю эту страшную панику. Колпак

свалился у него с головы. Его соплеменники стелили и ползали вокруг, он пытался их удержать, но Джинелли вновь и вновь очередями шугал испуганных людей, пока не расстрелял второй магазин.

Выстрелы смолкли. Пригнувшись, будто солдат под огнем, Джинелли перебежал дорогу и направился туда, где привязал молодого Лемке.

Юноша был жутко напуган, тем не менее Джинелли поднял автомат так, чтобы тот мог видеть, с кем имеет дело.

— Передай своему старику, что в другой раз я не стану стрелять в воздух или по пустым повозкам. Скажи ему, что Билли Халек передумал и вы получите за все сполна. Ты усек, а?

Лемке-младший кивнул, насколько позволяла веревка.

Джинелли вытащил кляп у него изо рта.

— Посиди тихонечко еще немного, и они тебя найдут.

— Вы не понимаете, — хрипло выдохнул Лемке. — Дед никогда не снимет наложенного проклятия. Он последний из великих мажарских предводителей, и его сердце из камня... Пожалуйста, мистер, я все передам, но...

Джинелли перебил его:

— В таком случае передай, что камни тоже можно превратить в крошево.

Ричард пересек дорогу. Мимо него сначала мчались фургоны. Эти люди, даже если и догадались, кто стрелял из автомата, не были ему опасны. Он направился к своему авто, повел его в объезд, чтобы через несколько часов вернуться к стоянке.

Когда он снова подрулил к пригорку, на обочине уже стояло несколько машин. Вокруг с криками бегали люди. Авто констебля было там, где Джинелли снимал второго часового.

Ричард притормозил, открыл окно и спросил:

— В чем дело, офицер?

— Ничего особенного. Проезжайте!

Джинелли медленно покотил по дороге, маневрируя между припаркованными машинами и многочисленными зеваками. Среди них было немало цыган в пижамах и ночных сорочках. Они, отчаянно жестикулируя, разговаривали между собой.

Только к двум часам Джинелли прибыл в мотель, где зарегистрировался под именем Джона Три. Уснул моментально и проснулся только в семь тридцать. До вечера просидел в номере, рассеянно глядя в телевизор, потом засобирался, прихватив кувшин с клеймом мотеля.

Он поехал по уже привычному маршруту.

Казалось неправдоподобным, чтобы какой-то чужак (или их было несколько) без всякой причины явился ночью, чтобы пострелять. Случай заинтересовал полицию Майна и Плимута. Джинелли оставил машину рядом с припаркованными полицейскими автомобилями и стал спускаться к бывшему цыганскому лагерю. По пути он встретил копа, идущего навстречу:

— Вам здесь нечего делать, сэр, — заметил тот.

Джинелли достал из заднего кармана кожаные корочки и открыл их. Это было удостоверение личности сотрудника ФБР. Правда, на фото Ричард выглядел лет на десять моложе и значился как спецгент Эллис Стоунер.

В лагере он увидел двух парней, ползающих по земле с лопатами в руках. Третий подсвечивал им сильным фонарем.

— Подождите, подождите, вот еще одна, — проговорил один из них, вытащил из грязи гильзу и бросил в ведро. Двое цыганят, очевидно братьев, наблюдали за операцией.

Джинелли радовалось присутствию копов в лагере: это отвлекло общее внимание от него самого. Что тут странного — агент ФБР находится в лагере, где велась стрельба из русского автомата.

Несмотря ни на что, Ричард чувствовал и глубокое уважение к Тадеузу Лемке. Тот не кланялся пулям, летящим из темноты. Железный старик. Иногда Джинелли казалось, что этот цыган знает, кто перед ним на самом деле. Для него сущие пустяки определить это по глазам или даже по запаху кожи.

— Ни при каких обстоятельствах нельзя позволить ему дотронуться до меня! — подумалось Джинелли, когда он постучался в одну из кибинок.

Дверь открылась, и среднего возраста женщина вскинула на него испуганные глаза.

Джинелли показал свои корочки:

— Агент по особым поручениям Стоунер, мэм, ФБР.

Глаза женщины расширились. Она быстро перекрестилась и что-то сказала по-цыгански. Но муж тут же втощил ее внутрь, а сам вышел наружу.

Это был мужчина лет сорока, не старше. Очень высокий и сложенный так плохо, что казался уродливым. Одет он был в сорочку и огромные шорты. От него несло, как от винной бочки.

— Что вам надо? У нас и так весь день вертятся копы.

— Назовитесь, пожалуйста, — проговорил с самой вежливой улыбкой Джинелли.

— Полицейские уже записали наши имена.

Кто-то ночью несколько раз стрельнул в нас. Вот и все, что нам известно.

Джинелли согласно кивнул и попросил цыгана вспомнить все, что было прошлой ночью.

Верзила, назвавшийся Хайлигом, заявил, что он выскочил из палатки при первых звуках выстрелов. Стрелок засел наверху, на пригорке слева, и строчил из автомата. Но из-за темноты, деревьев и высокой травы его нельзя было разглядеть.

— Большое спасибо, мистер Хайлиг, вы мне очень помогли, — сказал Джинелли. — Но мне необходимо теперь поговорить еще с двумя вашими людьми. — Он посмотрел на одну из страниц блокнота. — Это мистер Тадеуз Лемке и миссис Джина Лемке.

— Тадеуз спит, он уже очень стар, и все происшедшее его вымотало. А Джина, наверное, у себя. Только она не миссис, а мисс... — И он указал грязным пальцем на маленькую зеленую "тойоту".

Джинелли направился туда. И хотя Халек говорил ему, что эта Джина симпатичная, она оказалась чертовски хороша. Сосредоточенный взгляд темных глаз с белой до синевы роговицей, чистая оливковая кожа, пылающая румянцем. Тонкие сильные руки, длинные пальцы, ноготочки без маникюра и аккуратно подстрижены. Одной рукой девушка держала книгу "Статистическая социология", и это тоже произвело на Ричарда впечатление.

— ФБР. Агент по специальным поручениям Эллис Стоунер, мисс Лемке, — заявил он, и мгновенно в ее глазах будто погас свет. — Мы расследуем инцидент со стрельбой.

— Пожалуйста, спрашивайте, — сказала она.

— У нас есть причина предполагать, что человек по имени Вильям Халек может быть связан с этим делом, — заявил Джинелли. — Это имя вам говорит о чем-нибудь? У меня есть несколько его фотографий.

Она взглянула на одну из них, и ее глаза снова вспыхнули:

— Да, это Халек! — выкрикнула Джина. Этот изверг убил мою бабушку! Но ему осталось недолго нас мучить. Он... — Девушка сжала губы и не сказала больше ни слова. А Джинелли сделал вид, что ничего не заметил.

— Сравните, пожалуйста, две фотографии. Если на одной из них Халек, то на другой мужчина, который посетил ваш лагерь в прошлую ночь. Мне бы хотелось, чтобы ваш дедушка и вы точно опознали их.

— Он мой прадед, — сказала Джина рассеян-

но. — По-моему, он сейчас спит. Я ни за что не хотела бы его будить. И вообще не намерена волновать его, тем более что последние несколько дней были для него просто ужасными.

— Ну что ж, так и сделаем, — заметил как бы между прочим Джинелли. — Если вы опознаете на фото того мужчину, как опознали Халека, нам не придется беспокоить Тадеуза Лемке.

— Вот и прекрасно! Скажите, если схватите этого Халека, его ждет решетка?

— О да, у меня есть ордер на его арест.

Это убедило Джину, успокоило, и она сказала то, от чего сердце Джинелли сжалось.

— Ему, я думаю, не придется долго быть под арестом...

Они прошли мимо копов, все еще разыскивающих стреляные гильзы, мимо нескольких цыган, включая двух братьев, теперь одетых для воссоздания картины в пижамы. Она им кивнула, они ответили тем же, убежденные, что высокий мужчина, идущий с Джининой, из ФБР.

Джинелли открыл дверцу своей машины. Джина стояла в стороне. Он взял кольт из бардачка, а другой рукой снял крышку с кувшина.

Настроение Джинины моментально изменилось. Крутом темнота, она одна с незнакомцем на порядочном удалении от своих. И почему этот Эллис Стоунер (или как его там?) не принес нужные бумаги прямо в лагерь? Почему фэбээровец интересуется Халеком?..

— Мы здесь одни, — прервал ее размышления Джинелли. — Можешь вопить, но никто не услышит. Ты поняла, Джина?

— Значит, ты сотрудничаешь с тем дьяволом?! — вскрикнула она. — Вы одного поля ягоды!..

— Не ори, а слушай, — спокойно сказал Ричард. — Вы прокляли человека, у которого жена и ребенок, и считаете это справедливым? Полагаете, что он задавил вашу старуху специально?

Джина задыхалась от гнева и ненависти:

— Его жена виновата, как и он сам! Они оба убили бабушку и будут наказаны. А ты следующий, как друг этого негодяя! Это не важно, что... Договорить он ей не дал.

— Это кислота, — крикнул Джинелли и плеснул ей в лицо пепси-колой. — Увидим теперь, сколько людей ты сможешь погубить, ослепнув.

Она дико вскрикнула, закрыла глаза руками и упала на траву. Джинелли резко приподнял ее:

— Успокойся, дура, я не такой садист, как вы со своим безносым дедом! Представляешь, что стало бы с ним, если бы я действительно плеснул тебе в лицо кислотой? Или тем двум твоим братцам в пижамах? А ведь я мог это сделать, мог! Посмо-

три мне в глаза, и ты поймешь: я способен на такой шаг. Не знаю, сколько продряхнет твой дед, но когда он встанет, ты скажи ему, чтобы он снял проклятие с Халека, да поскорей. Скажи, что это последнее предупреждение. И возьми вот это.— Джинелли сунул ей в руку клочок бумаги с номером телефона в Нью-Йорке.— Позвони в любое время и скажи, что старик надумал. Если ему нужно что-то от меня, перезвони часа через два.

— Он никогда не изменит своего решения!

— Это не твоё дело, детка! Пусть он сам рассудит, что к чему. А вот если ему откажут мозги, то знай — ты пострадаешь в первую очередь. Поняла? А теперь марш в машину!

Девушка села на заднее сиденье.

Джинелли вернулся к Финзон-Роуд, не выключая фар. Он ехал медленно, не выпуская из руки пистолета.

За четверть мили до каньона, где он оставил Фрэнка Спартона, Джинелли остановил машину.

— Выметайся!

Джина открыла дверцу и, отбежав, крикнула:

— Твой дружок — свинья, и он умрет от истощения!

...Билли выслушал его рассказ не перебивая.

— Но я думаю по-другому, — наконец сказал Джинелли.

— А именно?

Ричард взглянул на часы. Было половина четвертого.

— Объясню в машине. У тебя встреча в семь, Вильям.

Глава 23. Встреча в Бангоре

Они отъехали от мотеля, и вскоре Джинелли остановился, достал корзину с устрицами и пиво. Пока ели, Ричард закончил рассказ. Впрочем, это не заняло много времени.

— Я вернулся в мотель, позвонил в Нью-Йорк и сказал знакомому, что прошу его перезвонить мне после звонка Джини. Звонки раздались без четверти двенадцать.

Джинелли потянулся за очередной бутылкой пива. Билли от нетерпения привстал, не решаясь поторопить его.

— Старый пердун решил снять проклятие, — наконец продолжил Джинелли, — но он хочет сначала встретиться с тобой. В семь вечера в Бангоре. Между улицами Унъен и Хаммонд есть парк. И он будет там сидеть на скамейке.

— Неужели старик сдался?

— Это может быть и ловушка, — заметил, пом-

рачев, Джинелли. — Хотя они знают, что я не шучу. Если они решили убить тебя, мести не миновать.

— Они все равно когда-нибудь меня прикончат, — вздохнул Билли.

— Или сама девчонка что-нибудь придумает. Она ведь та еще штучка, Вильям.

— Но у меня нет выбора.

— К сожалению, Вильям, это так.

Вскоре они были в Бангоре. Билли сидел, измученный, в машине. Джинелли внимательно поглядел на него:

— Я через минутку вернусь, Вильям. Ладно?

— Хорошо, — пробормотал еле слышно Билли и задремал, как только Джинелли вылез из машины.

Во сне он увидел свой дом в Фаэрвью, ястреба с гноящимся клювом, усевшегося на подоконник и смотревшего в окно. Из дома раздавался пронзительный крик.

Потом кто-то начал трясти за плечо. Билли проснулся и с неохотой открыл глаза.

— Ну?! — Джинелли наклонился и со страхом посмотрел на него. — Боже, Вильям, не пугай меня так! Я уж думал ты скопытился. Вот возьми и ешь на здоровье. — И он положил на колени Халека полную сумку апельсинов.

Билли сначала ел медленно, неохотно, заставляя себя. Но вдруг у него появился аппетит, впервые за эту неделю. И сердце как-то утомилось. Он покончил с первым апельсином, взял у Джинелли нож и разрезал второй.

— Мы уже прибыли, — сказал Ричард, и Халеку показалось, будто ледяной палец коснулся его затылка, затем медленно соскользнул вниз. — Буду где-нибудь поблизости. Если что, я наготове, не волнуйся, дружок.

— Да, — проговорил Билли. — Ты нянчишься со мной, как с ребенком.

— Тебе нечего опасаться, но береженого и Бог бережет. Парк внизу, у подножия этого холма. Приблизительно в четверти мили. Сядь на скамью в тенечке и жди.

— А ты где будешь?

— Я же сказал, рядом, — улыбнулся Джинелли. — Уж поверь, я не спущу глаз с тебя и с девицы. И вот что, будь потверже с цыганом, Билли.

Парк оказался большим и тенистым. Дети съезжали с деревянных горок, пускали шарики, бегали за змеёй, надували жвачку, на ходу глотали кока-колу.

Халеку уселся на скамью в тени. Ноги внезапно обмякли и задрожали. Он вынул из сумки апельсин, с большим трудом очистил и надкусил. Но

теперь аппетит пропал, и он съел лишь несколько долек.

Скамья находилась на отшибе, и Билли не привлекал ничьего внимания. Он вновь задремал и снова оказался в Фаэрвью, но почему-то его родной город стал городом мертвецов. Трупы лежали повсюду. Кто-то грубо дернул его за плечо.

— Нет!

— Вставай! — И последовал удар клювом.

— Нет!..

Билли медленно пришел в себя и увидел, что на скамье рядом с ним Тадеуз Лемке.

— Просыпайся, ром, — проговорил он, резко дернув Билли за рукав кривыми желтыми от никотина пальцами.

На старике был серый саржевый двубортный костюм. На ногах высокие сапоги. Остатки волос расчесаны на пробор и откинута с морщинистого лба. Золотое кольцо блестело в одном ухе. И этот ужасный провал вместо носа...

— Тебя страшит моя болячка? — спросил Лемке. Его блестящие черные глаза, чем-то напоминавшие птичьи, ни на минуту не отрывались от лица Билли. — Или это тебе доставляет удовольствие?

— Нет, — сказал Билли, — конечно, нет!

Он все еще не мог по-настоящему окунуться в реальность.

— Не ври! Ты счастлив лицезреть мой недуг.

— Неправда. Я сочувствую тебе.

— Я не доверяю словам рома. Но ты тоже болен и вскоре умрешь, постоянно худея. Поэтому я кое-что тебе принес. Это тебя поддержит. — Старик усмехнулся, обнажив безобразные черные остатки зубов.

Билли увидел на коленях старика пирог на круглой алюминиевой тарелке.

— А ты выглядишь испуганным, — заметил Лемке. — Хотя бояться чего-то тебе уже слишком поздно.

Лемке достал из кармана перочинный нож, внимательно его оглядел, вытащил лезвие. Оно было покороче, чем у ножа Джинелли, но зато острее.

Старик сделал разрез дюйма на три. Красные капли выступили из-под корки. Старик вытер лезвие о рукав и убрал нож. Затем он провел пальцем над пирогом. Разрез сам собой раздвинулся пошире, и из него проглянула начинка — может, клубника или что-то еще, похожее на кровавый сгусток.

— Итак... Ты убеждаешь себя, что произошел несчастный случай. То, что случилось с Сюзан-

ной, больше моя вина, чем твоя, или она сама повинна, или уж Бог так решил... "Не виновен!" — сказал ты сам и не один раз. Но учти, каждый человек расплачивается за содеянное зло, даже если оно вышло непреднамеренно.

Лемке какое-то время молчал, а пальцы то сдвигали, то раздвигали пирог.

— Так как ни ты, ни твои друзья не признают вину, я заставлю тебя признаться. Ради моей бедняжки дочери, которую ты убил, я сделаю это, ради ее детей... Твой друг пришел к нам, отравил собак, стрелял ночью из автомата, поднял руку на женщину, угрожал плеснуть кислотой в лицо ей и другим моим внукам. Твой дружок сумасшедший, как и многие ромы. Он, как я понял, ни перед чем не остановится. Джина так и говорит, что этот человек по-доброму не угомонится. Но и мы не сдадимся. Потому что если и мы запляшем под его дудку, значит, мы тоже безумные. Если вас не остановим, значит, согласны с вами. А Бог все видит. Он говорит: "Нельзя убивать!"

Старик замолчал. И только его темные пальцы то сдвигали, то раздвигали пирог.

— Никто до конца не понимает, что значит проклятие, — наконец продолжил он. — Проклят весь мир, но цыгане все-таки лучшая его часть. Учти, ром, проклятие материально.

— Я это постоянно ощущаю, — отозвался Билли. — Твое проклятие живет внутри меня и жрет меня.

— Внутри... Снаружи... — Лемке пожал плечами. — Оно везде. Оно растет быстрее ребенка, и ты не можешь убить его, потому что не видишь. Заметны только его дела.

Пальцы цыгана ослабли, трещина закрылась, и темно-красный ручеек пополз по корке пирога.

— Проклятие... Ты все еще хочешь от него избавиться? Все-таки веришь, что произошла случайность?

— Да. Был несчастный случай.

Старик цыган слегка усмехнулся и замолчал.

Парк опустел. Солнце садилось за горизонт. Тени прикрыли собеседников. Внезапно в руке у Лемке снова появился нож.

— Покажи пораненную руку, — попросил он.

Билли начал медленно снимать повязку. Под бинтом ладонь была белой, а края раны темно-красные.

"Похоже на начинку его пирога", — подумал Халек.

— Если хочешь избавиться от силы, пожирающей тебя, то угости этим проклятым пирогом кого-то. Но сделать это надо быстро. Понял?

— Да, — ответил Билли.

— Тогда приступай, — проговорил Лемке. Его пальцы сжались, а темная трещина на пироге открылась.

Халек колебался лишь секунду. Потом перед ним почему-то появилось лицо дочери. А уже в следующее мгновение он ткнул острием цыганского ножа в рану на своей руке.

Кровь закапала прямо в трещину пирога. Лемке запричитал быстро-быстро, а Халек, не понимая ни единого его слова, повернул нож в ране, наблюдая, как она снова приобрела округлую форму. Кровь теперь потекла быстрее, но боли не было.

— Достаточно, — сказал старик, вырвав нож из рук Билли, который неожиданно совсем обесилел. Он прижался к скамейке, борясь с подступившей тошнотой. Потом, наконец, глянул на руку и успокоился, увидев, что кровь остановилась. Посмотрел на пирог, корка тоже закрылась, а где был разрез, образовалась складка, наподобие зигзага.

Он вновь перевел взгляд на свою руку: на ней не было крови, рана полностью затянулась, оставив коротенький белый зигзагообразный шрам.

— Он твой, этот пирог, ром, — сказал Лемке и опустил тарелку на колени Билли. Она была отвратительно теплой, и казалось, пирог на ней дышит, пульсирует.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил цыган.

Билли понимал, что вещь, которую он держит у себя на коленях, действует на него. Слабость прошла совсем. Сердце билось нормально.

— Немного, — осторожно заметил он.

Лемке кивнул.

— Теперь будешь набирать вес, но через неделю или две опять начнешь худеть. Только на этот раз уже не остановишься до тех пор, пока не найдешь того, кто покушает твоего пирога. Надеешься найти желающего? — старик глядел в упор, не мигая.

— Да, да! — закричал Билли.

— Чувствую, что я немного виноват перед тобой, — выдержав паузу, сказал Лемке. — Не очень, но все-таки... Ты существенно пострадал, хотя в случившемся действительно не только твоя вина... — Старик вновь безрадостно улыбнулся. — Но послушай, почему бы тебе самому не съесть этот пирог, а? Ты умер бы, но умер сильным и чистым во всех отношениях.

— Убирайся! — заорал Билли. — Наше дело закончено!

— Ты прав, все сделано. И все же... Не наделай глупостей, выбирая, кого угощать пирогом, предназначенным для тебя.

Лемке медленно поплелся по аллее. А Билли поднялся и направился к машине. Пирог мерно подрагивал в его руках, и можно было видеть, как корка ритмично пульсирует. Дешевая алюминиевая тарелка буквально жгла пальцы.

“В ней спит проклятие”, — вздрогнув, подумал Билли. Ему показалось, что он несет спящего дьявола.

— Все кончено, — сказал он, открывая дверцу машины. — Все ко...

Халек не договорил, увидев на сиденье кисть руки Джинелли, превращенную в бесформенный кусок мяса, утыканный железными дробиками.

Глава 24. 122

— Откуда ты? — Голос Хейди в телефонной трубке был сердит и испуган.

— Это не важно. Я еду домой.

— Господи, наконец-то! Где тебя носило?..

— Слушай, — перебил ее Билли, — я хочу, чтобы ты позвонила Майку Хаустону и сказала ему, что больше не считаешь меня спятившим с ума.

— О чем это ты, Билли?!

Со стопроцентной уверенностью он мог понять, что она знает, о чем речь. Тон был испуганный, как у ребенка, стянувшего потихоньку конфетку. Но Билли было не до дипломатии, он терял терпение:

— Вы же хотели поместить меня в клинику в Нью-Джерси! Но учти, если меня схватят копы, ты будешь самой несчастной женщиной, Хейди.

Она заплакала:

— Мы хотели сделать для тебя как лучше, Билли. И ты сам это когда-нибудь поймешь. Ты так быстро худел и разговаривал, будто сумасшедший...

— Ладно, хватит об этом!

— Ты говоришь так, словно ненавидишь меня, — прошептала она и снова расплакалась.

— Не глупи! Где Линда?

— Поехала к тетке на несколько дней.

— Она, вероятно, возмутилась, что ты и твой дружок Хаустон собираются объявить ее отца спятившим с ума?

Билли случайно бросил взгляд на пирог, поставленный рядом, на телевизоре. Корка словно дышала, поднимаясь и опускаясь, как живая...

“Важно, чтобы дочь не добралась до этого опасного лакомства”, — подумалось ему, а в трубку он проговорил:

— Лучше бы она оставалась у тетки, пока мы не решим свои проблемы.

На другом конце провода Хейди громко всхлипывала.

— Как ты выглядишь? — наконец сквозь слезы спросила она.

— Получше. Вешу 122.

Она вздохнула:

— Это на шесть фунтов меньше, чем когда уходил!

— И на шесть фунтов больше по сравнению со вчерашним утром, — спокойно заметил он.

— Билли... Я хочу, чтобы ты знал, мы сможем все восстановить, правда, сможем. Самое главное, чтобы и ты этого хотел. — Она помолчала и вдруг заметила: — Если хочешь, я даже брошу курить...

Билли усмехнулся, посмотрел на пирог. Корка медленно пульсировала: вверх-вниз, вверх-вниз. Он подумал, как было гадко, когда старик цыган раскрыл продольный разрез на пироге. Вспомнил, как кровь из раны капала туда, смешиваясь с кровавой начинкой. Вспомнил страшную руку Джинелли. И теплота в душе исчезла.

— Лучше кури, — сказал он. — А то растолстеешь...

Билли лежал на спине в темноте, положив руки за голову и глядя в гостиничный потолок. На часах пробило полночь, но он нисколько не хотел спать. Воспоминания разделились на половины временем, когда он увидел окровавленную руку Джинелли на сиденье автомобиля, и телефонный разговор с женой.

Вдруг в темноте раздался звук, напоминающий вздох. Он поднялся, включил свет, осмотрелся кругом. Корка пирога двигалась, как живое существо, и спустя шесть часов. Билли знал, что, прикоснувшись к алюминиевой тарелке, почувствует тепло.

“Джинелли мертв, — вдруг с болью отдалось в душе. — Что он говорил мне тогда, перед уходом? Ах да, вспомнил. Он сказал: “Если твоя цыганка увидит меня прежде, чем я ее, мне, Вильям, никогда не придется больше поменять сорочку”. Джинелли умер. Я ничем уже помочь ему не могу. И мне самому надо убраться отсюда, прежде чем нагрянет полиция...”

Халек спустился к машине.

“Нет сомнения, что это Джина убила Ричарда, — вновь засвербило в сознании. — Но она не осмелилась заставить прадеда нарушить обещание и обмануть друга Джинелли”.

Билли машинально глянул на приборную доску, затем его внимание привлек ключ зажигания. Неожиданно вспомнил, как Джинелли вынимал

подобный из кармана мертвеца. Теперь девица сделала то же самое.

“Она оставила мне его вместе с рукой убитого Ричарда!” — эта мысль привела Халека в трепет. Однако он тотчас же и успокоился. Даже удивился своему спокойствию и холодности.

Халек аккуратно пристроил пирог на сиденье рядом. Затем открыл бардачок для перчаток и нашел там старую карту Майна. Он поехал вниз по Юнион Стрит. Минут через пятнадцать увидел вывеску Макдоналдса, решил остановиться и перекусить.

— Кофе с молоком, три больших бутерброда и две французских булки.

Совсем как раньше, подумал он, и улыбнулся.

— Хотите что-нибудь на десерт?

— Пирог с вишнями, если можно.

Теперь он повернул на восток к Бар Харбор. Ехал и улыбался неизвестно чему. Милях в сорок восточнее Бангора решил остановиться в крохотном городке и больше не связываться с этой машиной ни при каких обстоятельствах.

Он снял куртку и тщательно вытер ею все, чего мог касаться. Затем взял пирог, вышел и огляделся. Измученная женщина тащила еще более уставшего ребенка. Двое стариков разговаривают на лавочке... Он понял, что на него никто не обращает внимания.

Билли пересек двор, прислушиваясь к грому оркестра, долетавшему из бара. Как он и ожидал, там стояло несколько авто. Один шофер тут же согласился довезти его до Нортист Харбор. Правда, он удивленно посмотрел на клиента и потребовал оплаты вперед.

Вскоре Билли уже говорил по телефону с Хейди...

А вот теперь он лежал и слушал, как что-то, напоминающее пирог, дышит в темноте.

“И где теперь эта цыганка Джина? — думал он, вспомнив о ней случайно. — Не причинять ей зла, вот что велел я Ричарду... И вот что она сделала с ним...”

Билли незаметно уснул, и все перемешалось в хороводе страшных изорванных сновидений. В некоторых из них он убивал или, наоборот, его убивали. И сны его как-то странно и страшно дышали и пульсировали.

Глава 25. 127

“Таинственное убийство, организованное гангстерами.

Прошлым вечером убили мужчину в подвале здания на Юнион-стрит. В нем опознали нью-

йоркского гангстера Ричарда Джинелли, известного как Ричи-молоток.

Его три раза привлекали к суду: за вымогательство, незаконную продажу наркотиков и контрабанду, за убийство представителей нью-йоркских и федеральных властей. Но он всякий раз выходил сухим из воды.

А в 1981 году было заведено дело на Джинелли по поводу убийств некоторых важных свидетелей...

Из источников, близких к прокурору, стало известно о так называемой гангстерской разборке. У Джинелли была отсечена рука, а на лбу кровью написано: "свинья".

Вероятнее всего, Джинелли был убит из оружия большого калибра, но полицейские эксперты пока затрудняются назвать из какого.

— Как все гадко! — проговорил Халек, откладывая в сторону газету. Однако настроение у него заметно улучшилось после того, как он взвесился и увидел, что погрузнел на одиннадцать фунтов.

Весь предыдущий день он провел в Нортист Харбор и не успел еще как следует прийти в себя. Билли чувствовал, что время уходит, и поглядывал с опаской на пирог в дешевой алюминиевой тарелке.

Когда совсем стемнело и одиночество стало невыносимым, он позвонил Роде Симонсон, а через минуту уже разговаривал с Линдой.

Дочь была, разумеется, против задуманного матерью и доктором Хаустоном. Причем этот Хаустон разболтал жене, а та старшей дочери о чужаках Билли Халека. Девушка, в свою очередь, рассказала подружке Линде, мол, ее дражайшая мамочка уверена, что супруг помешался.

— А что ты ей ответила? — спросил Билли.

— Я велела ей воткнуть зонтик в зад этому умному доктору, — сказала Линда.

Билли рассмеялся, но потом приуныл: за три недели дочь повзрослела на три года.

— Ну и что дальше? — поинтересовался он.

— Мы начали ругаться с мамой, и потом я попросилась к тете Роде.

— Не знаю, нужно ли говорить об этом, Лин, но я действительно не сумасшедший...

— О папочка, я прекрасно это знаю! — почти сердито проговорила Линда.

— И мне становится лучше, я прибавляю в весе.

— О папочка, какая красота! Не обманываешь меня, а? — Девочка вскрикнула так громко, что он отдернул трубку от уха.

— Клянусь Богом, Лин!

— А когда ты домой? — спросила она.

Тут Билли, который собирался уехать из Нортист Харбор наутро, чтобы оказаться дома к десяти вечера, слукавил:

— Через недельку или около того, миленькая. Хочу еще немного поправиться, чтобы выглядеть получше.

— Делай как знаешь, — заметила слегка разочарованная дочка.

— Когда буду выезжать, позвоню тебе, чтобы и ты приехала домой пораньше, встретила меня. А пока оставайся у тетушки, я не хочу, чтобы ты сражалась с матерью.

— Я и не думаю приезжать, пока ты не вернешься. — Он услышал тоскливые нотки в голосе дочери. Понимала ли это Хейди?

Спалось ему лучше, но сны были плохие. В одном из них он слышал, как Джинелли кричал в багажнике, прося, чтобы его выпустили. Но когда Билли откинул крышку, вместо Джинелли увидел там окровавленного голого ребенка с глазами Тадеуза Лемке и золотой серьгой в ухе. Мальчик протягивал вымазанные в крови руки к Билли и что-то лопотал по-цыгански тихим нечеловеческим голосом.

Халек проснулся, дрожа от холода.

Пирог стоял рядом, пульсировал и был теплым.

Билли вдруг понял, что поедет домой немедленно, но вскоре его стали одолевать неприятные мысли. Проехав миль двадцать, он ощутил сильное волнение.

Глава 26. Цыганский пирог

Билли выключил двигатель, взял вещи и направился через лужайку к дверям. Его родной дом с ярко-зелеными ставнями — символ комфорта и благополучия — теперь был как чужой.

Парадная дверь оказалась открытой. Хейди в красной юбке, белой безрукавке и блузке выбежала на крыльцо. Билли попытался вспомнить, видел ли это на ней раньше, но не смог. Она подстриглась очень коротко, и на миг ему показалось, будто это вовсе не Хейди, а лишь похожая на нее женщина.

Он взглянул на ее меловое лицо: глаза потемнели, губы дрожат...

— Билли?!

— Да, это я, — проговорил он и застыл.

Они так и стояли, глядя друг на друга. Хейди со слабым ощущением надежды, Билли равнодушно, без всяких мыслей и чувств.

Через мгновение она не выдержал:

— Боже милосердный, Билли, не смотри так! Я этого не вынесу!

В его лице что-то дрогнуло, но внутри была пустота: будто ветерком зарябило воду на поверхности озера. Хейди, должно быть, это заметила, потому что улыбнулась в ответ, а по щекам показались слезы.

“У тебя всегда глаза были на мокром месте, Хейди”, — подумал он.

Жена потянулась к нему, Халек бросил вещи и пошел ей навстречу, ощущая безжизненную улыбку на лице.

— Чего бы поесть, а? Я очень голоден.

Она приготовила ему грандиозную поедуху: мясо, салат, молодой картофель, зеленые бобы и чернику в сметане на десерт. Билли все съел.

Хотя она ничего не говорила, но каждое ее движение, каждый жест и взгляд буквально кричали: “Дай мне еще один шанс, Билли! Не убивай последнюю надежду!”

Мало-помалу он смягчал душой, а она все больше ощущала, что прощена.

Хейди уселась напротив, следила за тем, как он ел, и беспрестанно курила. Билли рассказывал, как гонялся за цыганами по побережью, как получил фотографии у Кирка Пеншли и наконец догнал табор в Бар Харбор.

Он рассказал Хейди, как старик цыган посмеялся над ним: “Если бы я мог проклясть тебя, ты бы давно лежал в земле! Думаешь, мы волшебники? Если бы у нас была такая сила, разве бы мы разъезжали в старых фургончиках и спали ночью под открытым небом, а? В нашей жизни нет никакого таинства, нет ничего, кроме труда. Мы заняты своим бизнесом, а те, у кого есть лишние деньги, платят нам”.

Он рассказал Хейди, как вернулся в мотель после встречи с безносым Лемке чуть живой в глубочайшей депрессии. Но когда пошел в ванную и взвесился, оказалось, прибавил три фунта. Когда стал думать, что скоро перестанет поправляться, как напорочил цыган, снова похудел. Тяжелые мысли не давали покоя: казалось, врачи были правы, даже Михаэль Хаустон отчасти прав...

— Билли... — Жена коснулась его руки.

— Я не собираюсь обвинять его, когда встречу, — заметил Халек, а про себя подумал: “Может, предложить и ему кусок пирога?” — и усмехнулся этой мысли.

— Чему ты рад? — озадаченно спросила жена.

— Да так... Когда-то Хаустон, его коллеги и даже ты, Хейди, пыгались навязать мне свою волю, заставить меня думать по-вашему. Пришлось вы-

карабкиваться самому. Мне нужно было снова встретиться со стариком, и, поверь, многое для меня открылось. Правда, не совсем так, как я ожидал...

Часы пробили полночь.

— Иди спать, Хейди, я сам уберу посуду.

— Нет-нет! — встрепенулась жена, обнимая его. — Я рада, что ты вернулся, Билли. Иди наверх. Ты, должно быть, очень устал.

— Я в порядке, — возразил он. — Только... — И он щелкнул пальцами, как человек, который вдруг что-то вспомнил. — Кое-что я оставил в машине.

— Ну и ладно, подождет до утра.

— Это для тебя, — улыбнулся он, поднимаясь из-за стола.

Сердце стучало как молот. Халек шел через лужайку и думал: “Интересно, пирог все еще пульсирует или нет? Боже праведный, она может испугаться и закричать, когда увидит его!”

Пирог был на месте. Корка успокоилась. Билли предчувствовал, что так и должно быть. Руки его перестали дрожать.

Хейди все еще стояла на пороге. Он вернулся и вложил ей в руки пирог.

Она наклонилась к пирогу и понюхала.

— Клубничный, мой любимый! И еще теплый.

— Купил его в Стратфорде и берег, чтобы не остыл.

Когда Хейди обняла и расцеловала мужа, пирог чуть не выпал из ее рук, а сердце у Билли едва не выскочило из груди.

— Осторожно! — прошептал он, подхватывая тарелку.

— Боже, какая я неловкая! — Хейди как-то грустно засмеялась. — Ты привез мне любимый пирог, а я чуть его не уронила...

Она прижалась к нему и разрыдалась. А Билли погладил ее нежно, как ребенка.

— Билли, я счастлива, что ты дома, — всхлипывала она. — И ты обещал больше на меня не обижаться, правда? Обещал ведь?

— Обещал, — согласился он, дотронувшись до пирога: “А он, и правда, еще теплый...”

На кухне она переложила пирог на поднос и вернулась к раковине.

— Разве не хочешь попробовать? Хоть кусочек? — вдруг спросил Билли.

— Когда кончу с посудой, тогда, — ответила жена.

— Тебе помочь?

— Нет, иди в постель. И жди меня.

Он шел, не оборачиваясь, зная, что жена не вытерпит и тут же отломит кусочек пирога.

В ванной он встал на весы. На шкале было уже 131, но он почему-то не чувствовал себя счастливым. Билли ощущал лишь усталость. Он спустился в холл, а оттуда направился в спальню. Не спеша разделся, лег и ждал ее прихода, прислушиваясь к знакомым звукам: скрипнула наверху дверца буфета, громыхнул ящик кухонного стола, когда она вынула нож. Вот звук ее шагов на кухне...

“Что пирог сделает с ней? Заставит худеть, как его, или превратит в зверя, как Кари? Или, как Хопли, она станет похожа на пиццу?”

* * *

В городе праздновали юбилей Аризоны. Здесь он практиковал как юрист последние шесть лет. Все было просто и легко. Жил со своей семьей, изучал судопроизводство. Дни текли спокойно: две машины, гараж, гольф три дня в неделю, доход двадцать пять тысяч долларов в год... Чего еще желать? Но теперь, похоже, все кончилось.

А ведь была хорошая жизнь, и это так прекрасно! Сделать счастливыми себя и близких, о чем же еще мечтать?..

...Билли проснулся с колотящимся сердцем и мокрыми ладонями. Рядом похрапывала жена. Яркое утреннее солнце било в окна. Часы показывали двадцать пять минут седьмого. Рядом с часами лежали шесть красных роз.

Билли поднялся, прошел в ванную. Там висел новый халат Хейди, очень красивый и дорогой. Билли шагнул на весы — прибавился еще фунт.

“Когда жена умрет, я не стану распускаться, буду следить за собой. Не хочу стать жирным, как раньше”, — подумал он и вдруг вспомнил, как Хаустон говорил ему однажды: “Есть люди, которые не боятся умереть молодыми, вот хотя бы в возрасте твоей дочери”.

Как во сне Билли побрел к комнате Линды. Толкнул дверь и увидел дочку, спящую в своей постели. Одной рукой девочка прикрывала лицо, а другой прижимала старого медвежонка.

Нет!

Он все еще не верил своим глазам. Однако жакет дочери на спинке стула, открытый чемодан с ее одеждой... Билли вспомнил: в спальне рядом с часами появился букет роз. Значит, это Линда привезла цветы! Она, видимо, приехала домой раньше него, договорившись обо всем с матерью.

Ему вспомнился старый цыган с проваленным носом, его слова: “Ты вот говоришь, что не виноват... Но мир грешен, и все должны платить даже

за то, что они сами не делали. И нет никому никакого снисхождения”.

Билли повернулся и побежал по лестнице.

“Нет, нет, только не Линда! — сверлило в мозгу.— Пожалуйста, только не она, Боже! Только не она!”

Пирог лежал на подносе под полотенцем. Четверть его была съедена. В раковине лежали две тарелки и две вилки.

“Они сидели здесь и ели пирог, — подумал он.— Когда? После того, как я ушел спать?”

Он словно услышал смех старика цыгана: “Все платят, ром, даже за преступления, которые не совершали. Потому что все виноваты!”

Колени Халека подкосились, и он ухватился за стол, чтобы не упасть. А когда силы вернулись, вновь посмотрел на пирог. Тот все еще пульсировал, оставаясь живым и теплым.

Билли открыл буфет, вынул тарелку, вилку и нож.

— Почему нет? — прошептал он и потянул к себе поднос.

Пирог выглядел аппетитно. Несмотря на ранний час, его хотелось съесть. Тем более Хейди говорила, что ему необходимо потреблять побольше калорий.

— Ешь с аппетитом, — пробормотал Билли Халека среди тишины и солнечного благополучия кухни и отрезал себе сочный кусок цыганского пирога...

Перевод Эмили КОРДОНСКОЙ

АЛЕКСЕЙ КАРЕВ

Алексей Николаевич Карев родился в 1952 году в Калужской области. Окончил Высшее политическое училище МВД СССР и свыше двух десятилетий служил во внутренних войсках. Полковник запаса. Автор двух поэтических книг, вышедших в Москве в 1991 и 1996 годах. Член Союза писателей России.

Я ДОСТАТОЧНО В ЖИЗНИ ПОБЫЛ МОЛОДЫМ...

Не пишется. Какая чепуха!
Тетрадь отброшу, волосы взьерошу
И выбегу, подалее от греха,
На первую ноябрьскую порошу.

Не пишется. Какая ерунда!
Умрите же, бумага и чернила,
К вам не притронусь
больше никогда...

«И что тогда,
и что тогда-то, милый?»

ОДИНОЧЕСТВО

Ночь, туман и тоска...
Тишиной задыхается дом.
Если б все — на пока,
Если б — так, было б все чередом...

Чей-то пес за окном
Плачет вот уже много ночей.
Впрочем, кажется, он,
Как и я, безнадежно ничей.

Лупоглазый фонарь
Не согреет остывшую кровь.

Хорошо было встарь,
Что сулит мне грядущая новь?

Славу, денег ли тьму,
Самобранку ль на нищем столе?..
Ни душе, ни уму
Нет покоя на этой земле.

И надежды мне нет,
Что с пути своего не собоюсь.
Поскорей бы рассвет —
Тишиной задохнуться боюсь.

Я себя из себя выживаю,
Забываю, что было вчера,
И по нынешним дням вышиваю
Ровной гладью цветочки добра.

Сам себя утешеньями грея,
Вдруг все прежнее вспомню житье:
А вчерашний-то был я добрее...
И напрасное брошу шитье.

Мне опять не уснуть до рассвета.
По словам, как по шпалам, бегу,
В сердце ноет осколок поэта,
И расстаться я с ним не могу.

Где они, мои находки?
Где они, мои потери?
И горю всю ночь над строчкой,
Как фонарь на пустыре.
Мысли хмуры и нечетки...
Настежь окна, настежь двери,
Чтобы утром было проще
Снова в дом войти заре.

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Вершина надежды —
в объятьях тумана..
Мой путь не изведан,
мой конь не испытан.
И все ж покорю ее —
поздно иль рано, —
Я крепко смолою
упорства пропитан.

В дорогу, в дорогу!
Туман — не преграда.
Мне вовсе не свойственна
роль бедолаги.
На все испытанья
мне хватит отваги,

За все испытанья
надежда — награда.

И вот я у цели. Вдруг слышу:
«Невежда,
Куда ты торопишься
горной грядюю?..»
Над голой вершиной сияла надежда
Такой недоступной
и гордой звездюю.

Ветерок пробежал по аллее,
Поднял листьев пугливую стаю.
В этот миг ни о чем не жалею,
В этот миг ни о чем не мечтаю.

Вновь настала пора листопада,
И душе, обнаженной и нежной,
Ничего в эту пору не надо,
Кроме грусти безмерной,
бездребной.

Вон закат зацепился за ветви
Сиротливым прощальным лучом...
Не развеивай, слышишь ли, ветер,
Эту сладкую грусть ни о чем.

Примета: когда умирает
добрый человек,
с неба падает звезда.

Ни друзей у него, ни врагов,
Ни вершин на пути, ни оврагов.
Он не делает глупых шагов,
Даже просто случайного шага.

Он спокоен. Не курит, не пьет,
Пред начальством — зачем? —
не ершится.

Ни машина его не собьет,
Ни инфаркт посетить не решится.

Только все это не навсегда.
Не такое в природе кончалось...
И останется в небе звезда,
Та, которой упасть назначалось.

Н.С.

Что молчишь, мой друг,
о чем тоскуешь?
Расскажи кручинушку свою.
Может, я тебе сейчас какую
Песню развеселую спою.
Чтоб душа сначала улыбнулась,
А потом смеяться начала,
А потом вприсядочку рванулась,
Так, как прежде — помнишь ли? —
могла.

Ты, конечно, прав: судьба не мама.
Много раз пыталась на излом
И не осыпала с неба манной,
Больше все — снегами да дождем..
Больше все по кочкам, по пенечкам
В жизни нам пришлось шагать
с тобой...

Так чего бы солнечным денечкам
Вдруг не закружиться над судьбой.
Разве нам мечтать уже зазорно,
Разве ж не полюбим никогда?..
Поливай мечты златые зерна,
Талая весенняя вода!
Видишь, как деревья гонят соки,
Поят листьев молодую дрожь.
Видишь, тополь стал
опять высоким.

Видишь! Посмотри, и ты поймешь:
Ничего-то в жизни не напрасно,
Ничего еще не поздно в ней.
Вот она, по-прежнему прекрасная,
В хороводе этих вешних дней.

НЕЗНАКОМКА

Вроде ничего и не случилось,
Просто так взглянула и прошла.
Только солнце ярче залучилось,
И сирень нежнее зацвела.

Но она прошла, не обернулась,
Медленно растаяв вдальке...
Отчего же сердце трепыхнулось
Золотую рыбку на крючке?..

В ЗАПАСЕ

Эх, запряг бы я сейчас кобылку...
Н.Рубцов.

Назад лет тридцать
был я — сельский житель.
Потом служил...
Всему выходит срок.
И вот, повесив в шкаф
военный китель,
Вернулся на отеческий порог.

Зима в деревне.
Даль в морозной дымке.
Как девка краснощекая — заря!
И еду я зарею на кобылке
За сеном в луг простором января.
Навью возок
июльских трав настоем,
Буланую вожжою шевельну,
Подумаю: и мы чего-то стоим,
Коль не забыли нашу старину.

Так тихо здесь,
в лугу между стогами,
И пахнет медом сено на возу.
Я снег бужу неспешными шагами,
Как будто с хрустом яблоко грызу.

Эх, жить бы да и жить бы
в этом часе,
Забыв про войны, смерти,
кровь и боль.
Но если что... то я еще в запасе,
И китель мой в шкафу
не съела моль.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Осень
Осени меня, осень,
крылом золотым,
Подари мне свое озаренье.
Я достаточно в жизни
попыл молодым,
Наступает пора постаренья.

Кладбищенская береза

Она давно пустила корни тут,
Под нею вечным сном уснули предки.
И потому не вверх, а вниз растут,
К земле растут березовые ветки.

Деревне

Рассвет сорвал ночное покрывало
С окрестностей безмолвья твоего.
На церкви крест заря поцеловала...

И больше не случилось ничего.

Встреча для вас

ФЕНОМЕН ЮРИЯ БАСОВА

Старший прапорщик Юрий БАСОВ — старший техник информационно-вычислительного центра при Главкомате внутренних войск. Свои обязанности выполняет добросовестно. Числится на хорошем счету у начальства, пользуется авторитетом и уважением среди товарищей. Кроме этого сослуживцы обращаются за помощью к Юрию как к народному целителю...
Сегодня мы предлагаем интервью нашего корреспондента с этим интересным человеком.

— Юрий, молва о том, что вы помогаете людям избавиться от различных болезней без лекарств, идет давно. Скажите, кто же вы все-таки: экстрасенс, ясновидящий или психотерапевт?

— Давайте не будем мудрствовать лукаво: я просто народный целитель. Искусство исцелять людей от различных недугов мне досталось по наследству от двух родных бабушек. Если же смотреть глубже, то я продолжатель фамильных традиций в пятом поколении.

В глубокой древности таких людей называли волхвами, то есть колдунами, кудесниками. Сегодня эти термины устарели. Колдуном себя никогда не считал и не считаю. То, что дается от природы, посылается Богом.

— **Выходит, вы верующий?**

— Да, я верю в Бога.

— Если не секрет, каким образом ваши бабушки передали вам по наследству свое искусство исцелять людей без каких бы то ни было лекарственных препаратов?

— Так уж заведено на нашей Земле: одни люди уходят в мир иной, другие занимают их место в жизни. Вообще, методика передачи определенных фамильных секретов довольно-таки сложная и зачастую необъяснимая. Здесь все основано на чувствах. Скажу откровенно: это не проявление каких-то элементов колдовства. Нет. Это просто раскрытие доселе неизвестных человеку каналов общения с окружающим миром, со Вселенной.

Я был 18-летним парнем, когда бабушка по линии отца перед смертью попросила привести к ней меня. И когда она взяла мои руки в свои, я почувствовал ка-

кой-то необъяснимый прилив энергии. Создавалось впечатление, что на ладони воздействовали слабыми зарядами электрического тока. Тогда, конечно, я ничего не понимал, не осознавал. Лишь через определенный срок во мне постепенно начал раскрываться необычный талант бабушки.

— **И все-таки, в чем он проявляется?**

— К примеру, бывало, сгоряча выскажешь кому-нибудь какие-то нехорошие слова, и все сказанное неожиданно сбудется. Немного позже вторая бабушка, по материнской линии, начала корректировать мои необдуманные действия: мол, никогда словами не бросайся просто так, потому что магия определяет границы между простым человеком и тем, кто владеет ее искусством. То есть уже тогда бабуля, образно выра-

КАЛЕЙДОСКОП

жаясь, поставила меня на место. Иначе по молодости я мог бы многое натворить.

— Скажите, пожалуйста, а когда вы впервые открыли в себе Божий дар народного целителя?

— Случилось это в 1977 году. Я ехал в автобусе и увидел, как одной девушке вдруг стало плохо, она вся побелела. (Позже выяснилось, что у нее было больное сердце.) Мысленно начал давать поток энергии в ее сердечно-сосудистую систему. Перед взором моим ясно возникло изображение сердца незнакомки. Вместо обычного пурпурного цвета оно приобрело серый оттенок. Тогда я впервые увидел больной орган человека в красках и почувствовал ауру девушки.

Через некоторое время лицо у нее порозовело, она повернулась в мою сторону, и между нами возникла какая-то взаимосвязь. Девушка долго смотрела мне в глаза, а когда стала выходить из автобуса, то неожиданно сказала при всех мне: "Спасибо".

После этого во мне все сильнее и сильнее начал открываться дар ясновидения. Я мог просмотреть определенные картины дней, которые еще не наступили. И не только дней своей жизни, но и жизни других людей, которые обращались ко мне за помощью или просто с какими-то важными для них вопросами.

— Просто удивительно! Неужели вы можете даже предсказать человеку будущее?

— Да, я могу, но стараюсь не делать этого.

— Почему же?

— Потому что не каждый готов услышать то, что я скажу, заглянув в его будущее. Все зависит от интеллектуального уровня человека, от его мышления, от его подхода к жизни. Я, например, чувствую сам, насколько тот или иной собеседник созрел для того, чтобы узнать о себе и о своем будущем. Многие зачастую лгут,

пытаются доказать, что они готовы получить от меня необычную информацию, но я же чувствую: это вранье.

— Выходит, Юрий, вы можете даже определить, правду говорит человек или нет?

— Конечно. Частоты импульсных полей, идущих от человека, позволяют мне отличить правду от лжи.

— Если не секрет, какие методы (или способы, возможно,

правила) исцеления людей вы используете в своей практике?

— Начну с того, что я много учился. Любое искусство, пусть даже полученное по наследству, необходимо совершенствовать. А тем более искусство магии.

Для того чтобы противостоять злу, нужно знать определенные методики, которых существует несколько. Это и методика черной магии, и методика вуду (африканское колдовство), это и шаманство.

Первым моим учителем был народный целитель из Сибири Геннадий Александрович Яроцкий. Сотни людей, страдавших различными недугами, он поста-

вил на ноги и у себя в Сибири, и в других регионах России-матушки, много путешествовал в свое время по Уралу. Последний раз мы общались с ним в Екатеринбург.

Затем в Москве работал вместе с небезызвестной колдуньей российского масштаба Серафимой. Чем сильна эта женщина? Впервые, у нее две больницы, в которых мы проводили с пациентами курс лечения. Прежде чем получить диплом народного целителя, необходимо было сначала отработать с пациентами два месяца и доказать, что ты действительно чего-то достиг и способен помогать людям. После этого тебе выдавали сертификат. И лишь через полгода, по окончании экзаменов, в ходе которых признанные специалисты народной медицины окончательно убеждались в том, что ты не шарлатан, а человек с Божьим даром и уникальными способностями, вручали международный диплом целителя.

Во-вторых, Серафима сама очень хорошо и удачно изгоняет бесов из людей. Я неоднократно помогал ей проводить сеансы исцеления в различных кинотеатрах столицы...

— Извините, Юрий, а вы были свидетелем изгнания беса из человека во время сеансов, проводимых Серафимой?

— Конечно, был. Причем не один. Сотни людей присутствовали в зале, когда, например, малолетний ребенок вдруг начинал кричать грубым мужским голосом: "Черный колодец, на помощь!". А работает Серафима в основном молитвами, хотя и считает себя ведьмой, потому как прибегает в своей практике к элементам колдовства.

При исцелении людей я также использую молитвы, отчитки. Со временем создал свою, приемлемую только для меня методику, суть которой заключается в воздействии на подсознание челове-

ка на довольно-таки больших расстояниях. Вообще, открыта эта методика была не мной, ее использовали с древних времен в Тибете, в различных монастырях Индии...

— А могли бы вы привести какой-нибудь конкретный пример применения своей методики на практике?

— Пожалуйста... Позвонила как-то женщина и попросила меня помочь ее мужу, которого в тайге помял медведь. (К слову, за два года до этого она приезжала ко мне сама, у нее было сложное онкологическое заболевание, и врачи положительных результатов лечения ей не обещали. Мне удалось спасти женщину, хотя поработать пришлось немало. То есть вера у человека в мое искусство исцеления уже была.) Я вспомнил образ этой женщины и уже через него непосредственно работал на ее супруга, которого ни разу в глаза не видел. Мне было достаточно разрешения жены на работу с главой семейства. К тому же доктора помочь уже ничем не могли и просто считали дни до его смерти.

— Неужели вам удалось спасти и мужа этой женщины?

— Представьте себе, удалось! После нескольких моих сеансов мужчине стало легче, у него начали срастаться кости. А главное, появилось желание выжить. И он выкарабкался, хотя одной ногой стоял в могиле.

Я не могу словами объяснить всю методику исцеления людей от различных недугов, потому что она мне дана Всевышним. Я лишь использую тот механизм, который приводит в действие отдельные элементы этой методики.

— Юрий, мне известно, что одно время вы работали вместе с Джуной Давиташвили. Расскажите, пожалуйста, об этом нашим читателям поподробнее.

— Да, вы правы, я действительно работал у Джуны Давита-

швили около двух лет. Скажу, что она очень сильный специалист нетрадиционных методов лечения. Однако в нашем деле на первое место никогда нельзя ставить деньги. Главное — добиться скорейшего и полнейшего выздоровления нуждающегося в помощи человека.

Центр Джуны Давиташвили, приютив под своим крылом народных целителей, различных экстрасенсов, биоэнергетиков, поставил перед собой иную цель: обогатиться. С простых людей, обратившихся за помощью в этот центр, извините за выражение, драли три шкуры.

Представьте себе: за один ритуал, который у простой бабушки-целительницы в деревне стоит всего два-три куриных яйца, необходимых для выкачивания порчи или сглаза с человека, в некоторых московских центрах берут 200 — 300 американских долларов. Есть ритуалы и подороже: от 12 тысяч рублей и больше. Все зависит от запущенности той или иной болезни. Но скажите, разве можно наживать на несчастье людей?! К тому же в последнее время появилось очень много шарлатанов.

— Может быть, вы подскажите, как отличить настоящего народного целителя от шарлатана?

— Если честно, то сделать это не так-то просто. Но я подскажу. Позвоните по любому рекламному объявлению и спросите: с какого года функционирует центр народной медицины или практикует целитель? Если они начали работать лет 8 — 9 назад, то на 90 процентов гарантия того, что это новоиспеченные проходимцы, которые всего-навсего начитались книг о белой и черной магии, выпущенных в начале 90-х годов.

Дар народного целителя дается только природой, и никто больше не вправе его ни давать, ни заменять. Я, например, никог-

да не высвечивался ни перед кем, не давал никуда никаких объявлений. Люди годами сами шли ко мне. А народная молва — самая лучшая реклама.

Представьте себе: звонят мне и говорят, что от того-то человека, которого вы спасли, помогите и мне, пожалуйста. Естественно, сначала спрашиваю о характере заболевания, его симптомах. Да, у меня нет медицинского образования, но имеется медицинская энциклопедия, которая здорово помогает на практике. Сейчас уже ни для кого не секрет, что в последние годы современная медицина не отвергает использование многих наших методов лечения.

— Часто ли люди, страдающие различными недугами, обращаются к вам за помощью?

— Дело в том, что массовость в нашем деле не показатель. Тем более я уже подчerkнул, что никогда себя не рекламировал.

Было время, когда по выходным дням люди стояли в очереди на лестничной площадке возле моей квартиры. Сейчас я при погонах, поэтому времени, свободного от службы, очень мало, и его катастрофически не хватает для нормальной работы с больными. Однако по возможности никогда не отказываю в помощи ни друзьям, ни знакомым, ни сослуживцам. Я, как правило, принимаю их у себя по субботам и воскресеньям. Еженедельно провожу сеансы с 5 — 6 пациентами.

— И сколько по времени приблизительно длится сеанс?

— Самый короткий сеанс продолжается полтора-два часа. Это если все идет гладко. Тут многое зависит от самого человека, обратившегося за помощью. Сущность моей методики заключается не в том, чтобы разбудить жизнь в каком-то органе пациента и заставить его нормально функционировать, а сделать все возможное для того, чтобы сам больной совершил это. Только

при таком условии организм человека начинает предпринимать попытки борьбы с тем или иным недугом.

— А вы не могли бы, Юрий, вот прямо сейчас убедить меня в том, о чем рассказали, и продемонстрировать хотя бы что-то своего удивительного искусства?

— Для этого мне понадобится немного времени, чтобы сосредоточиться... (Сначала Юрий внимательно, не моргая, несколько секунд смотрел мне в глаза, затем окинул взором с ног до головы. — Авт.) Пожалуйста... У вас более 10 лет тому назад была травма затылочной части черепной коробки и сотрясение головного мозга... Сломана левая ключица, но она срослась хорошо. У вас вырезан аппендикс... (И далее он перечислил еще несколько моих болячек, которые периодически напоминали о себе, после чего мурашки побежали у меня по спине. — Авт.)

— Скажите, какие заболевания вам удается лечить наиболее успешно?

— Мне удается справляться практически с любыми недугами, которыми страдает человек. Я беру даже за лечение онкологических заболеваний. Все зависит от того, в какой стадии находится та или иная болезнь.

Моя методика позволяет успешно бороться с заболеваниями нервной системы, с гинекологическими и урологическими заболеваниями, остеохондрозом. В одно время в центре "Детская личность" под руководством Манфильдта я занимался даже лечением детского церебрального паралича.

Неплохо владею также мануальной терапией. У специалистов из Китая научился профессионально делать точечный массаж. Это здорово помогает мне в работе с пациентами.

— Так и хочется задать очевидной коварный вопрос: а мо-

жете ли вы читать мысли человека на расстоянии?

— Для того чтобы проследить за ходом мысли человека, необходимо внедриться в его подсознание. Безусловно, мне это удастся делать, но опять же только с разрешения самого пациента или близкого ему человека, который обращается за помощью.

— Мы часто слышим выражения "черная магия", "белая магия", "колдовство", "порча" и другие. Однако почти ничего не понимаем в этом. Скажите, Юрий, а существуют ли какие-то темные силы, которые мешают вам исцелять людей от тяжелых болезней?

— Да, к сожалению, силы зла присутствуют, и я это хорошо чувствую. Особенно их агрессия проявляется в конце уходящего 1999 года. Они причинили и причиняют столько горя людям, что объяснить на словах просто невозможно.

В своей работе народный целитель должен уметь противостоять силам зла, что я и делаю. Иначе они меня просто уберут со своего пути.

В моей практике встречалось много людей, на которых была наведена порча, то есть они попросту были приговорены к смерти. Приходилось проводить определенные ритуалы, откупать их, вытаскивать с того света. Все это я делал с Божьим словом, через церковь.

— В свое время вы, Юрий, в составе десантно-штурмовой бригады ВДВ выполняли интернациональный долг в Афганистане. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении поставленных задач, награждены орденом Красной Звезды, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги" и многими другими. Скажите, закалка, полученная там, помогает вам сейчас в службе и необычном занятии исцелять людей?

— Безусловно, помогает. Доба-

влю, что с 1979 по 1981 год я служил в разведке ДШБ, был командиром отделения. Неоднократно мои с Русланом Аушевым, нынешним президентом Ингушетии пути пересекались. Затем нас судьба не раз сводила с генералом, когда его младший брат проходил срочную службу в третьей роте Минской орденов Кутузова и Александра Невского части внутренних войск. В этом подразделении я тогда занимал должность старшины.

— Интересно было бы узнать прогнозы народного целителя на первые месяцы нового, 2000 года. Что нас ждет в ближайшем будущем?

— Знаете, я сейчас не берусь ответить на такой вопрос, потому что сделать это непросто. Планетарная система часто меняется. Причем не всегда в лучшую сторону. Нам приходится даже корректировать ее, чтобы то или иное негативное событие не произошло.

— И в заключение — что вы пожелаете читателям журнала в наступающем году?

— От всего сердца желаю, чтобы на рубеже веков любовь и счастье вошли в каждый дом, чтобы у вас никогда не было бы невосполнимых потерь — ни духовных, ни физических. Желаю, чтобы все ваши заветные мечты сбылись. Любите и будьте любимы! Желаю, чтобы люди как можно меньше обращались за помощью и к врачам, и к нам, народным целителям. Желаю благополучия и успехов в службе!

Беседу вел подполковник
Геннадий ШАХОВ

Фото
Владимира НИКОЛАЙЧУКА

История эта произошла незадолго до Нового года на Урале, в одной из частей внутренних войск. Не буду врать насчет своего личного участия, не было меня там, но за достоверность случая поручиться могу, так как слышал о нем неоднократно от непосредственных участников — людей серьезных и заслуживающих всяческого доверия. А дело было так...

Вообразите небольшой городок, горы, зима на дворе, за окном минус тридцать. На окраине городка в

Александр ЗОЗУЛЯ

МИРАЖ

лесу притаился объект некогда всесильной оборонки, охраняемый нашими бдительными воинами. В карауле прапорщики, люди взрослые и серьезные. Начкар старший прапорщик, то есть человек серьезный и ответственный вдвойне. Время — 20.00, на дворе темень, а в карауле проверка. Начальник этих самых прапорщиков майор Печников пожаловал — человек, известный всем своей непреодолимой серьезностью, умудренный опытом и принципиально не пьющий на службе. Стоит в комнате начальника караула рядом с пультом связи и документацию проверяет.

А за окошком просто сказка! Снега — выше крыши, горы кругом темнеют старинным лесом, а в лесу этом зверья разного нестреляного просто уйма! Лоси, кабаны, косули так и норовят в запретку пробраться.

Вдруг звонок с первого поста. Начкар старший прапорщик Митя-

гин трубку к уху поднес, выслушал, потом растерянно оглянулся на майора:

— Товарищ майор! Часовой первого поста доложил, что из леса верблюд вышел и у шлагбаума стоит.

— Да ты что, Митягин? Пьяного на пост выставил?!

— Он не пьяный был вовсе. Вы же сами на инструктаже проверяли, — обиделся Митягин и с надеждой в голосе произнес: — Может, это мираж?

был рыжим и выглядел самоуверенным. Майор перевернул пачку, но верблюд был нарисован и с другой стороны.

Тут снова зазвонил телефон. Майор сорвал трубку, выслушал лишь несколько слов и расшвырял:

— Ты что, Митягин, на пару с ним выпить успел? Ладно, сейчас сам приду.

Выдвигаясь к посту, Печников прикидывал, как наказать виновных и как бы помягче доложить о

— Какой там мираж? Мы не в Сахаре, в тулупе на пост бутылку пронес, вот и весь тебе мираж, — догадался опытный майор. — Ну-ка бери караульного и дуй, снимай эту пьянь с поста.

Пока Митягин и караульный надевали валенки и тулупы, пока брали оружие, пока они по тропе наряда шли к первому посту, майор Печников все не мог успокоиться. Он сел за стол, где на самом видном месте лежала пачка сигарет "Кэмэл" с верблюдом на картинке. Верблюд

случившемся командиру части. Но, подойдя поближе и несколько раз протерев глаза, он понял, что доложить помягче вряд

КАЛЕЙДОСКОП

ли удастся. Потому что то, что стояло напротив первого поста, не было ни коровой, ни лошадыю. "Может, это лось, которого в детстве березой по хребту шибануло, и поэтому он стал горбатым, беденький?!" — словно убеждая себя, подумал майор.

Да, это действительно был гордый корабль пустыни, неизвестно как занесенный в снежную тайгу. Верблюд стоял, нагло покачивая горбом и дыша паром, а его шерсть, изящно запыленная свежим снегом, искрилась в свете прожекторов.

Майор оглядел подчиненных. Взволнованные увиденным, те смотрели то на верблюда, то на своего начальника. Печников знал, что в непредвиденных ситуациях нужно отвлечь внимание людей и сказать что-то умное, значительное. Он ненадолго задумался и наконец собравшись с мыслями, произнес:

— Интересно, а верблюдов едят?

— Молоко точно используют, недавно по телевизору говорили, — пожал плечами начкара.

Тут вышли из ступора и другие.

— Интересно, это он или она? — спросил прапорщик Федякин.

— Вот ты и проверь, раз деревенский и с коровами общался, — распорядился Печников.

— Так ведь то коровы, а у этих я и не знаю ничего, — заворчал Федякин, но полез под брюхо.

— Да ты сзади пониже посмотри, что-то ведь там должно быть, фонариком посвети, — волновались за него сослуживцы.

Мужских принадлежности у верблюда не оказалось, но и вымени тоже, что привело эксперта Федякина, да и остальных в некоторое затруднение. Впрочем, оно разрешилось совершенно неожиданным образом. На просеке показалась лошадь, запряженная в сани. Вскоре уже можно было различить, что это конь лесника Орлик, в санях же сам лесник и сидел. Орлика этого солдаты из караула всегда жалели.

"Для нас хоть женщины и редкость, так через два года домой вернемся, а для него и какой-нибудь заваливающей лосихи нет".

В общем, изголодался Орлик по женской ласке. Сейчас трудно сказать, куда правил лесник своего коня, но Орлик сам себя направил к КПП. Раздувая ноздри и почему-то пригарцовывая, не обращая внимания на кнут и вожжи, он, сделав несколько шагов к шлагбауму, вдруг дико заржал и попытался встать на дыбы, после чего свалился от избытка чувств. Правда, он тут же очнулся,

поднялся и понесся прочь по дороге, забыв о хозяине, пытающемся в валенках и тулупе догнать уносящиеся сани.

— Спятил Орлик, — заключил Печников, — наверно, этот верблюд — женщина, и притом не самая красивая.

Майор заставил себя собраться и коротко распорядился:

— Животное привязать к столбу и охранять, головой мне за него отвечаете.

Фраза "отвечаете головой" вырвалась у него не случайно. Ведь если сейчас доложить командиру о верблюде в лесу, сделать запись в полевой ведомости, а этот подлец сбежит... Из самого потом верблюда сделают.

Командир части подполковник Корчин был еще в своем кабинете, сидел в кресле, попивал чаек и покуривал сигарету. Как всегда перед праздниками, день выдался тяжелым, от телефонных трелей голова гудела. Правда, после семи вечера телефон больше помалкивал, и Корчин уже подумывал допить чай, докурить сигарету и ехать домой.

Но телефон в очередной раз зазвонил, и в трубке послышался взволнованный голос майора Печникова:

— Товарищ подполковник, у нас тут ЧП. В карауле верблюд находится.

— Ты что-то перепутал, Иван Савельевич. У нас Новый год на носу, а не первое апреля! — добродушно хохотнул Корчин.

— Я серьезно, товарищ подполковник, часовой первого поста доложил, что из леса на пост верблюд вышел.

— Так ты отправь начкара с караульным. Твой часовой, наверно, загодя праздник отметил.

— Никак нет, уже сам сходил проверил, есть верблюд на посту, — не отступал майор.

— Вы что там, все перепились? Или «Кэмэла» обкурились? Ждите, сейчас сам приеду.

Подполковник выехал в караул, убедился своими глазами и лично

КАЛЕЙДОСКОП

ощупал верблюда, после чего приказал держать того до выяснения обстоятельств на хоздворе части в компании с коровами и свиньями.

Утром командир первым делом вызвал зампотылу.

— Слушай, Михалыч, у нас на хоздворе верблюд стоит. Ну-ка выясни, чем его кормить и как вообще использовать можно.

Зампотылу был человек тертый, повидал всякое и, нисколько не удивившись, достал из стола не то справочник, не то приказ, полистал, бормоча "...овса много... температуру поддерживать..." и заключил:

— Нет, содержать его накладно. Мороки много, а мяса мало.

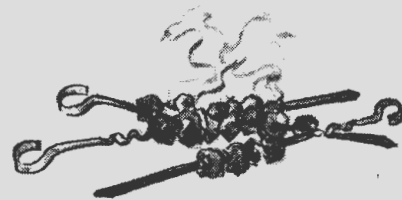
Он еще подумал, пожевал губами и предложил:

— Скоро праздник, народ по улицам гуляет. Давайте верблюда у городской елки поставим и платное фотографирование организуем? Глядишь, на ремонт штабного «уазика» денег поднаберем...

А дальше все было вполне обычно, и сразу после Нового года история закончилась. Дали объявление о находке в городской газете, нашелся его хозяин — община какой-то мудреной нетрадиционной религии. У них, как оказалось, намечался праздник, и для ритуального блюда был необходим именно верблюд. Престарелого корабля пустыни сектанты приобрели по остаточной стоимости в зоопарке областного центра. То ли этот верблюд сопку с барханом перепутал, то ли просто прогуляться по

зимнему лесу решил — непонятно, да и неважно теперь. Все равно его съели нетрадиционно верующие ребята. И в благодарность за находку хотели на плацу перед штабом свою психоделическую песенку исполнить, да не в настроении был командир...

А фотографию в стиле "Три богатыря" (Орлик, бык Борька и верблюд) как доказательство правдивости этой истории увез с собой уволившийся в запас воин с хоздвора.

Посмотрев с сынишкой боевик, отец сказал:

— Тоже мне Рембо, взвод солдат уложил... Во время службы я, помнится, враз батальон из строя вывел!

— Честно?

— Конечно.

— И медаль за это есть?

— Медали нет.

— А почему?

— Видишь ли, меня тогда назначили поваром на кухню...

После отбоя старшина заходит в казарму и видит, что рота не спит.

— Глаза закрыть! — подает он команду. — Отставить! Не слышу щелчка.

Молодой офицер уволился в запас, встретился с бывшим сослуживцем и рассказывает:

— Представляешь, хотел сынишке сделать самокат, натащил с завода массу деталек, а как ни начну собирать, то АКМ получается, то "Макаров"...

ПОДОПЛЯ
РМЕЙСКОГО
НЕКДОТА

Разговаривают офицерские жены.

— Не знаю, как твой, а мой живет одним днем.

— Да и мой тоже. За день выматывается так, что ночью уже ни на что не годится.

В воскресенье солдат привели в музей. Экскурсовод объясняет:

— Это сын фараона, это его жена, это брат фараона, а это мумия фараона. Вопросы есть?

— А мумия, она кем фараону приходится? — спрашивает наконец один из солдат.

На хозработках сержант обращается к подчиненному:

— Рядовой Степанов! Почему вы несете два кирпича, хотя все берут по четыре?

— Так они лентяи, товарищ сержант, не хотят ходить по два раза.

Из заметки в газете: "Новобранцы N-ской воинской части, недовольные неуставными взаимоотношениями, совершили марш-бросок протеста по просьбе своих сержантов..."

Из объяснительной: "Я возвращался домой после наряда, и кто-то нечаянно наступил мне на руку..."

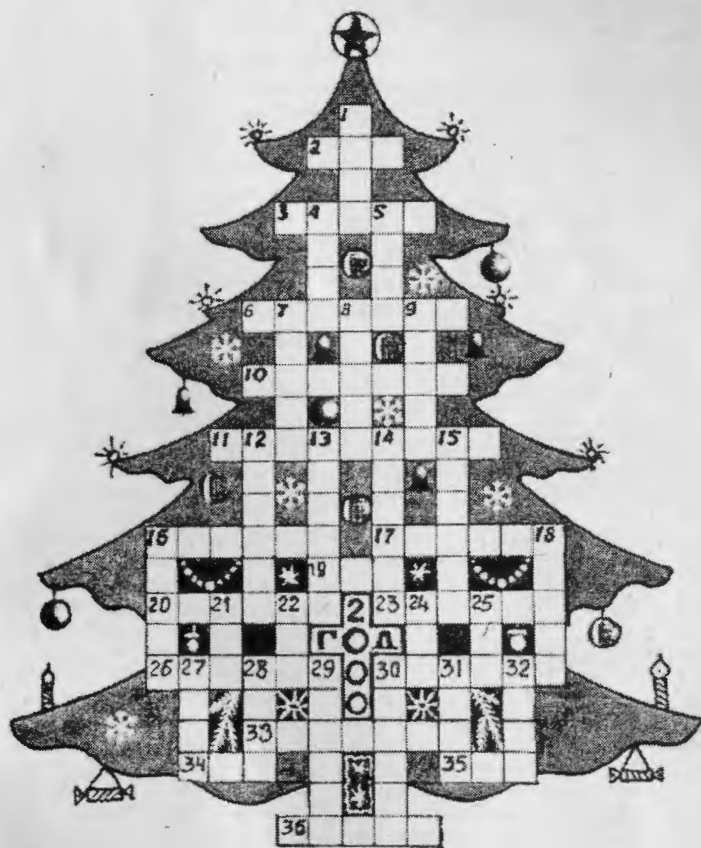
Учения. Стрельбы на полигоне. Танк дает залп.

— Недолет триста метров! — докладывает наводчик танка.

Командир:

— Вот зараза! Сидоров, заводи и вперед на триста метров.

НОВОГОДНИЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. ... Мороз. 3. Санта-... — Дед Мороз в США и Англии. 6. Дед Мороз в Узбекистане, которого там называют снежным дедушкой. 10. Кривой нож с двумя поперечными ручками для строгания. 11. Длинная цветная бумажная лента, являющаяся украшением новогоднего бала. 16. Нарубленные еловые ветки. 17. Столица Македонии. 19. Угнетающая, поработавшая сила. 20. Мифологический огнедышащий змей, символ 2000 года по восточному гороскопу. 23. Баббо-... — Дед Мороз в Италии. 26. Арбузный сок.

30. Европейская страна, где в новогоднюю ночь принято выбрасывать на улицу из своих квартир и домов старую домашнюю утварь. 33. Персонаж кинокомедии Э. Рязанова "Карнавальная ночь". 34. Домашнее животное — символ уходящего 1999 года по восточному гороскопу. 35. Длиннохвостый ярко расцвеченный попугай. 36. Детская поэтесса, автор новогоднего стихотворения "Дело было в январе".

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Имя героини новогодней кинокомедии, которую успешно сыграла Л. Гурченко. 4. Вечнозеленое дерево или кустарник, листья которого используют как пряность, а венок или ветка из них являются символом победы. 5. Часть суток, начало дня. 7. Премия американской киноакадемии. 8. Несколько составленных определенным образом снопов хлеба, льна в поле. 9. Искусство театрального танца. 12. Лес, состоящий из вечнозеленых хвойных деревьев, редящий в канун Нового года. 13. Великий русский поэт, чье 200-летие со дня рождения в 1999 году отметил весь мир. 14. Русский поэт, автор стихотворения "Есть страны..." ("В такой-то стране ароматной ночью, / При шепоте лавров и роз, / Свершилось желанное чудо, / Родился младенец-Христос"). 15. Ввоз товаров в страну из-за границы. 16. Ароматическая смола, применяемая при религиозных обрядах. 18. Герой русских народных сказок. 21. Мера земельной площади, применяемая в странах с английской системой мер. 22. Французский физик, открывший эффект ионизации атома. 24. Законченная часть драматического произведения или театрального представления. 25. Селение на Кавказе, в Казахстане, Средней Азии. 27. Сборник новелл С. Цвейга. 28. Оборонительное сооружение для защиты от пуль и снарядов. 29. Сосуд в форме стакана с ручкой. 30. Скрещивание близкородственных растений. 31. Южное дерево, съедобный плод которого по форме похож на яблоко. 32. Лист хвойных деревьев.

Составил
Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. "Переправа". 8. Биография. 10. Мечик. 11. Розов. 12. "Окружение". 15. Атахан. 18. "Разбег". 19. Симонов. 20. Воронов. 21. Вольнец. 25. Полевой. 26. Карпов. 27. Пикуль. 31. Керженцев. 33. Финал. 34. Фомин. 35. Колоскова. 36. Герасимов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. "Пережитое". 2. "Керим". 3. Валько. 4. "Россия". 5. Басов. 6. Николаева. 9. Чижиков. 13. "Жаворонок". 14. Сальнский. 16. Тихонов. 17. Шолохов. 22. Старшинов. 23. "Четверо". 24. Сальников. 28. Леонов. 29. "Сестре". 30. Жаров. 32. Холин.

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

Публикуется впервые

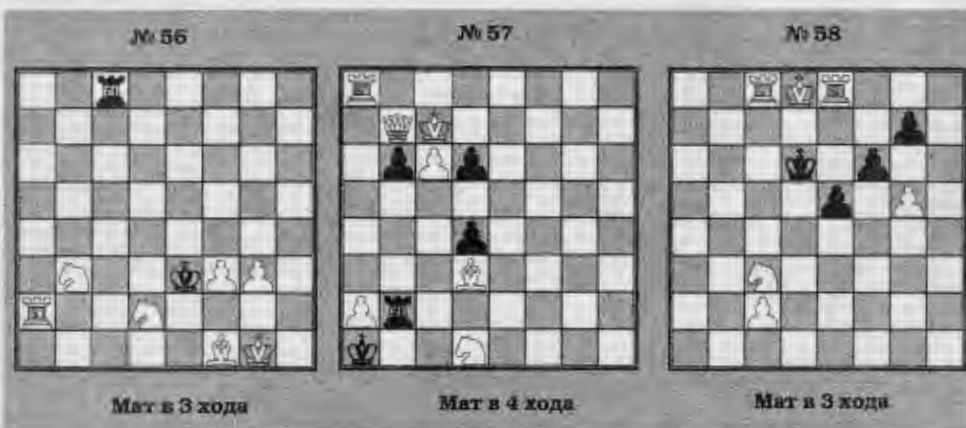
мые чемпионаты мира преобразовать в розыгрыш Кубка мира и проводить его раз в два года. Обладатель Кубка получает право играть матч с чемпионом мира. Предложение это будет якобы рассмотрено в дни юбилейного торжества по случаю 75-летия ФИДЕ. Оно состоится в Париже в конце года. Ни в одном виде спорта подобного порядка чемпионатов мира не существует, особые привилегии чемпионом мира не предоставляются, они сражаются со всеми на равных.

Старинная партия

Приводим довольно любопытную партию, игранную в Петербурге в 1854 году, то есть почти полтора века тому назад. Играли ее выдающиеся шахматисты Илья Степанович Шумов (1819—1881) и Карл Андреевич Яниш (1813—1872).

И.Шумов — К.Яниш.
Итальянская партия. 1.e4 e5 2.Kf3 Kc6 3.Cc4 Cc5 4.c3 Kf6 5.d4 ed 6.e5 d5 7.ef dc4 8.Фe2+ Ce6 9.fg Lg8 10.cd K:d4 11.K:d4 C:d4 12.Фh5 Фf6 13.0—0 L:g7 14.Фb5+ c6 15.Ф:b7 L:g2+! 16.Kp:g2 Фg6+ 17.Kph1 Cd5+ 18.f3 C:f3+ 19.L:f3 Фg1X!

К.А.Яниш был почетным членом шахматных клубов Парижа, Лондона, Вены, Нью-Йорка. Он любил композицию, составлял превосходные задачи и этюды художественного стиля.

Мат в 3 хода

Мат в 4 хода

Мат в 3 хода

Характер чувственного восприятия — главный критерий в оценке произведения искусства, в том числе и в шахматных композициях.

Трехходовка № 56 отмечена вторым призом в одном из конкурсов 1993 года. Судил конкурс доктор технических наук, профессор А.П.Пуляев. Во всех странах мира призы в соревнованиях по композиции — это в лучшем случае шахматные брошюры. Чаще же никакого материального вознаграждения вообще нет, автор довольствуется только тем, что его произведение признано одним из лучших.

В № 56 одинаковых вступлений много, но решает только одно. 1.Ла7 ?Лс7!, 1.Ла6 ? Лс6!, 1.Ла4 ? Лс4!, 1.Ла1 ? Лс1! К цели ведет только 1.Ла5! Лс5 2.Крг2!!, цугцванг; 2...Лс4 3.К:c4X! На другие ходы черной ладьи следует 3.Ле5X!

В № 57 требовалась по условию соревнования жертва ферзя на любом ходу. 1.Ф:b6! Л:b6 2.Кр:b6 d5 3.Кра5!! Кр:a2 4.Крb4X!

Условие выполнено, при решении надо увидеть индийский маневр!

Решение мередита № 58 несложно, предлагаем читателям найти его. Мередитами называют задачи, в начальном положении которых от 8 до 12 фигур.

Любителям гетеродоксов предлагаем решить следующие задачи.

№ 59. Kpg8, Ka3, пп. c4, d6 (4) Ke8, Ld8, Cb8, пп. c5, d7 (5), кооперативный мат в 2 хода.

№ 60. Kpf8, Лb1, п. d6 (3) — Kрс6, Лс7, Cd7 (3), кооперативный мат в 3 хода, 2 решения.

В заключение небольшая ортодоксальная загадка.

№ 61. Kрс8, Ca7, пп. c6, — e4 (4) — Kрд6 (1), белые берут ход обратно и дают мат в 1 ход.

Страсти не утихают

В прошлом номере мы общались, что победитель проведенного в августе этого года в Лас-Вегасе (США) чемпионата мира Александр Халифман объявлен ФИДЕ 14-м чемпионом мира. Несмотря на несогласие с этим решением Г.Каспарова и его окружения и даже А.Карпова, ФИДЕ свое решение не изменило.

Что же предлагают противники решения ФИДЕ? Они предлагают проводи-

На боевом посту, № 11, 1999

№ 53. Kрс8, Ld7, Cf8, Kf4, Kg3, пп. e7, d4, e3, f7, h4 (10) — Kрf6, Cg6, Kh8, пп. d6, d5, e4, h7, h6, h5 (9), мат в 3 хода. 1. Kрд8! K:f7+ 2. Kрс8! K — 3. Cg7X!, 2... Cf5 3. Kg:h5X!, 1... C:f7 2. Ле7! C — 3. Cg7X, 2... Kg6 3. Kf:h5X!

№ 54. Kрс2, Фe8, Cc4, п. e7 (4) — Kрс4, Фb7, Кe5 (3), кооперативный мат в 2 хода. 16. Фа8!! Фа4 2. Фd5 Cd3X!

№ 55. Kрf4, Лс7, Kd3, п. g5 (4) — Kрд6, п. d4(2), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. 1. Kрс6 Лс6+ 2. Kрд5 Kb4X!; 1. Kрд5 Лd7+ 2. Kрс6 Кс5X!. Эхо-маты в исполнении коня!

ПРОВЕРЬТЕ
СВОИ
РЕШЕНИЯ

Указатель основных материалов, опубликованных в 1999 году

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Указ Президента Российской Федерации	1
КИСЛЫЙ Ю. Об успехах – без пафоса. О недостатках – в полный голос	1

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

ЕФИМОВ В. Трудностям вопреки	1
ЗАЛЕВСКИЙ П. Проблема номер один	8
КЛИМЕНТЬЕВ А. Не уронить авторитет войск	4
МАСЛОВ П. Новый облик войск правопорядка	3
ОВЧИННИКОВ В. От войск правопорядка – к Федеральной гвардии	7
ФАТЕЕВ К. Реформы: с учетом новых приоритетов	2
ХРОМЧЕНКО П. Высшая школа. Что завтра?	9

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

ДЕКУШ О. Никто не забыт, ничто не забыто?	9
КАЛИНЧЕВА Е. "Живи, родная, долго-долго!"	2
КАМШЕКИН Н. В самом начале войны	1
КАРПОВ Б. "Мама, напиши мне песню про белую березу"	8
КАРПОВ Б. Только сейчас он вернулся из боя...	1
КИСЛЫЙ Ю. Живем и помним	10
КОЛЕСНИКОВ С. "Я смерти не боюсь..."	2
КОЛЕСНИКОВ С., ЛЕБЕДЕВ А. Не поступившись честью	4
ЛЕБЕДЕВ А. Рядовой Александр Кривоножкин: "Желаю подольше прожить на этом свете"	9
ЛЕБЕДЕВ А. "Продержись еще немного, любимая..."	10
МУЧАК И. Небо в наследство...	2
НИКОЛЬСКИЙ В. Он спит в земле донской	2
НИКОЛЬСКИЙ В. Экзамен ценою в жизнь	4
ПЯСЕЦКАЯ А. Будет ли услышано "Эхо войны"?	1
СОФРОНОВ И. Когда плачут города	3
СОФРОНОВ И. Сохраните им право на ... смерть	10

СЛУЖБА

БАУРИН А. "Подслушанные" мысли генерала	7
БОРИСЕНКО Н. Поддай победе руку	11-12
Воспитатели о воспитании ("круглый стол")	5
КАМШЕКИН Н. Наши на Балканах	2
КАМШЕКИН Н. Застава у Терека	4
КАМШЕКИН Н. На границе с Чечней спокойных дней не бывает	5
КАМШЕКИН Н. Будни войскового спецназа	7
КАРПОВ Б. Похороненный дважды...	7
КИСЛЫЙ Ю. "Городок наш ничего..."	2
КИСЛЫЙ Ю. Для спецзвезда нет плохой погоды	4
КИСЛЫЙ Ю. Застава, "Кольцо!"	8,9
КОЖЕВНИКОВ М. Сохранить золотой фонд войск правопорядка	10
КОЖЕВНИКОВ М. "Работа с кадрами – приоритетная обязанность каждого руководителя"	3
КУДРЯШОВ А. Дни и ночи доктора Сапожникова	11
ЛЕБЕДЕВ А. Памяти военных журналистов	2
ЛЕЦКО С. Зубаревы на службе Отечеству	9
МАКАРОВ А. Почему бегут солдаты?	1
МАКАРОВ А. Проверено – мины есть	7
МИШЕНЬКИН А. Спорт смелых	11
МУЧАК И. Старая песня о главном в воспитании военнослужащих	4

НИКОЛЬСКИЙ В. "Орел"! Я "Ястреб". Прошу на связь!	5
ПЕТРОВ А. О пользе одиночного купания	10
РАКУСА А. Труть	8
СИМОНЕНКО Г. Служба при деньгах медом не кажется	1
СИТУХА В., ЛЬВОВ В., ФЕДОРОВ В. Наша броня крепка!	4
СОФРОНОВ И. Войны Александра Шигаева	2
СОФРОНОВ И. Зимний рейд кадетского спецназа	4
СОФРОНОВ И. Приступить к ликвидации	7
СОФРОНОВ И. Ветераны объединяются	8
СОФРОНОВ И. Две войны Альфреда Долотказина	12
СТАНКЕВИЧ А. Когда в товарищах согласье есть...	9
СТЕПИН Б. Символы воинской доблести и славы	10
СЫРТЛАНОВ М. Побратимы	11
Укротители огня (фоторепортаж)	4
ФЕДОРКОВ Д. Нетипичный генерал	5
ХОЛОДОВА О. Охота на "золотых" мальчиков	8
ШАХОВ Г. Уральский эшелон	3
ЩЕГЛОВ А. Ностальгия по бдительности, или Чему учат Шекспир и... ЦРУ	1

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

АЛЕКСЕЕВ П. "Центурион" бросает вызов	11
БОНДАРЕВСКИЙ Г. Кавказ всегда был горячим регионом	4
БРУДНОВ А. Патриотическое воспитание – начало воинского	1
ВОЛКОВ В. "...За державу обидно"	7
ВОЛОХА А.: "Ушедшим в запас ветеранам помогаем остаться в строю"	5
ГЕОРГИЕВ Н. Закон что дышло	2
"Ратники Отечества"...	3
ЖАРНИКОВА Е. Прокрустово ложе социальной адаптации	3
КАШИН В. Возродим сады России	11
ЛЕБЕДЕВ А. Брат Валька	11
МУЧАК И. Общественные организации – частные интересы	1
ПЕТРОВ А. Жизнь продолжается	11
СЕНКОСОВ Ж. В душу лезть не обязательно	11
СОФРОНОВ И. Вместо медали – "бумажный боезапас"	5
СОФРОНОВ И. "С нами крестная сила и небесная рать!"	9
ЩЕГЛОВ А. Пока сердца для чести живы...	4
ЩЕГЛОВ А. Стояние в вере	9,10

РЕТРОСПЕКТИВА

АГАПОВ В. "Щирый хохол" Сашко Бронштейн	4
АГАПОВ В. Филеры. Кто они?	9
БОРИСОВА О. В войсках – навсегда	3
БОРИСОВА О. ВОХР – это внутренняя охрана Республики	5
ГЕОРГИЕВ Н. Загадки биографии маршала Егорова	10
КАПЧИНСКИЙ О. Разведчик Медведев служил в... ГУЛАГе	7
КОПЕЙКИН А. Две жизни комбрига Бессонова	2
МАРКЕЛОВ Н. "Преданья грозного Кавказа"	12
СУХАРЕВ Ю. За что сражался русский воин	7,8
СЫСОЕВ Н. Его жаловал Николай II и ненавидел Распутин	4
СЫСОЕВ Н. "Спецназ" для ВЦИКа	5
СЫСОЕВ Н. Почетный чекист красноармеец Рудзит	8
СЫСОЕВ Н. ...И служить государю верно	3
СЫСОЕВ Н. И стражники французов побивали...	9
ЧИНЕННЫЙ С. Брак и семья русского офицера	12

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

БАРАНОВ В. Концерт (рассказ)	4
БЕРЕЗОВСКИЙ Н. Крыша (рассказ)	4
БОГДАНОВИЧ А. Чтоб жила ожиданием душа... (стихи)	8
БОРИСОВ М. Я все испытал на веку (стихи)	3
ВИНОГРАДОВ Ю. Высокоточное оружие – книга	8
ВЫРВИЧ А. Шел эшелон по полигону... (стихи)	11
ГУСЕВ В. Бессмертие веселого имени	6
ГУСЕВ Е. Сон мой сладкий, боль моя... (стихи)	7
ДУРНЕВ Ю. Короткие встречи	2
ДУРНЕВ Ю. Михайловские рощи	5
ЕРХОВ Е. "Судьба моя – войны жнивьё"	3
КАЗАКОВ Н. Мир тесен (повесть)	7,8
КАРЕВ А. Я достаточно в жизни побыл молодым (стихи)	12
КИНГ С. Тающий Библи (повесть)	11,12
КИРИЛЛОВ Ю. Возвращение в детство (стихи)	5
КОЗЛОВ И. Овца с венком на шее (повесть)	9,10
КОСТРОВ В. Обещая прощать и любить (стихи)	6
МИХАНОВСКИЙ В. Вечерние дымятся тополя (стихи)	10
НАЙДИЧ М. На рассвете седом (стихи)	2
НАЙДИЧ М. Шагающий через века	4
От ясного дня до несчастного дня (стихи)	6
ПОСТНИКОВА Е. Рассказы	3
ПОРОХИН С. У байкальских скал	11
САЛОМАТИН В. В небе не гаснет звезда (стихи)	9
Сапоги всмятку (сатира, юмор)	1,3, 6,10,12
СЕМЕНОВ Ю. Головной эсбист (повесть)	5,6
ТОСКАЛЕВ Ю. "Я научился видеть сердцем..." (стихи)	4
ФИЛАТОВ А. Степные вольные страницы (стихи)	1
ЧЕРНЫХ И. "Серые волки" (повесть)	1,2

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

ДАДОНОВ В. "Скопище бандитов не может победить регулярные войска"	10
ИСТОМИН А. Раздолье для стервятника	12
КАРПОВ Б. Олег Смирнов – уникальный кадр	11
КИСЛЫЙ Ю. Трудные пути к высотам	11-12
КИСЛЫЙ Ю. К Тереку – на броне ОБРОНа	12
КОЛЕСНИКОВ С. Мы перед павшими в долгу	12
ЛЕБЕДЕВ А. В мае девяносто пятого... ..	12
МАКАРОВ А. Дагестанский дневник	10
МАКАРОВ А. Извозчики войны	11
По сообщениям пресс-бюро внутренних войск МВД России	10-12

ЮБИЛЕЙ

АНФЕРТЬЕВ И. "...Для того, кто достоин иметь Отечество"	8
АРТЕМОВ О. Часовые Кавказа	1
БАСКАКОВ В. "Новгородцы"	1
БОРИСОВ С. Флюгеру предпочли компас... ..	3
КУДРЯШОВ В. "Войсковому вестнику" – 10 лет	8
ЛОБОВИЧ А. И все равно – Герой, или Снайпер из Тамбова	1
МУЧАК И. 30-я кафедра	3
ПЕТРОВ А. Кузница инженерных кадров... ..	8

К ДНЮ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА

КУЛЬЧИЦКИЙ В. Советы русского офицера	2,3
ОЛЬГИН И. Ровесник века	2

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

СИБИРЦЕВ Т. Цвет петлиц он менял четырежды, убеждения – ни разу	3
ХОЛОДОВА О. Наша память смотрит с высоты	12

С ДНЕМ ПОБЕДЫ!

ДАЖИНА И. "Чтобы жили вы..."	
------------------------------------	--

ФРОНТОВИКИ

МУЧАК И. Комбат	5
ЮДИН В. Военлет Громова	5

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

БЕЛЬЧЕНКО С. "Войну я встретил на западной границе..."	6
СЕМЕНЧИК И. Достойны уважения и памяти	6

ОДОНУ – 75 ЛЕТ

КАЗАКОВ Г. Здесь и танцуют, и поют... ..	6
КАРПОВ Б. Этих парней взяли в разведку	6
КИРИЛЕНКО А. Полку "витязей" прибыло	6
КОРЯК Г. Возродить авторитет дивизии	6
КУДРЯШОВ А. Между молотом и наковальней	6
МАКАРОВ А. ...А обед – по распорядку	6
МУЧАК И. Четыре пункта аттестации	6
НИКОЛЬСКИЙ В. "Расчеты, к бою!"	6
СЫСОЕВ Н. Неизвестный знша Павел Смирнов	6
ТАРАСОВ А. Снайперы "болотного" фронта	6
ТУРАПИН Н. Не пасовать перед трудностями	6

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ "У НИХ"

ГИЛЕНСЕН В. Спецназ в "конфликтах малой интенсивности"	7
СЕНКОСОВ Ж. От массового войска – к наемной армии	7

КАЛЕЙДОСКОП

АЛЕБАСТРОВ И. Тайна изобретателя миномета	9
ВАКУЛИЧ Л. В добрый путь, лотерея!	1
ДУРНЕВ Ю. Гагаринское древо	4
ЗУБЦОВ Н. Вия Артамане: "Я счастлива, что я актриса..."	10
КАЗАКОВ Г. Приезжайте к нам в "Тарусу"!	8
КАРПОВ Б. Русским словом – прямой наводкой	2
КАРПОВ Б. Борис и Елена Галкины: "Еще хватает в нас любви и боли..." ..	3
КОВАЛЕНКО В. В "Солнечном" всегда солнечно	
Кроссворд	1-12
МАКАРОВ А. Оркестр полковой вновь за душу берет	5
СЫСОЕВ Н. Подвиг сержанта	11
СЫСОЕВ Н. Суворовцы из... НКВД	1
ЧЕРНОДУБРОВСКИЙ Л. Он был живая песнь	4
ШАХОВ Г. Трехкратный олимпийский Иванов	2
ШАХОВ Г. Светик-многоцветик	4
ШАХОВ Г. "Армейский магазин". Заходите!	5
ШАХОВ Г. Он все спешит за чудесами... ..	6
ШАХОВ Г. У Георга Отса был один ученик... ..	7
ШАХОВ Г. В хоккей играют настоящие... ..	8
ШАХОВ Г. Валентина Толкунова: "Я не могу иначе..."	9
ШАХОВ Г. Феномен Юрия Басова	12
Шахматный клуб	1-12

Николай СТАРШИНОВ

* * *

Розовая облачная пена
Плещет на закатные поля.
Я, твой сын веселый, постепенно
Умираю, матушка-земля.

Все опасней сердца перебои,
Миг — и разорвется на куски...
Как же распрощаться мне с тобою
Без душещипательной тоски?

И тебя большой и чистой славлю.
Только вижу я, твой кровный сын,
Как в реке испуганный головлик
Мечется, глотая керосин.

И скудеешь ты лесной листвою.
Это что — на мир бросаешь тень,
Над твоей открытой головою
Водородный занесен кистень.

Что с тобою станет, я не знаю,
Но твержу на будущие дни:
“Ты храни себя, моя родная,
Воды и леса свои храни!”

Открывая ширь небес и недр,
Зазывая к голубым морям,
Бабушкой заботливой и щедрой
Будь моим сынам и дочерям!

И не хмурься, что тебя покину,
У тебя своих печалей тьма;
Если не дала бессмертье сыну,
Ты хотя бессмертной будь сама!”

В нынешнем декабре
исполнилось бы 75 лет
выдающемуся русскому
поэту, фронтовику,
лауреату Государственной
премии России,
давнему другу нашего
журнала
Н.К. Старшинову
(1924-1998 гг.)

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Редакция журнала

предлагает изготовить:

буклеты, листовки, брошюры, сборники, визитки, плакаты, постеры, календари

Очень низкие цены, короткие сроки.

Расценки на размещение рекламы в журнале и его приложениях с января 2000 года:

третья страница обложки журнала (цветная) — 6 тыс. руб.;

четвертая страница (цветная) — 8 тыс. руб.

Цветная полоса в журнале — 4 тыс. руб.;

черно-белая полоса в журнале (в газете «Ситуация» и сборнике «Войсковой вестник») — 3 тыс. руб.

При одновременном размещении рекламы в журнале и его приложениях, а также повторном размещении рекламы предоставляются скидки до 15%, которые определяются в каждом конкретном договоре на размещение рекламы.

Индексы:

70610 — для индивидуальной подписки;

73175 — для организаций и предприятий.

Стоимость подписки на полугодие:

70610 — 138 руб.;

73175 — 150 руб.

Через редакцию можно выписать журнал по стоимости индивидуальной подписки. Ранее вышедшие номера вы можете приобрести в редакции по цене 10 руб. за один номер

Справки по тел.: 917-98-07

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Журнал Внутренних В

В ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНО-ЖУРНАЛИСТИЧЕСКИХ И ЖУРНАЛ ВНЕШНЕГО СВЯЗИ МОД РОССИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НА БОЕВОМ ПОСТУ

ВОЙСКОВОЙ ВЕСТНИК

СБОРНИК УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

6-99

Издается с апреля 1990г.

Ситуация

№ 43 (421) ОКТЯБРЬ 1999г.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Официальное издание при выделении долга в Республике Дагестан Российской Федерации приковано: **НИИВ Ириса Юрсева** — заместителя Российской Федерации № **ПНУ Андрей Васильевич** — Российской Федерации № **Зинуров Станислав** — Российской Федерации №

проведение специального боевого разведывательного подразделения в Дагестане во главе оперативника И.Рослав сор. и Д.Перминов измазе. тке, под руководством Ян-Ирсева, Ор-перьяво-листрин-ча бы-Ирсева